

interaction

интеракция

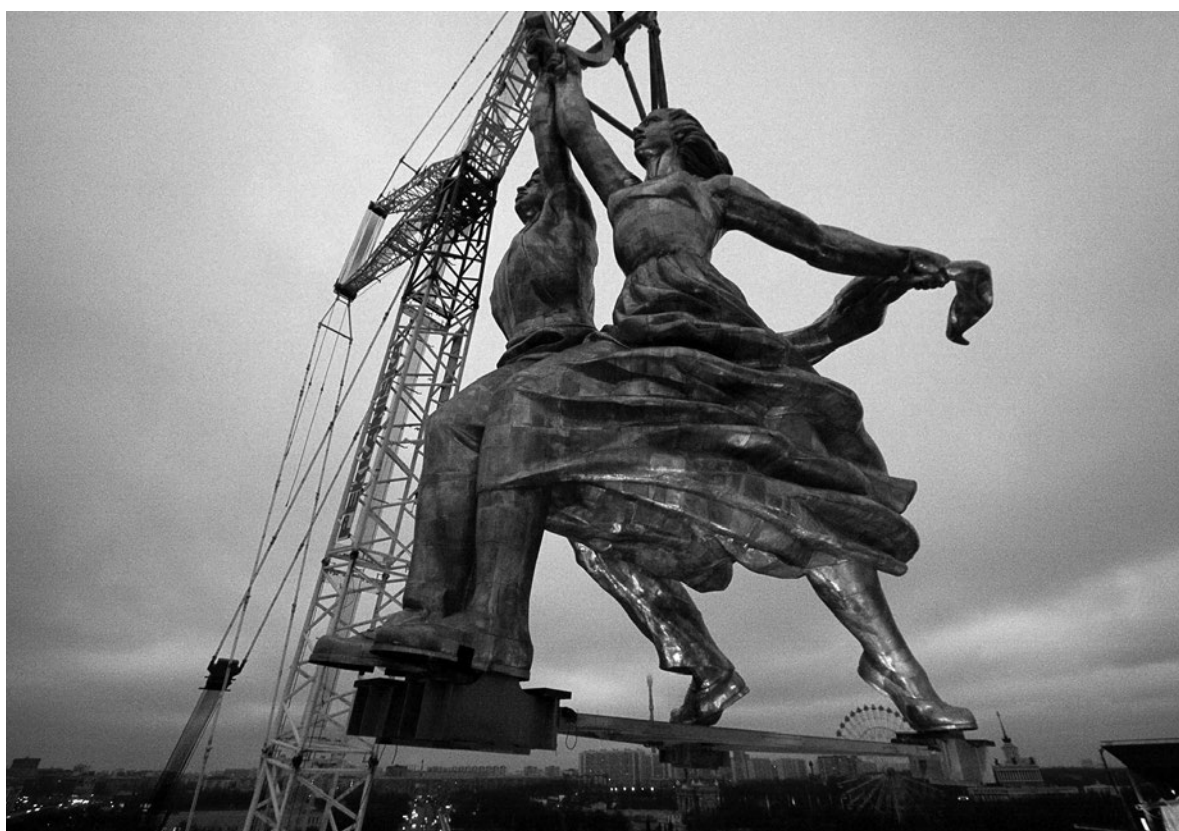
interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 8'2014

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биографии и общество»

8' 2014

© 2014 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Александрина Ваньке (Москва, Россия)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Кшиштоф Косела (Польша)
Анна Роткирх (Финляндия)
Владимир Ядов (Россия)
Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый.
Индексируется РИНЦ.

На обложке использована фотография
из личного архива Станислава Белогрудова

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

Теоретически дискурсы и дискуссии

- Виктория Семенова*
Стратегия комбинации качественного и количественного подходов
при изучении поколений 5
- Елена Рождественская*
Надежность качественных методов и качество данных 16
- Анна Стрельникова*
Перемещения в пространственных координатах: больше,
чем географическая мобильность..... 30

Полевые исследования: политики памяти в современной России

- Александрина Ваньке, Елизавета Полухина*
Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти..... 36
- Анна Стрельникова*
Памятник без музея, музей без памятника:
непростая биография «Рабочего и колхозницы» 52
- Ирина Тартаковская, Екатерина Тарновская*
«Одной правды нет»: визуализация политики памяти
в историческом музее..... 59
- Роман Абрамов, Евгений Терентьев*
Символическое пространство культуры памяти:
два топонимических кейса 73

Визуальная социология

- Елена Рождественская, Ирина Тартаковская,
Елизавета Полухина, Виктория Семенова*
Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия 86

Первые шаги

- Надежда Васильева*
Символика памятника Ф.Э. Дзержинскому
в современном публичном дискурсе 92

Рецензии

Наталья Веселкова

Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Ассман **105**

Авторы номера **109**

Теоретические дискурсы и дискуссии

Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений¹

Виктория Семенова*

В статье рассматриваются теоретические аргументы «за» и «против» объединения качественного и количественного подходов при изучении поколений. Анализируются различные исследовательские концепции, лежащие в основе соединения этих методов. В заключительной части автор приводит примеры согласованного использования качественной и количественной стратегии в эмпирическом исследовании.

Ключевые слова: качественно-количественная стратегия, микс-метод, поколения

Введение

Социальный мир становится все более многообразным, плюралистичным. Наряду с социальным большинством и отношениями доминирования все большее значение приобретают «другие», меньшинства, которые находятся в горизонтальных отношениях друг с другом и проявляют себя как социальное «своеобразие», социально-специфическое. Подобные социальные явления, связанные с расширением поля социального многообразия и различных форм социальной диверсификации, требуют адекватного «ответа» со стороны социальных наук. Они интерпретируются в научном дискурсе в понятиях культурного плюрализма, мультинациональности, специфики и укорененности социальных контекстов. На более высоком уровне обобщения это соотношение общих закономерностей и частной специфики рефлексировается в виде центральной диады дискурса современной социологии в форме диалога «глобального» и «локального», в терминах «глокализации».

Как следствие, это находит отражение и в своеобразном методологическом плюрализме современной социологии. Социальные науки от изучения «большинства» и проблемы социального регулирования, поиска форм социального контроля над большинством проявляют интерес к изучению социального своеобразия отдельных социальных меньшинств. Первый тип исследовательского интереса — изучение общего, закономерного, второй тип — интерес к частному, специфическому, что обозначается в научной терминологии через общие методологические понятия стратегии качественных исследований.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, заведующий сектором ИС РАН, профессор факультета социологии ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

Известный исследователь Донателла делла Порты, занимаясь современными социальными движениями в Италии, отмечает, что многие новые социальные явления настолько отличны от традиционных социальных институтов, что требуют пересмотра многих концепций и отказа от доминирующего инструментального видения объекта и требуют наполнения его символическими значениями. «Я надеюсь, что социальные науки смогут активизировать свои возможности для понимания новых конфликтов при помощи (через) взаимное обогащение различных теорий и методов. Одним из направлений такого «открытого эклектизма» я бы назвала появление нового поколения исследователей с транснациональными корнями, которые могли бы сочетать в себе воздействие целого набора дисциплин, начиная от социологии до политических наук, от антропологии до географии и от социальной теории до истории» (della Porto, 2007). Сама исследовательница в своем арсенале использует целый методологический репертуар, начиная от фокус-групп, кейс-стади и глубинных интервью до статистических данных и данных массовых опросов.

Поворот социологии к текстуальности и визуальности способствует увеличению множественности и разнородности данных о социальном мире, что, соответственно, должно вести к многовидовому подходу (микс-методу) при изучении социальных феноменов, что видится как интеграция или одновременное использование качественной и количественной стратегии при изучении социальных феноменов. Возможно, такой своего рода мультиметод можно назвать специфической стратегией комплексного рассмотрения объекта.

В теоретических дискуссиях относительно возможности комбинации качественных и количественных методов приводится много аргументов об эпистемологических различиях и противоположных традициях формирования двух методологий, приводятся аргументы как «за», так и «против» возможности такого сочетания.

Однако в социологической практике таких исследований становится достаточно много, чтобы серьезно рассмотреть сложности и преимущества эмпирического сочетания этих подходов в рамках одного исследования.

Прежде чем соединить две онтологически-различные методологии в рамках одной исследовательской ситуации, необходимо первоначально определить их сходства и различия, чтобы среди различий выявить то общее, на базе чего возможно их объединение.

Сегодня уже можно констатировать, что жесткое противостояние качественных и количественных методов в российской социологии уходит в прошлое, на практике наблюдается широкое вхождение качественных методов в социологические, а также и в маркетинговые исследования. Даже заказчики практической социологической информации начинают привыкать к пространным описательным отчетам об исследованиях, проведенных качественными методами.

Вместе с тем достаточно утвердившимся осталось представление об относительной автономности существования этих двух полей, как двух онтологически различных полей социального знания. Исследователь оставляет за собой право выбирать между одной и другой парадигмой социального видения. При этом достаточно правомерным считается, что существуют социальные объекты и исследовательские ситуации, где приоритетным является применение той или иной исследовательской стратегии.

В данной статье хотелось бы поразмышлять, насколько и каким образом возможно сочетание (интеграция) данных методов в рамках одной исследовательской ситуации и формирование смешанной (mixed) исследовательской стратегии: каковы возможности, преимущества и сложности при одновременном использовании двух подходов.

Тем более, что наши молодые исследователи легко берутся за методическую задачу сочетания качественных и количественных методов без осмысления сложностей и последствий такого применения.

Методологическое обоснование для использования смешанной стратегии лежит в новом видении социальной реальности как исследовательского поля. В целом мы уже

констатировали, что в социологии наблюдается тенденция к расширению и усложнению поля первичных данных о социальных фактах, отдельных объектах, процессах и явлениях.

В целом это происходит как следствие мощного «культурного поворота» (Kuhn, 1970), характерного для гуманитарного знания в целом и социологии в частности. Такой поворот означает не только усиление внимания социальных наук к культурным феноменам и культурным отношениям (Turner, 1996), но также к пониманию культуры как автономной специфической компоненты социальной жизни, но за счет привлечения в социологию методологии «культурного видения». Поэтому такой поворот именуют также «интерпретативным» или «лингвистическим» (Рустин, 2002). В результате информационное поле социологии расширилось за счет привлечения различных форм «текстуальности» (например, теория дискурса М. Фуко), где социальная реальность предстает для исследователя в виде разнообразных текстов (как формализованных, так и неформализованных, как созданных для целей исследования, так и «приспособленных» для изучения) с их спецификой семантического кодирования и своими правилами «грамматики» (П. Штомпка). Повороту социологии в сторону текстуальности способствовал и развивающийся интерес социологии к эволюционным процессам («к становящимся объектам» или, как это называет Штомпка, *sociology of becoming*), т. е. интерес к изучению *культурно-исторических аспектов* социальных процессов и явлений. А это, в свою очередь, связано с обращением к историческим текстам и их изучением.

Социальная реальность презентует себя исследователю в виде богатого «меню» первичных данных, в состав которых все чаще входят такие нетрадиционные источники социальной информации, как мемуары, видео- и фотодокументы, письма, а также, например, онлайн-тексты. Отсюда задача состоит в том, чтобы рассматривать социальный феномен с разных точек зрения и разных перспектив, чтобы понять его во всей его сложности и комплексно² (Штомпка, 1996).

В связи с этим Петр Штомпка предлагает использовать в социологии понятие «теоретического эклектизма», что обозначает открытое, толерантное отношение к различным теоретическим парадигмам, свободу от одностороннего догматизма. Дисциплинарный эклектизм, по мнению Штомпки, позволяет «пересекать» границы как между теоретическими подходами, так и между дисциплинами во имя общей социальной теории, а не суженного понимания социологических теорий.

Предпосылки для движения в сторону методической «множественности» стратегий изучения социального объекта лежат и в сфере самих социальных процессов. Если социальные потребности XIX — первой половины XX в. апеллировали к идеям порядка,

² Развивая свою мысль о видоизменении поля социологических данных, П. Штомпка замечает, что в современном обществе, особенно в период позднего модерна, в окружающем нас большом мире все более важными становятся визуальные элементы. Общество становится все более «видимым», поскольку оно все больше структурировано «образно», разного рода картинками, включая рекламу, билборды, моду и многочисленные механизмы, например, автомобили и разного рода технологические приспособления, все то, что обычно является очень красочным и разнообразным, что останавливает взгляд (Штомпка, 2007). Далее он уточняет, что «наблюдение было очень важным методом у ранних социологов и, конечно же, у социальных антропологов, обычно исследовавших экзотические общества в дальних странах, а также у этнографов, которые изучали общности. Но позднее визуальные методы наблюдения были заменены такими средствами, как методы математической формализации, интервью. Если Вы посмотрите на американскую социологию, то увидите, что в начале XX столетия множество гуманитарных работ было иллюстрировано фотографиями. В особенности это касается Чикагской школы социологии, где изучались городские комплексы, жизнь и явления города — это Роберт Парк и др., которые основали эту всемирно-известную школу эмпирических исследований. И они использовали фотографию, как рабочий инструмент в различных исследованиях. Свои работы они сопровождали фотографией, что можно увидеть в Американских журналах по социологии. Затем, наступил период, когда визуальные материалы заменили письменные отчеты, аудиозапись и интервью, которые стали доминировать так, что никто больше не заботился по поводу исчезновения фотографии, как рабочего инструмента» (Штомпка, 2007).

рациональной организации общественных институтов (М. Вебер) и, следовательно, ожидали таких идей от социального знания (позитивизм), то современные общества предполагают многовариантность развития обществ и социальных организаций. В центре внимания оказываются социальные субъекты и формы их социальной организации, которые создаются их активностью, действиями социальных агентов.

Таким образом, современные процессы индивидуализации и фрагментации (наравне с противоположным движением к глобализации), усиление различных форм маргинализации и социального исключения повысили интерес к изучению таких аспектов социальных процессов, как вариативность и противоречивость.

В свое время А. Адорно, выступая за множественность методов социологического исследования, отмечал, что метод, который отбрасывает качественный анализ как несовместимый с областью «множественного числа», причиняет насилие объекту исследования. «Одноголосая система методов стремится избавить мир от напряжения между общим и особенным в том мире, единство которого в разноголосице» (цит. по: Ионин, 2000, с. 7).

Методологически задача социологов состоит в том, чтобы перейти от «войны парадигм» к диалогу позитивистов и конструктивистов. По мнению Л. Ионина, в конечном счете именно взаимная критика этих двух методологических направлений на протяжении десятилетий и способствовала дальнейшему совершенствованию каждой из парадигм и выступала движущей силой развития методологических основ социологии.

Итак, в целом: поворот социологии к текстуальности и визуальности способствует увеличению множественности и разнородности данных о социальном мире, что, соответственно, должно вести к многовидовому подходу (микс-методу) при изучении социальных феноменов, что видится как интеграция или одновременное использование качественной и количественной стратегии при изучении социальных объектов.

Для реализации такого «множественного» методологического подхода необходимо особого рода «социологическое воображение» (П. Штомпка), которое, кроме всего прочего, означает умение работать с *разнородными источниками информации о социальном объекте*. Они могут быть представлены в разнопорядковых знаковых системах: наряду с числами, цифровой формой данных, могут существовать в виде текстовых или же визуальных знаковых систем, что требует разной логики при их анализе.

Такой своего рода мультиметод можно назвать специфической стратегией комплексного рассмотрения объекта.

Качественно-количественная стратегия: аргументы «за» и «против»

В теоретических дискуссиях относительно возможности комбинации качественных и количественных методов часто приводится аргументация об эпистемологически-различных корнях и противоположных традициях формирования двух методологий.

Для того чтобы протестировать возможность соединения двух онтологически-различных методологий в рамках одной исследовательской ситуации, необходимо первоначально определить их сходства и различия, чтобы среди различий выявить то общее, на базе чего возможно их объединение. Если суммировать аргументы «против» такого объединения, их можно свести к следующим.

Методологические различия:

- теоретические расхождения по поводу понимания, а следовательно, и возможностей изучения социальной реальности: как непосредственной реальности (позитивизм) и как «конструированной реальности» (Н. Луман, конструктивизм);
- различие логики продвижения от первичных данных к их осмыслению в ходе анализа данных: дедуктивная и логика абдукции (индукции);
- разные аналитические процедуры, используемые для представления данных об объекте: объяснение и описание (или интерпретация);

- ориентация на разные типы социального знания: обобщенное знание и эмпирически-локальное знание.

Вследствие данных онтологических расхождений некоторые исследователи настаивают на эмпиризме, чисто прагматической ориентации качественной стратегии, и считают, что это знание может быть использовано только непосредственным заказчиком и не может служить основой для научного знания (Churchik, 2001).

В результате такого скептического отношения к качественным данным они обычно используются только в качестве иллюстративного материала, не предполагая методологического обоснования использованных качественных процедур. По принципу: бери от каждой стратегии понемногу и получишь какой-нибудь результат.

Вместе с тем кроме различий обе стратегии имеют ряд сходств:

- обе стратегии направлены на изучение *социальной реальности* как объекта (качественная рассматривает ее с позиции «участника»; количественная — как общее представление об объекте «извне», согласно схеме — программе исследования);
- обе направлены на изучение внутренней *структуры объектов, процессов, явлений* и т. д., т. е. определенных социальных закономерностей;
- в ходе применения обеих стратегий происходит *селективный отбор* отдельных социальных фактов;
- для обеих стратегий значимой является *проблема валидности*, хотя решается она по-разному;
- в обоих случаях исследователь ориентирован на *гипотезы*: в качественной стратегии — на построение гипотез, в количественной — на проверку гипотез;
- в результате исследования происходит конструирование данных *в абстрактной форме*: в качественной стратегии — в виде категорий, основанных на текстуальных или визуальных данных, а в количественной — в виде цифровых данных;
- в итоге обе ориентируются на концептуальное представление об объекте: качественная стратегия имеет целью дискриптивное комплексное его описание, а количественная — функциональный анализ.

Эти сходства свидетельствуют о том, что обе стратегии придерживаются скорее схожих, чем различных методологических принципов, знание которых необходимо для более адекватного их применения.

Совмещение двух стратегий (микс-метод)

При использовании понятия качественно-количественной стратегии под ним могут пониматься относительно разные методологические процедуры при подходе к социальному объекту:

1. Во-первых, существуют достаточно традиционные стратегии, когда данные подходы используются последовательно, т. е. одна из стратегий является вспомогательной по отношению к другой и применяется для раскрытия, уточнения концепта, выявленного на первой стадии. Так, достаточно распространенным является применение качественных методов (например, глубинное интервью, анализ текстов) на этапе пилотажа для последующего проведения анкетного опроса на массовых выборках. То есть в данном случае целью является получение более точной, детальной **КОЛИЧЕСТВЕННОЙ** информации об объекте при помощи методического приема — уточнения информации о получаемых данных за счет применения качественных подходов.

2. Другая последовательная стратегия предполагает обратный порядок: выявление массовых типологических групп, а затем требуется расшифровка и наполнение номинальных групп реальным содержанием, что осуществляется посредством проведения глубинных интервью с представителями выявленных типов. Например, таким образом было проведено международное лонгитюдное исследование «Пути вхождения молодежи

во взрослую жизнь», где математически выстроенные «путевые модели», впоследствии были проиллюстрированы на примерах отдельных судеб, отобранных из общей выборки (Giele, Elder, 1998). Целью в данном случае также было уточнение уже полученной количественной информации по тому же критерию.

Однако не эти виды вспомогательного использования одного из подходов находятся в центре нашего интереса.

Нас интересует одновременное, полноценное использование двух методических стратегий для изучения одного и того же объекта, когда каждая из информационных баз, как качественная, так и количественная, является источником дополнительного НОВОГО знания о разных аспектах существования данного объекта. Именно такую стратегию мы и будем называть смешанной.

Основные принципы микс-стратегии

Главный принцип использования смешанной исследовательской стратегии — *принцип дополнительности*, когда одна стратегия дополняет представление о феномене с точки зрения определенного ракурса по принципу «глубже»-«шире» (Churchik, 2001) или «качество»-«количество» (Квале, 2009), «абстрактное»-«конкретное».

Обращаясь к вопросу о дихотомии «качество»-«количество» в методах исследования, Стейнар Квале отмечает, что *качество* относится к сути, существенным характеристикам объекта, *количество* же — к тому, сколько, к величине, к сумме. Обе формы являются важными аспектами общего анализа определенного объекта в естественных науках: например, качественный и количественный анализ химического состава вещества (Квале, 2009). В социальных науках такая стратегия дополнительности позволяет характеризовать объекты с разных сторон по принципу разных аспектов внутренней структуры: например, обрисовать внутреннюю структуру исследуемого феномена, выявленного на обобщенном, абстрактном уровне методами количественного анализа. С другой стороны, качественная структура, рассмотренная при помощи количественного подхода, может дать знание о степени распространенности того или другого компонента в структуре объекта. Тогда принцип дополнительности понимается как дополнительное знание об одних и тех же объектах или даже компонентах структуры, но рассмотренных с разных сторон («глубже-шире») или на разных «уровнях» знания.

При этом продолжающим эту линию, и даже более перспективным, представляется и иной подход: смешанная стратегия позволяет представить разные *ракурсы* рассмотрения того же объекта, то, что в методологических предпосылках мы называли «разным углом зрения» и «интересом к культурной составляющей». В полевых условиях это проявляется как принципиальное различие знаковых систем, используемых для описания данных об объекте, например, текстуальных и цифровых; визуальных и цифровых.

Для обоснования данного подхода к пониманию смешанной стратегии многие авторы используют понятие *триангуляции* (Fielding, Fielding, 1986; Flick, 2006; Kelle, 2001), где триангуляция понимается не столько в своем традиционном «метафорическом» значении (как средство валидации результатов, полученных разными методами), но в своем прямом, тригонометрическом смысле — как способ получения более объемной, комплексной картины исследуемого феномена. Другими словами, интеграция качественных и количественных методов служит цели «триангулятивного» видения объекта с позиций разных измерений. Удо Келле приводит для конкретизации данного подхода пример из навигационной практики, где триангуляция используется для точного определения местонахождения определенной точки (точки С). Для точного определения ее местонахождения наблюдатель использует взгляд на нее с двух проекций: с угла точки А и с угла точки Б, составляющих между собой треугольник, тогда положение точки С в пространстве определяется наиболее корректно. Исходя из этого, считает Келле, используя такое «реальное» триангулятивное видение, мы и в социальном мире можем

быть уверенными, что измерению подлежит один и тот же социальный феномен. Как объект, он подлежит измерению, с одной стороны, с позиции качественных данных, а с другой стороны, с позиции количественных. Данные обеих стратегий затем интегрируются для получения наиболее полного, комплексного представления о социальном феномене (Kelle, 2001).

В таком случае триангуляция как смешанная стратегия означает попытку исследователя описать *разные* аспекты существования одного и того же феномена и, естественно, при этом мы ожидаем, что получим результаты относительно разных составляющих, которые не должны подтверждать друг друга (хотя, конечно, они не должны и противоречить друг другу).

Так, например, если нам надо провести исследование по теме «Влияние трансформационных процессов на образовательные пути молодежи», то такая смешанная стратегия может быть использована, с одной стороны, для изучения деятельности образовательных институтов (количественная стратегия) и, с другой стороны, для изучения индивидуальных стратегий и поиска разнородных личностных мотивирующих факторов как культурных или этнографических аспектов этой же проблематики (качественная стратегия).

Для более детальной демонстрации реальных возможностей смешанной стратегии приведем пример ее использования при изучении поколений в исследовании «Поколения как социо-культурный феномен современной России» (2002 г.)³.

Общая цель исследования состояла в социокультурном описании ныне живущих поколений России в их собственном представлении (самопрезентации). Исходя из этого, перед исследователями стояло две задачи в изучении данной проблематики:

- 1) выявить распределение респондентов по поколенческим категориям в их собственных представлениях — количественная стратегия (Вопрос: «Людей какого возраста вы относите к людям своего поколения?»);
- 2) выяснить, в чем состоит социокультурная специфика каждого поколения — качественная стратегия (Открытый вопрос: «Как бы вы в нескольких словах охарактеризовали людей своего поколения?»).

Для интерпретации ответов на первый вопрос применялась количественная стратегия, которая позволила выявить четыре значимых кумулятивных интервала «накопления» возрастных границ на основе субъективного представления людей данного формально-го возраста.

Кумулятивные накопления возрастных интервалов для отдельных возрастных когорт:

18–30	25–45	40–60	60–90
100%	100%	100%	100%
18–25	30–40	45–55	60–70
48%	27%	28%	23%

- «околовоенное» поколение, ядро поколения — от 60 до 70 лет;
- «доперестроечное» поколение, ядро — от 45 до 55 лет (далее—50-летние);
- «пореформенное» поколение, ядро — люди от 30 до 40 лет (далее — 30-летние);
- «постреформенное» поколение, ядро — люди от 18 до 25 лет.

³ Исследование проведено по заказу ПРООН (Доклад о развитии человеческого потенциала в России, 2002) на основе всероссийской выборки ВЦИОМ в августе 2002 г. Опрошено 1600 чел. Более подробно о его технологии см.: Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОСПЭН, 2009.

Таким образом, благодаря ответам на этот вопрос были определены количественные характеристики (возрастные рамки) поколенческой структуры России в собственном представлении респондентов.

Однако, конечно, интерес представляли не только количественные характеристики поколенческой дифференциации, но и их социо-культурные характеристики как качественное своеобразие каждого поколенческого союза. Поэтому для решения второй задачи был применен качественный анализ открытых ответов на второй вопрос как текстовой информации о специфических чертах каждого поколенческого союза глазами респондентов по методике дискурс-анализа.

Ответы респондентов на открытые вопросы относительно «людей своего поколения» были рассмотрены как неструктурированный метатекст людей одного поколения, который мозаично сложился в ситуации коллективного коммуникативного контакта, диалога исследователь-респонденты на тему «мы» (мое поколение) и «другие», как форма публичной лексической презентации «себя» для «других». Содержательные характеристики этого коммуникативного акта общения с другими послужили базой для анализа специфики языка каждого поколения, его структуры и символических кодов.

Текстовые формулировки каждого поколения группировались в определенные «темы», значимые для людей данного поколения (например, о войне: «мы дети войны», «мы те, кто перенесли военные страдания», «знали голод и холод»; о труде: «мы — работоголики», «люди моего поколения трудяги, не жили, только трудились» и т. д.).

В рамках одной темы отбирались те морфемы, которые добавляли новые эмоциональные оттенки или ассоциации, которые могли изменить или уточнить смысл употребления данного словосочетания. Тем самым из неструктурированного текстового материала были сформулированы более общие элементы стоящей за ним коллективной культуры данной генерации (так, например, характеризуя себя и свое поколение через «трудовые качества», представители старших поколений использовали понятия «трудяги», «послушники», «работяги», а представители молодых поколений — «деловые», «бизнесмены», «люди дела»).

Эти высказывания кодировались и обобщались с целью выявления общих скрытых языковых и культурных кодов. В результате первоначально были выявлены основные культурные синдромы каждой генерации (см.: Семенова, 2009), а затем проведен и дискурс-анализ общего «поколенческого диалога» поколений как бинарные семантические оппозиции, складывающиеся в языке представителей разных поколений.

Выявились основы социокультурного диалога представителей разных поколений: самые молодые и самые старшие ведут между собой социальный диалог относительно образа жизни в терминах «выживания» и «процветания» (тематика самой старшей генерации определяется понятиями «нужда, голод»; «послушничество»; «эмоциональность», тогда как тематика самой младшей генерации определяется понятиями «гедонизм» «пофигизм», «прагматизм»). В двух средних поколениях диалог скорее идет о социальном самочувствии своего возраста по поводу «оптимизма» и «востребованности» (в тематике 50-летних «невостребованность», «оптимизм», «вера в будущее» противостоит «разочарованию», «ностальгии по прошлому» и «ранней реализации» у 30-летних). Напомним, что эти данные были получены в 2002 г.

Тем самым в данном исследовании было применено то понимание триангуляции, о котором говорилось выше, для изучения одного и того же объекта (поколений) с точки зрения разных аспектов: сначала — для описания возрастной дифференциации поколенческой структуры (количественный подход), а потом — с позиции языкового своеобразия каждого из поколений с целью исследования культурной составляющей, применив для этого семантический анализ языковой структуры. Обе стратегии характеризовали один и тот же объект, но с разных точек зрения, углубив наше представление об изучаемом объекте. Данные количественной фазы исследования не опровергали и не подтверждали первичные выводы, а только дали более широкую и адекватную

картину поколенческой дифференциации тогдашней России. Хотелось бы подчеркнуть, что методически это не был контент-анализ высказываний в его привычном смысле количественного подсчета отдельных фраз, а социолингвистический содержательный анализ «языкового наполнения» отдельных тем. Тем самым мы использовали семантический анализ языкового дискурса, выйдя на бинарные коды скрытого диалога между поколениями: где проходят основные «напряжения» в диалоге между поколениями. Если самые молодые и самые старшие ведут диалог по поводу образа и стиля жизни людей, принадлежащих разным историческим эпохам, то средние когорты ведут скорее эмоциональный диалог самоощущения себя во времени относительно тогдашних социальных перемен.

Таким образом, смешанная исследовательская стратегия позволила не только решить предварительно поставленные задачи, но и вывести исследование на новый виток научных проблем, ввести еще один «угол зрения» на изучаемую проблематику – социально-исторический дискурсивный анализ поколений.

В данном случае триангулятивный подход позволил рассмотреть один и тот же объект изучения с двух позиций: социоструктурной и социокультурной, к тому же ввел и новый аспект — социально-исторический.

Приведем другой пример, который демонстрирует, как объект изучения предстает разнонаправлено с точки зрения группового и индивидуального.

Первоначальные данные о профессиональном пути возрастной когорты молодых взрослых (26–28-летних) были получены в ходе массового лонгитюдного исследования — начиная с 1985 до 1993 г.⁴ Согласно его результатам, изменения в области занятости когорты к тому времени характеризовались в основном тенденцией к стабильности, которая носила массовый характер: по разным регионам 65–68% всех респондентов трудились на том же самом месте работы, куда пришли после окончания учебного заведения, в момент первичного вхождения на рынок труда, и только 3,4–3,7% молодых взрослых стали работать на частном предприятии в качестве предпринимателей⁵.

На основе полученных количественных данных были зафиксированы две тенденции в области занятости когорты — тенденция к стабильности трудового статуса, которая была выражена достаточно явно, и слабовыраженная тенденция к мобильности. Хотя это было время массового выхода в частное предпринимательство, что, казалось бы, должно было затронуть молодую когорту в первую очередь.

Качественный подход к проблеме и выявление биографических особенностей в когорте стабильных и мобильных позволил выйти на более индивидуализированный аспект этой проблемы, который можно было бы обозначить как «стратегии индивидуального выбора в ситуации социального кризиса». Такой ракурс глубоких биографических интервью и сравнительный анализ фактов из биографий отдельных респондентов позволил выйти на типологический анализ индивидуальных стратегий, где уже кроме стабильной и мобильной стратегий были зафиксированы более дробные типы «мобильный»-«креативный»; «мобильный»-«возвратный», «мобильный»-«традиционный» (женский тип), а также «стабильно-выжидательный», «стабильно-балансирующий».

В результате профессиональная занятость когорты, рассмотренная на уровне индивидуального, на уровне рациональных стратегий уже выглядела более емко. К тому же биографический подход позволил выйти на мотивационную составляющую мобильности/стабильности когорты. Был сделан вывод, что, прежде всего, культурные факторы

⁴ Лонгитюдный межрегиональный проект «Пути поколения» под руководством М. Титмы. Исследование проводилось с 1985 по 1993 г. и предусматривало отслеживание социальных траекторий возрастной когорты 1965–1967 г. рожд.

⁵ Первичные данные об этой технологии анализа опубликованы в статье: Семенова В. Путь в предпринимательство: жизненные истории молодого поколения // Судьбы людей: Россия. XX век / под ред. В. Семенович, Е. Фотеевой. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 390–412.

семейного окружения повлияли на выбор той или иной профессиональной стратегии. Семейные стратегии семьи, проявившиеся в ходе социализации задолго до социальных изменений, формировали тот или иной тип мобильности как определенный тип личности, даже в случае конфликта семейных и индивидуальных ценностей. Кроме того, выявились дополнительные стратегии, которые невозможно было зафиксировать и предусмотреть только на базе количественного подхода, например, возвратная, как переход на частное предприятие с последующим возвращением на государственное (Судьбы людей. Россия. XX век, 1996).

Заключение

Исследовательская стратегия сочетания качественного и количественного подходов к рассмотрению социальных объектов может иметь несколько преимуществ.

Так, качественные данные могут раскрывать скрытую механику сложных эволюционных процессов, стоящих за видимыми социальными фактами и событиями. При этом на уровне частного, индивидуального, на уровне нарратива могут проявляться факторы, которые невозможно заложить на уровне исследовательских программ количественного исследования, поскольку они не были «заложены» в программу исследовательского видения ситуации извне.

Далее, изучение отдельных случаев, которые расходятся с массовыми тенденциями, обнаруженными при помощи количественных процедур, существенно обогащает конечные результаты анализа, позволяет существенно обогатить теоретические модели за счет выявленных «отклонений». Важным обстоятельством является также возможность более детально представить себе контекст протекания определенных процессов или событий.

И наконец, качественные данные могут помочь выявить, какова природа факторов, повлиявших на определенные жизненные изменения, выборы, кризисы, которые были выявлены в ходе сбора количественной информации.

Таким образом, сочетание качественных и количественных данных дает более объемное триангулятивное социальное видение, более точное, чем это может сделать каждый из подходов в отдельности.

Качественная методология сравнительно недавно вошла в практику российских исследований и за небольшой промежуток времени приобрела институциональный статус, вошла в образовательные программы социологического образования. Можно надеяться, что и смешанная стратегия интеграции качественных и количественных методов также займет свое место в практике социологических методов.

Американские исследователи из Университета Алабамы провели опрос экспертов относительно понимания стратегии интеграции качественного и количественного подходов в рамках одного исследования. На основании проведенного исторического и методологического анализа они приходят к предположению, что в скором времени методологическое пространство социологии будут определять в основном не две, а три методологических парадигмы: количественная, качественная и смешанная (Johnson, Opwuegbuzie, Turner, 2007). Но для подтверждения или опровержения данного предположения должна пройти предшествующая такой ситуации стадия — стадия рефлексии относительно потенциальных возможностей и специфики использования каждой из стратегий.

Литература

- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000.
Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009.

- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
- Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 7–25.
- Семенова В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию поколение в социологии // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЗ, 2005.
- Семенова В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.
- Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред. В. Семеновой, Е. Фотеевой. М.: Институт социологии РАН, 1996.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Штомпка П. Введение в визуальную социологию // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. № 4. с. 6–12.
- Ядов В. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998.
- Alexander J. New Theoretical Movement // The Handbook of Sociology. Newbury Park: Sage Publications, 1988. P. 77–102.
- Chupchik G. Constructivist Realism: An Ontology that Emcompasses Positivist and Constructivist Approaches to the Social Sciences // Forum: Qualitative Social Research. 2001. № 2 (1). URL: <http://forum.atlasti.com/archive/index.php/t-1098.html> (дата обращения: 5.11.2014).
- della Porta D. Why and How to Study Deliberative Democracy and Social Movements // Acta Politica. 2005. № 3 (40). P. 336–350.
- della Porta D. Conflict, Citizenship and Civil Society: How Emerging Social Conflicts Challenge Social Science Approaches. Paper given at the 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3–6 September 2007. P. 32–34.
- Fielding N. Triangulation and Mixed Methods Designs. Data Integration With New Research Technologies // Journal of mixed method Research. 2012. № 6 (2). P. 124–136.
- Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London: Sage Publications, 2006.
- Giele J., Elder. G Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches. London: Sage Publications, 1998.
- Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. Toward a Definition of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2007. № 2 (1). P. 112–133.
- Kelle U. Sociological Explanation between Micro and Macro and the Integration of Qualitative and Quantitative Method // Forum: Qualitative Social Research. 2001. № 2 (1). URL: <http://forum.atlasti.com/archive/index.php/t-1098.html> (дата обращения: 5.11.2014).
- Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolution. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
- Turner B. Introduction // Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 1–19.

Надежность качественных методов и качество данных¹

Елена Рождественская*

В этой статье мы рассмотрим различные критерии качества в отношении получаемых в качественном исследовании данных. Для этого привлекается теоретико-методологическая дискуссия о стратегии применяемых качественных методов. Но при этом «качество» качественных исследований вряд ли может быть включено в разряд априорных правил. Определенные принципы могут помочь повысить качество или доверие к результатам качественного исследования, в то время как согласие с ними еще не гарантирует их качества.

Ключевые слова: валидность, надежность, качественные методы, процессуальность исследования

В перспективе постпозитивистской традиции социальные науки могут раскрыть объективные и общезначимые факты, следуя ясной процедуре и правилам, которые включают тщательно контролируемые наблюдения эмпирических явлений, беспристрастную и логичную аргументацию, объективный анализ как устранение интерпретации исследователя. В соответствии с так называемым научным методом, факты должны быть представлены объективно, а не интерпретативно. Но описание, объяснение, предсказание и оценка причин и последствий социальных явлений не могут быть достигнуты в отсутствие оценки и интерпретации (см.: Fielding, 2005; Mottier, 2005). С другой стороны, не состоятельна в качественном подходе и крайне субъективистская позиция, поскольку она не может быть сфальсифицирована в том, что все данные и их интерпретации верны априори. Большинство дисциплин в социальных науках давно признали взаимосвязь между контекстом, культурой и традицией, чувствами и пониманием, но, как ни странно, эти факторы, как правило, рассматриваются только с точки зрения людей, которых мы изучаем. Иногда мы признаем важность контекста в интерпретации эмпирических данных, когда обсуждаем исследовательский процесс в абстрактных терминах, но мы, как правило, не принимаем во внимание контекстуальные элементы при разработке исследовательского вопроса или в презентации основных результатов исследования. И все же это обоюдоострая эпистемологическая проблема: не только те, которых мы исследуем, погружены в субъективно устроенную реальность, в которой порождается смысл, но и мы как исследователи придаем значение эмпирическим феноменам, в равной степени застревая в нашей собственной субъективности (см., напр.: Gergen, 1973). Как минимум, два элемента опосредуют исследователя и эмпирические наблюдения: во-первых,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН. rigasvaverite@gmail.com.

социологические данные производятся в рамках конкретного политического, исторического и социально-культурного контекста, и, во-вторых, сами исследователи относятся к различным культурам и традициям (например, академическим, политическим, историческим, социально-культурным). Эти два взаимосвязанных элемента — контекст исследуемого феномена и контекст вклада самого исследователя в различные способы измерения и описания что-либо — невозможны без интерпретации. Вместо того, чтобы рассматривать эти контексты как внешние и нежелательные, как побочные продукты или источники смещения, которые должны быть исключены, чтобы получить из объективных данных их объективное освещение, мы должны признать, что именно эти контексты дают нам их «рамочное значение» или фрейм. Итак, чтобы представить себе и понять какое-либо социальное явление, мы должны привлечь «внешнюю» действительность через наблюдения, т. е. перевести биты информации из «объективной» непознаваемой реальности в субъективно проинтерпретированную и контекстуально-связанную и, таким образом, знакомую теперь реальность. В терминах Альфреда Шюца, речь идет об интерпретациях как конструктах второго порядка. Поэтому отношение качественных методов к своему предмету (повседневности как конструктам первого порядка) реконструктивно.

Но признаем, эта позиция содержит противоречие: с одной стороны, мы не можем получить доступ к объективному и универсальному пониманию эмпирических феноменов, но, с другой стороны, мы хотим оценить истинность утверждений о ней или качество ее измерения. Какие принципы мы можем принять для определения качества эмпирических качественных исследований социальных процессов, которые признают субъективную и интерпретативную природу наших исследовательских усилий, но в то же время гарантировали бы результаты, одновременно эмпирически строгие и заслуживающие доверия?

Качественные аспекты эмпирического исследования, как правило, включают понятия «валидность» и «надежность», особенно в области психометрии и эконометрики. Качество измерения в социологии традиционно связано с понятиями надежности (как устойчивость и воспроизводимость получаемых результатов) и валидности (как соответствие измерения поставленной цели). Соответственно различаются внешняя валидность как возможность обобщения и переноса результатов на иной объект и внутренняя валидность как уверенность в контроле над процессом наблюдения или замера данных. Упомянутый Г. Батыгиным тип валидности — конструктивная валидность (И. Девятко предпочитает называть его валидностью по содержанию) — связывает измерительный инструмент со структурой теории. Предполагается, что инструмент измеряет определенное свойство, и это предположение интерпретируется в терминах теории; устанавливается круг свойств, связанных или не связанных с инструментом; предполагаемые отношения подтверждаются либо не подтверждаются эмпирическими данными. Валидизация осуществляется в случае подтверждения предсказания. Не валидность объясняется тем, что инструмент не измеряет предполагаемое свойство либо ошибочностью избранной теоретической модели, либо неверным измерением критериев проверки предсказания (Батыгин, 1986, с. 66–71; Девятко, 2006, с. 173).

Анализ проблематики критериев качества в качественном исследовании в зарубежной исследовательской традиции показывает широкую тематизацию этого важного компонента исследовательского процесса. Если соблюдение вышеупомянутых критериев качества в качественном исследовании видится мало возможным ввиду эмерджентной природы получаемого знания, и полный консенсус недостижим, то из этого вытекает необходимость частичного консенсуса. Его диктует сама множественность, плюральность как одна из основных черт качественных исследований, в терминах М. Бельтран, «когнитивный плюрализм». Исследователи в настоящее время чаще видят преимущества в междисциплинарном сотрудничестве, которое преодолевает замкнутость специальных дисциплинарных дискурсов. Как известно, развитие качественных исследований за последние десятилетия привело к появлению новых подходов и тенденций, которые трудно систематизировать в одной модели (Denzin, Lincoln, 2005).

Упомянутая плюральность качественных исследований превращает обеспечение качества измерения в проблему. Исследователь вынужден сосредоточиться на сложном выборе на пересечении нескольких линий напряжения — 1) риск формализма versus риск спекуляции, 2) практика и методологическая строгость versus теория, открытие, углубление и 3) хорошее качество versus отсутствие исследования. Первые два компонента — методологические и основные для оценки качества. Как показано на рисунке 1, эти компоненты могут быть визуально представлены пересечением осей. Вертикальная ось будет представлять требования к качеству, ориентированные на методологическую строгость и связанные с тем, что некоторые авторы (Seale, 2004) определили как «внутренний» диалог. Горизонтальной оси будут соответствовать открытия и теории (Sandelowski, Barroso, 2003). Квадрат в результате наложения осей представляет собой область, где будет располагаться критериальное качество и, следовательно, область, где методологические предложения, направленные на его оценку, должны быть сформулированы. Если мы отходим от методологической строгости, мы скоро окажемся в сфере спекуляций. Если пренебрегаем углублением теории, основного компонента качественных исследований, возникает опасность формализма, в метафорах «трупного окоченения» (Sandelowski, 1993) или «методолатрии» (Chamberlain, 2000).

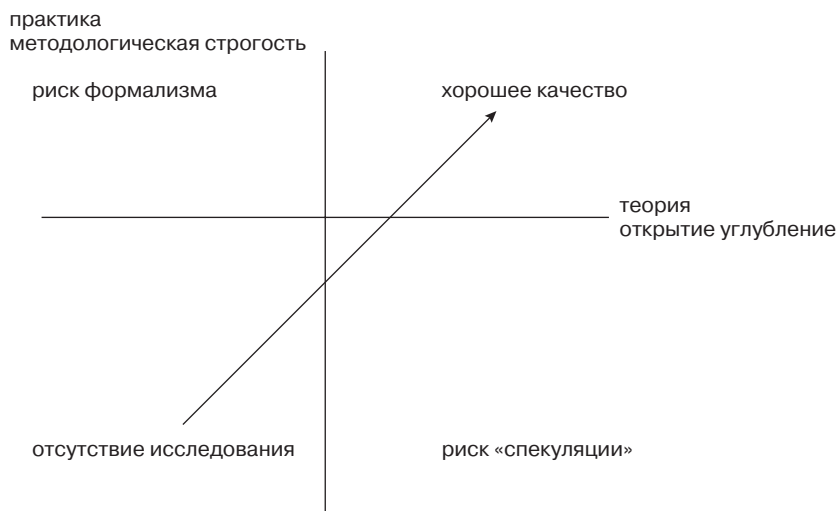

Рис. 1.

Обнаружив координаты области возможного консенсуса в области оценки качества качественных исследований, теперь мы можем сосредоточить внимание на компонентах, которые присутствуют в оценке качества. Дискуссия на эту тему имела следствием договоренность о выделении характеристик, присущих качественной методологии научных исследований, с учетом влияния различных теоретических подходов (Emden, Sandelowski, 1998; Thorne, 2001). В этом конвенциональном списке воспроизводятся общепринятые критерии — достоверность, заменяемость, надежность и подтверждаемость (Lincoln, Guba, 1985), а также введены новые термины: достоверность, ясность, креативность, яркость, тщательность, сенситивность (Whitemore, Chase, Mandle, 2001). Уточняя прежние критерии в направлении их открытой интеграции, как это получилось у Кальдерона (Calderón, 2009), вырисовываются четыре критерия — эпистемологическая и методологическая адекватность, релевантность, валидность и рефлексивность. Критерий эпистемологической и методологической адекватности ответственен за то, что изучается в качестве объекта исследования в настоящее время, соответствуют ли

вопрос и цель исследования, насколько методология исследования обслуживается его дизайном. Критерий релевантности следует оценивать в связи с актуальностью и новизной вклада научно-исследовательской работы в понимание изучаемого явления. С другой стороны, должны быть оценены последствия результатов исследований за пределами конкретных исследовательских обстоятельств, при которых работа была проведена, что получило название критерия заменяемости (Lincoln, Guba, 1985). Критерий валидности Кальдерон предлагает совместить с компонентом «интерпретативное участие», вкладывая в этот шаг идею сделать респондентов/аудиторию активным участником интерпретации (Calderón, 2009). Рефлексивность как критерий очевидно становится фоновым компонентом процесса качественного исследования в целом (Hammersley, Atkinson, 1983; Malterud, 2001).

В целом дискуссия относительно надежности и валидности развивается в двух направлениях — во-первых, генезис данных должен быть прояснен таким путем, чтобы было ясно, где граница между замеренной картиной мира респондента и началом интерпретации исследователем. Во-вторых, процедуры в поле или в процессе интервью имеет смысл проверить на сравнимость поведения различных интервьюеров или наблюдателей. Наконец, в-третьих, процесс исследования должен быть подробно задокументирован и максимально детализирован. В дискуссии (Kirk, Miller, 1986) дифференцированы три формы надежности:

- «донкихотская» надежность (насколько долго метод может непрерывно приводить к тем же результатам) — тривиальна;
- диахроническая надежность как стабильность измерения или наблюдения (если объект не меняется, критерий эффективен);
- синхронная надежность достижима при условии близости результатов в один и тот же момент измерения, но различными инструментами (авторы подчеркивают, что этот критерий наиболее показателен, если он не оправдывается).

Процедурная надежность особенно важна в этнографическом обследовании, в котором стандартизация заметок и протоколов повышает надежность этого вида данных (Kirk, Miller, 1986, p. 57). Правила транскрипции, проясняющие процедуру транскрипции разговоров, имеют ту же функцию повышения надежности данных. Для повышения надежности в этнографии Уолкотт предлагает свой ряд условий:

- 1) исследователь должен воздерживаться от разговора в поле, слушать больше, насколько возможно,
- 2) производить заметки точные, насколько возможно,
- 3) начинать писать раньше,
- 4) с отстранением,
- 5) отчет должен быть полным,
- 6) искренним,
- 7) получить отзыв от других коллег в поле,
- 8) презентация должна быть сбалансированной с различных аспектов,
- 9) аккуратно выполненной (Wolcott, 1994, p. 127–128).

И все же валидность в дискуссии получает больше внимания, чем сюжет надежности (Flick, 2006, p. 371). Вопрос валидности можно сформулировать следующим образом: если исследователь что-то наблюдает, то что он думает по поводу того, что он видит. И здесь возможны три ошибки: видеть отношения так, словно они неправильны (№ 1), отвергать их, если они и в самом деле неправильны (№ 2), и, наконец, задавать неправильные вопросы (№ 3) (Kirk, Miller, 1986, p. 29–30). Поэтому основной акцент валидности в качественном исследовании заключается в обнаружении связи между изучаемыми отношениями и их версией у исследователя. С точки зрения Уве Флика, явно не разделяющего позиции социального конструктивизма, искажение этой связи тем меньше, чем шире представление о том, что реальность существует независимо от социальных конструкций (восприятий, интерпретаций, презентаций), то есть, насколько эмпирически

укоренены эпистемологические конструкции исследователя. В этом контексте Хаммерсли подчеркивает позицию «тонкого реализма» (Hammersley, 1992, p. 50–52). Эта позиция имеет три допущения: 1) валидность знания не может быть оценена с уверенностью, речь лишь о правдоподобии, 2) феномены существуют независимо от наших претензий к ним, 3) реальность становится доступной через пересечение различных перспектив вокруг феномена, поэтому исследование помогает презентировать реальность, но не воспроизводить ее. Эта позиция приводит к необходимости реформулирования концепта валидности. Так, Мишлер начинает идею реформулирования с процесса валидации, определяя ее как «социальную конструкцию знания» (Mishler, 1990, p. 417), во время которой мы «оцениваем надежность собранных наблюдений, интерпретаций, и генерализаций» (Mishler, 1990, p. 419), и фактически превращает ее в социальный дискурс, приспособленный к анализу нарративов.

Проблема качества качественного исследования с точки зрения процессуальности

Ряд авторов (напр.: Morse et al., 2002; Seale, 2004) подчеркивают важность рассмотрения проблемы качества как динамического процесса, в котором качество возможно обеспечить на каждом этапе процесса исследования. Практикующие исследователи знают, что эта практика никогда не разворачивается линейно, итерационным образом, проводя постоянное дублирование между различными фазами. Следовательно, необходимо оправдать для оценки каждой из следующих фаз или моментов — определение и обоснование вопроса и цели исследования, поиск литературы и теоретической поддержки, дизайн, выбор источников информации и методов генерализации, анализа и обсуждения результатов — рекомендации, которые будут выполнены адекватно каждому шагу (Blaxter, 2000; Sandelowski, Barroso, 2002). Такие оценочные работы также влияют на проверку и совершенствование методов и процедур, используемых в процессе исследования (например, триангуляция, подробное описание вмешательств), на формирование дифференцированной оценки качества. Как обобщает У. Флик (Flick, 2006, p. 369–370), наиболее важные предложения для каждой фазы процесса оценки качества, то визуально это можно представить на следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Критерии качества	Процесс	Написание
методологическая адекватность, релевантность, рефлексивность	Основные вопросы: исследовательский вопрос, уместность качественной методологии, прецеденты и предыдущие исследования, релевантность и важность проекта, этические требования	Введение-обоснование ↑ ↓ Статья как целое
методологическая адекватность, валидность, рефлексивность	Дизайн и методологическая стратегия: адекватность теоретического фокуса, методов, техники, контекст исследования, гибкость, итеративность, циркулярность	Статья как целое ↑ ↓ Участники и методы

Критерии качества	Процесс	Написание
валидность, рефлексивность, методологическая адекватность	Сбор и формирование коллекции данных: Отбор/рекрутмент участников, взаимодействие между исследователями и участниками, сатурация, техники валидации	Участники и методы ↑ ↓ Результаты
валидность, рефлексивность, методологическая адекватность	Анализ информации: аналитические методы, итеративность/циркулярность, связность, открытие, описание/теоретическое конструирование, интерпретативное соучастие, техники валидации	Результаты ↑ ↓ Дискуссия и выводы
релевантность, валидность, методологическая адекватность	Заключительная фаза исследования: новизна и важность результатов, применимость/генерализация, внутренняя и внешняя связность, понятность и ясность, ограничения и новые вопросы	Дискуссия и выводы ↑ ↓ Статья как целое

Как видно из структуры таблицы, здесь увязываются стадии процесса исследования, критерии качества и фазы написания отчета или статьи.

Ниже мы критически рассмотрим возможности валидации в процессуальном плане, и, чтобы сделать нашу задачу более управляемой, мы будем рассматривать исследовательский процесс концептуально по частям, решая задачу, прежде всего, внутренней валидности:

- на уровне разработки вопроса исследования;
- сбора данных;
- анализа данных, а также
- интерпретации.

Мы делаем это, потому что озабоченность качеством по-разному актуализируется в этих четырех областях и потому, что мы хотели бы подчеркнуть, что, в отличие от многих текстов по методам исследований, сбор данных и анализ данных являются двумя взаимосвязанными, но отдельными исследовательскими процессами. Например, не включенное или включенное наблюдение, интервью и фокус-группы, как правило, рассматриваются как качественные методы исследования. При ближайшем рассмотрении, однако, становится ясно, что эти методы касаются в первую очередь того, как данные собраны, т. е. это методы сбора данных. Методы анализа данных, т. е. то, что мы делаем с нашими наблюдениями, после того как они собираются, могут включать в себя некоторые формы контент-анализа, нарративного анализа, анализа дискурса и т. д. На практике, конечно, сбор и анализ данных тесно связаны. Однако, отделяя эти процессы концептуально на subprocesses сбора и анализа, мы можем обнаружить различные претензии к качеству, которые возможно соблюсти, чтобы улучшить качество наших исследований, как во время процесса сбора, так и для повышения качества анализа и интерпретации.

Качество на стадии концептуализации исследовательского вопроса

Две проблемы связаны с качеством качественных методов исследования, которые возникают в процессе концептуализации и разработки вопроса исследования: выбор метатеории и предположений, связанных с определенным исследовательским подходом (Bergman, Сохон, 2005). К тому моменту, когда исследователи оказываются втянуты в исследовательский проект, они, как правило, полностью социализированы в определенной теоретической традиции исследования. На факультетах и в отделах институтов доминируют определенные метатеории, руководители проектов следуют конкретным идеологиям, теориям и взглядам, а также явным или неявным предпочтениям гарантирующих фондов, что, как правило, направляет исследователей в конкретных траекториях путей познания, проведения и представления результатов исследований. Институционализированная традиция и моды в социальных науках социализируют исследователей в рамках некоторого коридора теорий, например, социального конструктивизма, рационального выбора или постмодернизма, детерминируя набор «линз» или методологии и методов. Точнее, метатеоретические подходы различным образом выстраивают предположения о природе социального действия и смыслонаделения, и, таким образом, подготовленные исследователи, вероятно, замеряют, классифицируют, анализируют и интерпретируют данные по-разному. Можно предположить, что большинство исследователей просто придерживаются определенной традиции, но действительно ли они осознают это?

Приобретенные таким образом фундаментальные теории социологического знания, которыми руководствуются при выборе темы исследования, разумеется, влияют и на определение рамки исследования. Лишь немногие из потенциальных аспектов, связанных с темой исследования, явно рассматриваются в ходе исследовательского процесса. Например, изучение девиантного поведения молодежи может включать в себя вопросы, касающиеся возраста, пола, социального положения, сексуальной идентичности, национальных, региональных и культурных соображений, морали, экономики, личных и коллективных историй, религиозности, мотивов, социальных сетей в оффлайне и онлайн, поведения, ценностей, аффектов, референтных групп, детских переживаний, отношений с родителями на протяжении всей жизни и т. д. Этот список представляет собой ряд аспектов, которые в принципе могут быть изучены. Кроме того, хотя большинство из этих аспектов может иметь отношение к девиантному поведению молодежи, реально лишь небольшая группа потенциальных аспектов темы будет изучена. Зачастую процесс отбора аспектов, которые в конечном итоге найдут свое место в дизайне исследовательского проекта, осуществляется на основе не только их связи с темой, но и вследствие интереса, умений, опыта и привычек исследователя, финансовых требований и временных ограничений, результатов исследований из смежных областей или в других странах, доступа к данным, знакомства с конкретными методиками, например, компьютерной обработки данных и т. д.

Вероятно, бесполезно судить о надежности и валидности исследовательского проекта, основываясь только на выборе метатеории. Какой теоретический подход лучше или хуже — марксизм или теория рационального выбора, например, — следует отнести к идеологии. Но рефлексия об этом плодотворна, так как может позволить исследователю быть самокритичным с точки зрения ограничений, внедренных в концептуализацию вопроса исследования, понимание задач в ходе классификации данных, а также выводы из результатов анализа.

Качество на стадии сбора данных: качество инструмента и качество данных

Качество процесса сбора данных в качественных методах можно разделить концептуально на качество инструмента или собственно метода сбора данных и качество данных, полученных этим инструментом. Мы ограничим здесь наше обсуждение качества проблемами, которые возникают в интервью. Тем не менее подобные аргументы могут

быть релевантны и по отношению к другим качественным методам сбора данных, в том числе, фокус-группам, наблюдению и пр.

Ряд условий сопровождает наблюдаемые феномены, которые выбраны таким образом, чтобы приобрести статус данных: мы присваиваем статус данных тому, что мы можем наблюдать, что, как мы думаем, имеет отношение к нашему исследовательскому вопросу, и чему, по разным причинам, мы отдаем приоритет по сравнению с другими эмпирическими наблюдениями. О субъективном характере выбора данных со стороны исследователя и его контекста было сказано выше. Сбор данных является процессом селективного отбора эмпирических феноменов и приписывания отношения к ним с оглядкой на исследовательский вопрос. Таким образом, данные ничего, кроме проинтерпретированного наблюдения, не представляют, и наши результаты сильно зависят от того, как мы придаем статус данным (Coombs, 1964). Багаж методических знаний, который формирует наш выбор критериев, соотносится с массивом необработанных данных, как, например, вопросы фразировки, реакций на различные невербальные сигналы, которые поступают как реакция на взаимодействия между исследователем и респондентом.

Для того чтобы убедиться, что собеседник понимает задаваемые вопросы, можно, как одна из возможных стратегий, проводить по крайней мере два типа экспериментальных исследований: во-первых, проведение неструктурированных, разведочных интервью, в которых мы просим респондентов описать ключевые понятия, относящиеся к вопросу нашего исследования (например, типы и границы отношений). Во-вторых, с использованием этого материала, просим респондентов помочь нам построить анкету, парафразируя каждый из вопросов, просим сказать, что они думают по поводу того, что мы пытаемся оценить. Из этих экспериментальных исследований мы выявляем не только различные аспекты методологии исследования (например, порядок вопроса, навязанный вопрос), но и существенную информацию о теме исследования с точки зрения участников, открытых к предположениям о том, что исследователь не знает и знать не хочет. Короче говоря, экспериментальные исследования дают нам ключ к тому, понимаем ли мы достаточно, что респонденты имеют в виду, когда они выражают свое мнение.

Социальные психологи доказывают, что информаторы часто противоречивы: их поведение кажется несовместимым с заявленными позициями или ценностями, модели поведения кажутся несовместимыми с другими поведенческими реакциями и ценностями. Когда мы говорим о внутренней согласованности в рассказах людей во время интервью, мы не пытаемся создать последовательность там, где ее нет. Вместо этого мы ищем явные несоответствия, которые указывают на еще неисследованные или неправильно истолкованные аспекты, касающиеся темы исследования. Отсутствие внутренней согласованности в течение интервью предупреждает интервьюера, что он, возможно, неправильно понял высказывание, или что, может быть, за пределами этого объяснения существует явное несоответствие, которое откроет дополнительные аспекты о позиции собеседника. В целом мы выступаем за исследование конструкции, в рамках которой осуществляется сбор данных, позволяющих оценить построение смысла в непосредственном контексте рассказчика, а не приписывать его на основе скудной информации самим исследователем.

Но концептуальное различие между разными фазами процесса исследования не означает, что концептуализация вопроса исследования, сбор данных, анализ и интерпретации могут быть разделены на практике. Например, глубинные интервью обычно включают в себя явный или неявный анализ, по крайней мере с точки зрения разведки о том, что респонденты говорят или делают во время интервью. Зондирование представляет собой форму предварительного анализа, поскольку часто основано на специальном анализе. Содержание заявления интервьюируемого, например когда он утверждает, что он не считает себя подверженным риску подхватить ВИЧ-инфекцию, несмотря на активную половую жизнь, явно амбивалентно. И мы можем использовать зонды не только для того, чтобы узнать, почему он придерживается этой точки зрения, но и для того, чтобы

узнать, что он понимает под «рискованным» и «безопасным» поведением. С помощью зондов, таким образом, мы пытаемся определить не только позиции респондентов по вопросу, но и то, какие аспекты они соединяют с этим вопросом, какое отношение и позиции такие аспекты вызывают. У нас могут быть априорно конкретные теории в нашем исследовательском сознании, когда мы формулируем зонды или хотим проверить, действительно ли мы понимаем ответ респондента в соответствии с тем, как он понял вопрос. Хотя зонды представляют собой опасное наводящее средство разъяснения и донесения дополнительной информации, осознание их эффекта может помочь оценить степень интервенции, с которой ответ был спровоцирован самим интервьюером.

Выше мы поставили конкретные вопросы, касающиеся связности, достоверности, надежности и валидности, относящиеся к фазе сбора данных. Мы выделили несколько искусственно фазы концептуализации вопроса исследования и методов сбора данных. Однако большинство решений, принятых в ходе процесса исследования, отражают предварительный анализ, так что на практике концептуализация, сбор данных, анализ данных и интерпретация итеративны, неразрывно связаны между собой.

Качество на стадии анализа и интерпретации данных

Для того чтобы анализировать и интерпретировать эмпирические феномены в ходе проведения исследований в качественной традиции, исследователи занимаются категоризацией и кодированием. Субъективный элемент, присущий этим процессам, хорошо известен и отмечен многими исследователями (см.: Bergman, 2002; Jahoda, 1993; van Dijk, 1998). Исследователи, как правило, выбирают одну из трех позиций по отношению к субъективному элементу в эмпирическом исследовании: 1) принять субъективность как неизбежный недостаток, 2) полагать его недостатком, который может быть частично устранен путем тщательного дизайна исследования, или 3) принять этот феномен как естественную часть исследования. Здесь мы рассмотрим различные аспекты субъективности в процессе аналитики и интерпретации и обсудим, в какой степени дизайн исследования может или не может улучшить качество интерпретаций.

Определение присутствия и отсутствия, а также сходства и различия между эмпирическими феноменами является основой, на которой строятся смысл и понимание. Процесс построения категорий, их содержание, границы, их связи друг с другом имеют центральное значение для понимания социального действия и целеполагания. Как говорит Коксон: «Категоризации и классификации — как размещение ряда вещей в небольшом количестве групп и оснащение правилом, согласно которому такое распределение произведено, — являются, вероятно, наиболее фундаментальными операциями в мышлении и языке, и имеют решающее значение для широкого круга дисциплин» (Сохон, 1999, р. 1).

В рамках исследовательского процесса категоризацию нужно понимать в более широком смысле — восприятие или регистрация объекта или события в среде предполагают акт категоризации, и через этот акт категоризации объект или событие одновременно наделяются смыслом. Связи между классификациями и системой выстраиваемого знания не закрывают тот факт, что уже существующие интерпретации устанавливают условия и ограничения для последующих интерпретаций тех или иных признаков феноменов и событий, а также имеет место дискурсивная власть навязывания смысла, который вкладывается в предпочтительные интерпретации по сравнению с альтернативными интерпретациями. Категоризации являются функцией построения смысла и, таким образом, связаны с социально-культурными нормами, ценностями, традициями, идеологиями, практикой и т. д. Влияние последних нужно понимать не как отклонение (как что-то, что нуждается в контроле или элиминировании) в наших усилиях по отбору и классификации эмпирических феноменов, а, скорее, в качестве фрейма знаний и отсылок, в соответствии с которыми эмпирические наблюдения могут быть классифицированы и, таким образом, поняты и обобщены.

До сих пор мы подчеркивали субъективную, зависимую от контекста, и социально-культурную природу категоризации во время аналитического процесса. Соответственно, это может показаться противоречивым для введения концепта валидности. Многие исследователи и методисты считают, что валидность и субъективность непримиримы из-за их различных эпистемологических позиций: валидность якобы принадлежит к позитивистской парадигме, в то время как субъективность принадлежит к «иной» исследовательской традиции (постмодернистской, качественной, интерпретативной или этнографической). Прежде всего, это касается исследовательского вопроса, который управляет сбором данных и, таким образом, влияет на тип категорий и правила категоризации. Часто, однако, оказывается, что связь между вопросом исследования и данными не совсем убедительна. В этом смысле, вслед за Дж. Тьюки, самая большая угроза валидности заключается в том, что данным адресуются неправильные вопросы (цит. по: Bergman, Sohop, 2005). Чтобы исследовать эту проблему более внимательно, рассмотрим сам процесс категоризации, и как он соотносится с валидностью.

Категоризация является процессом упорядочивания эмпирических наблюдений в отношении их сходства или различия. Функция категоризации в процессе исследования состоит в отборе эмпирических феноменов в соответствии с правилами, которые, как полагают, связаны с конкретным вопросом исследования. Категории, однако, строятся не только на основе естественных моделей (например, классификация химических элементов в соответствии с их весом, структурой или близостью к другим элементам), но, что важно для социальных наук, являются активными конструкциями, которые исследователи навязывают данными. Множественные категоризации одних и тех же данных часто меняются в зависимости от направленности исследований и теоретических парадигм. Таким образом, эмпирические суждения о степени сходства зависят от категорий и границ категорий, которые исследователь применяет к свободному набору эмпирических наблюдений. Набор эмпирических феноменов категоризируется в соответствии со смысловой структурой, которая как существует до, так и возникает эмерджентно в результате процесса категоризации и кодирования, что, в свою очередь, подтверждают категории, которые формулируются в процессе категоризации эмпирических феноменов. Тем не менее классификация не является чисто пристрастным или эгоцентрическим процессом, а, скорее, социальная и культурная среда исследователей предписывает и пристраивает в значительной степени содержание и границы категорий. Социально-культурное влияние на процесс классификации осуществляется, по крайней мере, двумя способами: во-первых, они находятся под влиянием общих правил, т. е. ценностей, норм, идеологий и т. д., во-вторых, они находятся под влиянием непосредственного контекста культурных норм и классификаций.

Категоризация может быть применена к любой совокупности, взятой эмпирически или теоретически, например, ситуаций, отдельных лиц, семей, групп, племен, организаций, культур, народов, действий, слов, заявления, тем, фраз, картинок, звуков, запахов, взаимодействий, сетей, систем, статусов, концепций, методов, теорий, архитектурных стилей, выражений лица и т. д. Кроме того, классификация может включать в себя сравнительные аспекты таких объектов, как гендерные группы, национальности, возрасты, социальное положение, уровень образования и т. д.

Тем не менее анализ начинается прежде, чем данные будут собраны. Как констатировал Клайд Кумбс (Coombs, 1964), эмпирические феномены, которые в конечном итоге вырастают до статуса данных, это лишь малое подмножество наблюдаемых явлений. Как показано на рисунке 2, только часть потенциально наблюдаемых (но, по каким-либо причинам, не попадающих в фокус наблюдения) эмпирических феноменов, соответствующих исследовательскому вопросу, рассматривается исследователем на самом деле, и только часть этого подмножества в конечном итоге будет признана данными. Таким образом, предварительная категоризация эмпирических феноменов имеет место там, где наблюдаемые эмпирические явления неявно разделены на данные и не-данные.

Критерии отбора в этом процессе включают множество решений, таких как методологические и теоретические предпочтения исследователей, удобство замера, стоимость, академические привычки, предпочтения, выраженные оценочными инстанциями или органами финансирования научных исследований и т. д. Как отмечают Ван Маанен, Мэннинг и Миллер: «Решение, что должно считаться единицей анализа, — принципиальный вопрос в интерпретативном исследовании, требующий суждения и выбора» (van Maanen, Mannin, Miller, 1986, p. 5), что близко позиции Коксона: «Ответ на вопрос «Что мне делать с информацией, как только я собрал ее?... будет зависеть в значительной степени от уже принятых решений и от того, какие предположения исследователь [приносит] для интерпретации наблюдений» (Сохон, 1999, p. 5).

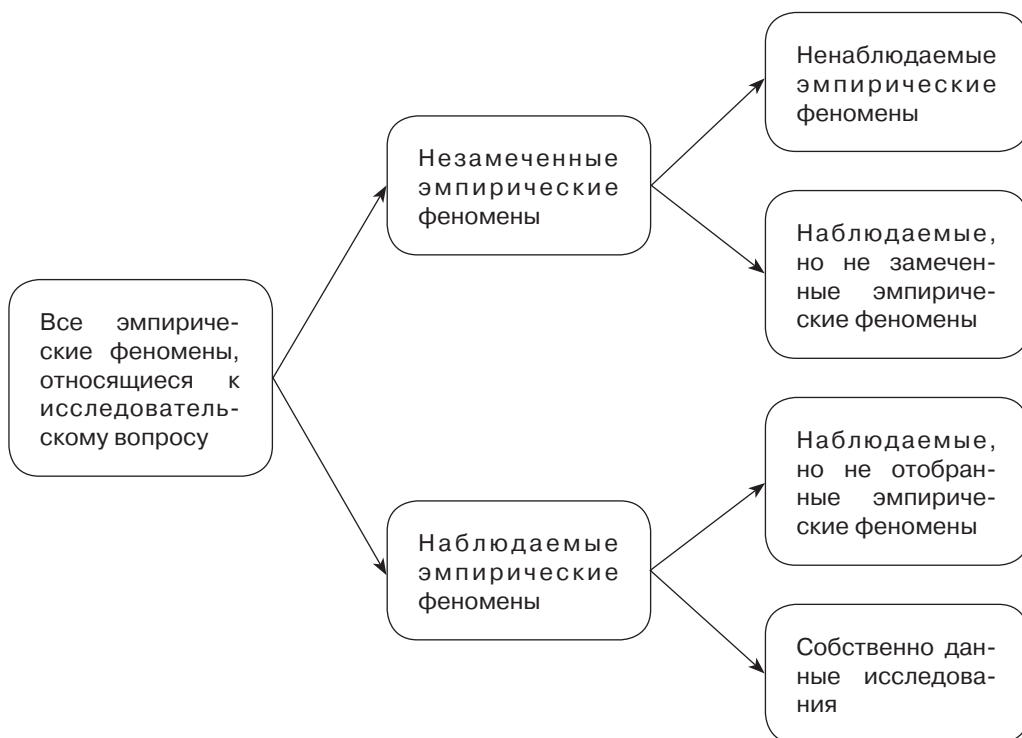

Рис. 2. Типы эмпирических феноменов

Если отбор данных, то есть идентифицированные как данные из широкого набора эмпирических наблюдений, зависит от суждений и теоретического выбора, и если они тесно связаны с контекстом, в котором работают исследователи (Bergman, 2002), то, разумеется, исследователи должны обосновать свой выбор. Соответствие данных, а также целесообразность отбора в коллекцию данных и аналитических процедур могут быть засвидетельствованы по крайней мере четырьмя способами:

- **Аргумент авторитетом:** претензии на адекватность, релевантность теории, предположениям или процедурам часто осуществляются через прямые ссылки на авторитетных персонажей, группы или институты. Например, известный способ цитирования научных («по словам профессора N. в Московском университете,...»), политических деятелей, Фондов изучения мнения («как показали многолетние наблюдения Левада-Центра,...») часто используется для аргументации при особенном выборе данных, процедуры или категоризации. Ясно, что это является эффективным способом, чтобы оправдать процедуры исследования и выводы, и может презентироваться как способ валидности.

Конечно, опытные авторы могут избирательно использовать аргумент авторитетом, что укрепляет саму линию аргументации, так что этот способ стратегической верификации знания, хотя и эффективен и широко распространен, тем не менее является наиболее угрожающим целостности исследования и его результатам.

▪ **Предыдущие эмпирические исследования:** очевидно, что практически невозможно провести исследования в рамках избранной сферы, не сопоставляя ее с эмпирической работой других исследователей. Чтобы соотнести свое исследование с ландшафтом предыдущих исследований в конкретной области, авторы цитируют выводы других эмпирических исследований для того, чтобы либо согласовать либо дистанцироваться в отношении к парадигмам, теориям, подходам или процедурам. Авторы обычно используют фразы типа «Иванов не принял во внимание...» или «как Петрова убедительно продемонстрировала...». Эта стратегия также служит в качестве аргумента авторитетом, подобному тому, что описан выше. Ссылка на «научную статью», особенно если автор авторитетная фигура, гораздо сильнее дискурсивной стратегии, оправдывающей особый подход, по сравнению с простыми аргументами авторитетом. Следует признать, однако, что тщательный отбор и реинтерпретация «релевантной литературы» открывает более широкие возможности стратегического позиционирования и, следовательно, в значительной мере валидизирует исследование.

▪ **Теория:** как уже упоминалось, теоретические основы предписывают и простраивают в значительной степени не только то, что будет считаться релевантными данными, но и то, как данные будут анализироваться и интерпретироваться. Например, марксистский подход будет погружен в социально-классовый конфликт, а гендерный подход будет отрешиваться от эссенциализма в пользу социального конструктивизма, что будет иметь следствием не только разные критерии в процедуре замера релевантных данных, но и в том, как эти данные должны быть проанализированы и проинтерпретированы. Как и прежде, теория накладывает априорные ограничения на то, что должно и может быть изучено и как, а также позволяет более согласованно представить связный путь проведения исследования.

▪ **Логический аргумент:** выбор и стратегическое представление аргументов авторитетом, предыдущие эмпирические исследования и теории — это только один способ, в котором логический аргумент оправдывает некоторые исследовательские решения по сравнению с другими решениями. Сравнения и контрастирования, обобщение, синтез являются также мерами, которые помогают оправдать отбор и анализ данных. Отбор правил, т. е. на каком основании некоторые категории были выбраны, и эмпирические примеры, т. е. как эмпирическая очевидность «вписывается» в категории, также в значительной степени основываются на логических доводах. Никакие данные или категории не говорят сами за себя, но должны быть объяснены и оправданы.

Эти четыре инструмента, очевидно, взаимозависимы, например, аргументы авторитетом часто связаны с предварительными эмпирическими исследованиями, а посредством использования логики либо деконструкции контраргументов эти задачи могут быть объединены, чтобы сделать аналитику и интерпретации последовательной и согласованной.

Заключение

Итак, хотя практически все научно-исследовательские решения в процессе качественного исследования, от исследовательского вопроса до интерпретации полученных данных, зависят в какой-то степени от субъективных оценок и суждений, это не освобождает исследователей от того, чтобы сделать эти элементы явными (эксплицитными) насколько возможно, чтобы реализовать исследование более последовательным и убедительным. Если избирается другой путь, исследователи должны, что называется, «чеканить собственную монету» — свою терминологию, потому что они отвергают конструкции, которые, возможно, возникли в другой эпистемологической традиции.

В любом случае, необходима подотчетность практики исследования, прежде всего путем явного описания шагов исследования, которые позволяют вынести на суд читателей правдоподобность результатов исследования. В этом смысле П. Г. Свенборн (Swanborn, 1996) предлагает раскрывать читателю методологические решения и интерпретативные суждения. А К. Сил (Seale, 1999) идет дальше и предлагает сделать научно-исследовательское сообщество арбитром качества в надежде, что через форму демократических переговоров в рамках исследовательского сообщества сформулируются принципы качества процедур. Отнесемся к этому предложению скептически, ведь только в очень абстрактных терминах мы можем говорить о почти всегда разделяемом научно-исследовательским сообществом научном этосе, вместо этого исследовательские сообщества, как отмечал еще Кун, правят своими исследовательскими направлениями как вотчинами и ревниво охраняют их от вторжения или революции.

Валидность должна, безусловно, присутствовать в каждом исследовательском решении. Хотя никогда не будет возможно доказать, что процедура или результат валидны в объективном смысле, «плодотворная одержимость» (термин см.: Lather, 1993) качеством существенно работает на правдоподобность и убедительность эмпирических исследований.

Литература

- Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
- Девятко И. Ф. Методы социологического исследования: уч. пособие для вузов. М.: Университет, 2006.
- Bergman M. M. Reliability and Validity in Interpretative Research During the Conception of the Research Topic and Data Collection // *Sozialer Sinn*. 2002. № 2. P. 317–331.
- Bergman M. M., Coxon A. P. M. The Quality in Qualitative Methods // *Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2005. № 2 (6). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqstexte/2-05/05-2-34-e.htm> (accessed: 1.11.2014).
- Blaxter M. Criteria for Qualitative Research // *Medical Sociology News*. 2000. № 26. P. 34–37.
- Calderón C. G. Assessing the Quality of Qualitative Health Research: Criteria, Process and Writing // *Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2009. № 2 (10). URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/viewArticle/1294/2806> (accessed: 1.11.2014).
- Chamberlain K. Methodolatry in Qualitative Health Research // *Journal of Health Psychology (Special issue on Critical and Qualitative Approaches to Health Psychology)*. 2000. № 5. P. 289–296.
- Coombs C. A Theory of Data. New York: Wiley, 1964.
- Coxon A. P. M. *Sorting Data: Collection and Analysis*. Thousand Oakes: Sage Publications, 1999.
- Denzin N. K., Lincoln Y. S. *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005.
- Emden C., Sandelowski M. The Good, the Bad, and the Relative, part 1: Conceptions of goodness in qualitative research // *International Journal of Nursing Practice*. 1998. № 4. P. 206–212.
- Fielding N. The Resurgence, Legitimation and Institutionalization of Qualitative Methods [23paragraphs] // *Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2005. № 6 (2). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-05/05-2-32-e.htm> (accessed: 1.11.2014).
- Flick U. *An Introduction to Qualitative Research*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006.
- Gergen K. Social Psychology as History // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. № 26. P. 309–320.
- Hammersley M. Some Reflections on Ethnography and Validity // *Qualitative Studies in Education*. 1992. № 5 (3). P. 195–203.
- Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography: Principles in practice*. London: Routledge, 1983.
- Kirk J., Miller M. L. *Reliability and Validity in Qualitative Research*. London: Sage Publications, 1986.
- Lather P. Fertile Obsession: Validity after Poststructuralism // *Sociological Quarterly*. 1993. № 34 (4). P. 673–693.

- Lincoln Y. S., Guba E. G. *Naturalistic Inquiry*. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1985.
- Malterud K. *Qualitative Research: Standards, Challenges, and Guidelines* // *Lancet*. 2001. № 358. P. 483–488.
- Mishler E. *Validation in Inquiry-guided Research: the Role of Exemplars in Narrative Studies* // *Harvard Educational Review*. 1990. № 60 (4). P. 415–442.
- Morse J. M., Barrett M., Mayan M., Olson K., Spiers J. *Verification Strategies for Establishing Reliability and Validity in Qualitative Research* // *International Journal of Qualitative Methods*. 2002. № 1. URL: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/1_2Final/html/morse.html (accessed: 1.11.2014).
- Mottier V. *The Interpretive Turn: History, Memory, and Storage in Qualitative Research* [21 paragraphs] // *Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2005. № 6 (2). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-05/05-2-33-e.htm> (accessed: 1.11.2014).
- Sandelowski M. *Rigor or Rigor Mortis: the Problem of Rigor in Qualitative Research Revisited* // *Advances in Nursing Science*. 1993. № 16 (2). P. 1–8.
- Sandelowski M., Barroso J. *Reading qualitative studies* // *International Journal of Qualitative Methods*. 2002. № 1 (1). P. 74–108. URL: <https://ejournals.library.ualberta.ca/index.php/IJQM/article/view/4615/3764> (accessed: 1.11.2014).
- Sandelowski M., Barroso J. *Classifying the findings in qualitative studies* // *Qualitative Health Research*. 2003. № 7. P. 905–923.
- Seale C. *The Quality of Qualitative Research*. London: Sage, 1999.
- Seale C. *Quality in Qualitative Research* // *Qualitative research practice* / Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. F. Gubrium, D. Silverman. London: Sage, 2004. P. 409–419.
- Swanborn P. G. *A Common Base for Quality Control Criteria in Quantitative and Qualitative Research* // *Quality and Quantity*. 1996. № 30. P. 19–35.
- Thorne S. E. *The Implications of Disciplinary Agenda on Quality Criteria for Qualitative Research* // *The nature of qualitative evidence* / Ed. by J. M. Morse, J. M. Swanson, A. J. Kuzel. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. P. 141–159.
- van Maanen J., Manning P. K., Miller M. L. *Qualitative Research Methods Series*. Newbury Park, CA: Sage, 1986.
- Whittemore R., Chase S. K., Mandle C. L. *Validity in Qualitative Research* // *Qualitative Health Research*. 2001. № 11. P. 522–537.
- Wolcott H. F. *Transforming Qualitative Data*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.

Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность¹

Анна Стрельникова*

В статье рассматриваются особенности изучения социальной мобильности применительно к географическим перемещениям (переезды из одного населенного пункта в другой, переезды внутри города и др.). Автором предпринята попытка представить особенности таких перемещений в качестве важного структурообразующего элемента индивидуальных и семейных биографий, в которых, в свою очередь, отражается субъективное восприятие результатов социальной мобильности. Статья базируется на результатах авторских эмпирических исследований, а также на вторичном анализе материалов проекта «Век социальной мобильности в России».

Ключевые слова: городское пространство, социальная мобильность, пространственные практики, «биографическая прогулка», вторичный анализ данных

Описание мобильности через проживаемый опыт перемещений

Географические перемещения индивидов или перемещения в физическом пространстве (переезды из одного населенного пункта в другой, переезды внутри города) всегда являлись предметом особого интереса в городских исследованиях (urban studies). Этот интерес относится не только к объективным характеристикам перемещений (частота, интенсивность), но также и к субъективным параметрам, таким, как накопление и передача опыта, связанного с перемещениями, и встраивание этого опыта в биографический проект. Поскольку люди в течение своей жизни выстраивают отношения с меняющимися местами обитания, восприятие этих мест несет в себе оценку этих перемещений: «смысл места меняется, и память о нем остается тогда, когда собственно происходящее имеет уже совсем иной смысл» (Филиппов, 2008, с. 250).

Для нашей исследовательской «рамки» мы считаем приоритетными концепты *повседневности, субъективного восприятия прошлого и настоящего* в пространственной среде. В частности, это проблематизация «естественного» (обжитого и осмысленного) устройства города или иного населенного пункта, которое воплощено в структурах пространства, а также в ментальных и телесных схемах его обитателей. Это описание повседневных пространственных практик и тех жизненных траекторий, которые вычерчиваются с течением времени при регулярном воспроизводстве этих практик. По мнению Э. Амина и Н. Трифта, повседневный опыт перемещений было бы перспективно описывать через такие конструкты, как пористость (транзитивность, открытость новому),

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. astrelnikova@hse.ru.

наличие ритмов городской жизни и отпечатки следов как пространственно-временная ось мобильности (Амин, Трифт, 2002).

В данной статье мы рассматриваем проблематику мобильности, которая связана с географическими перемещениями индивидов. Мы считаем, что, становясь *проживаемым опытом перемещений*², мобильность превращается из географической в социальную: будучи мобильными, люди накапливают определенный опыт субъективных описаний для каждого пункта своих перемещений, причем этот опыт накладывается на личные и семейные биографические сюжеты и меняет их. Это приводит нас к исследовательским вопросам о восприятии места своего проживания и окружающего пространства (иерархизированного и многомерного) в различных жизненных ситуациях, о влиянии населенного пункта и всей его инфраструктуры на биографические «повороты» и «перекрестки», т. е., в конечном счете, о проекции жизненных траекторий на физическое (географическое) пространство и о влиянии географического «вектора» мобильности на различные события жизни³.

Используемые методы и данные

Для анализа пространственной составляющей в описании мобильности мы обратимся к результатам собственных исследований с использованием метода биографической прогулки⁴ (Стрельникова, 2012), а также к материалам проекта «Век социальной мобильности в России» (Судьбы людей: Россия XX век⁵, 1996), где в качестве метода сбора данных выступали биографические интервью с представителями нескольких поколений одной семьи. Ниже кратко представлены ключевые характеристики этих методов.

Биографическая прогулка — это метод, в котором биографическое интервью, как реконструкция жизненного пути в целом или отдельных этапов жизни, комбинируется с включенным наблюдением, проводимым во время прогулки по определенным городским маршрутам. Сначала с респондентом проводится первичное интервью, в котором задаются вопросы о городе проживания, о восприятии различных частей городского пространства, о поведенческих стереотипах в прошлом и настоящем. Определяются привычные городские маршруты, по которым респондент перемещался в молодости, фиксируется общее отношение к городу на тот момент, обсуждаются практики появления любимых и нелюбимых мест в городе. По итогам интервью выбирается одно из городских мест, в котором затем проводится прогулка респондента и интервьюера, которая дополняется

² М. де Серто называет повседневные перемещения пространственными практиками, уточняя, что в них категория пространства дополняется категорией времени, причем обе категории имеют субъективный характер (см.: Серто, 2010).

³ Отдельной непростой задачей является поиск и верификация «единиц измерения» для отображения жизненных траекторий как восходящих или нисходящих, крутых или сглаженных. Например: «Как и на каком расстоянии, например, в измерении «Брак», определить положение мужчины, находившегося в настоящий момент в первом браке, относительно его холостого состояния или в момент развода после первого брака?» (Судьбы людей: Россия XX век, 1996, с. 414–415). Понимая всю методическую сложность данного вопроса, мы выносим его за рамки данной статьи.

⁴ Было проведено 19 биографических прогулок с жителями г. Москвы в возрасте 50 лет и старше. При отборе респондентов мы не ставили перед собой цели репрезентировать все население данной возрастной группы. Однако респонденты подбирались таким образом, чтобы по возможности охватить жителей центральных и окраинных районов, коренных жителей и приезжих, различающихся по образованию и по другим статусным характеристикам.

⁵ В данной монографии представлены некоторые результаты проекта «Век социальной мобильности в России», который проводился сотрудниками Института социологии РАН (В. Семенова, Е. Рождественская и др.) в сотрудничестве с французским социологом Д. Берто. Отбор респондентов осуществлялся среди возрастной когорты 1965–1967 годов рождения участников лонгитюдного проекта «Пути поколения России» (М. Титма, В. Семенова, Л. Коклягина), обеспечивая, тем самым, аналитическую и методическую преемственность и взаимодополняемость данных. Также при отборе респондентов учитывалась гетерогенность относительно принадлежности к различным социальным стратам.

вторым интервью (во время прогулки или по ее окончании). В ходе прогулки фиксируется то, как респондент описывает изменения городского пространства, свои ощущения от любимого ранее места в городе, событийный ряд, который ассоциируется у респондента с местом прогулки, другие впечатления о городе, также уточняются и дополняются все основные сюжеты из первичного интервью. Таким образом, идея метода заключается в постепенном разворачивании биографии индивида с помощью прогулки, которая позволяет реконструировать прошлое в пространственно-телесном опыте.

Как замечает Б. В. Голофаст, «если история жизни излагается в горизонте обыденного сознания, то требуется подчас значительное усилие даже для обнаружения или осознания изменившегося порядка вещей» (Голофаст, 1995, с. 75). Поскольку повседневные общение само по себе не располагает к детальным повествованиям о событиях прошлого, исследователю приходится искать методические приемы, которые выступили бы в роли биографического импульса. Одним из удачных приемов мы считаем биографическую прогулку, в ходе которой пространственные схемы дополняют биографический подход через телесное погружение в прошлое.

Что касается проекта «Век социальной мобильности в России», в нем была реализована качественная исследовательская стратегия (пионерская на тот момент для российской социологии как по методологическим основаниям, так и по масштабности), включающая в себя многоэтапный анализ семейных жизненных траекторий. В ходе проекта для реконструкции истории семьи на протяжении нескольких поколений исследовательским коллективом было собрано и проанализировано более 120 биографических интервью из 68 семей. В этих интервью раскрываются вопросы принятия решений в различных жизненных ситуациях, даются описания стартовых и текущих статусных позиций индивидов и членов их семей — словом, отражена субъективная картина событий жизни и эмоций, с ними связанных. При этом исследователи предприняли попытку анализа сведений не только о самом информанте, но также обо всем «расширенном семейном клане» родственников (двоюродные братья и сестры, дяди и тети и др.), в результате «каждая история описывает траектории жизни 20–30 членов семьи» (Судьбы людей..., 1996, с. 10). В монографию «Судьбы людей: Россия XX век» были включены семейные истории, отражающие как уникальный опыт, так и типичные для своего времени стратегии семей.

Освоенное пространство как результат географической мобильности

В наших биографических прогулках проблематика мобильности в биографии индивида акцентировалась через различные мета-сюжеты (жизненные «повороты» и «перекрестки»), которые, так или иначе, проявлялись в каждом интервью. Это практики переездов (в город или внутри города), опыт перемещений на всевозможном транспорте, опыт длительных пеших прогулок, появление ориентиров в освоенном пространстве.

Сюжеты интервью, посвященные переездам, наиболее интересны с точки зрения анализа траекторий мобильности. Так, в ходе описания переезда в Москву из пригорода или из другого населенного пункта обычно проговариваются изменения привычного жизненного уклада, а также появление различных возможностей, недоступных ранее. Кроме того, подобные сюжеты позволяют увидеть не только само это событие глазами респондента, но и систему аргументации, которую применяет рассказчик при выражении своего отношения к «старому» и «новому» положению в пространстве:

«А когда мы переехали, сломали этот дом... мы переехали в новый. Мне было дико, что для того, чтобы выкинуть мусор на площадке, я должна была надевать на себя что-то приличное» (ж., 55).

Обсуждение опыта использования городского транспорта и пеших прогулок наглядно показывает, что в течение жизни человек не только перемещается в пространственной среде, но и формирует свое отношение к ней:

«Выезжать из своего района стала регулярно с 11 лет, ездила в гости к бабушке в Подмосковье через весь город. Мне очень нравилось! Целых два часа, и я искала новые маршруты, пересаживалась на разные трамваи, было интересно. Вот сначала на 1-м, потом на 49-м, потом на 12-м, потом уже на электричку» (ж. 64),

«Как-то мы росли с Москвой. Например, вот все какие-нибудь новые стройки. Новый Арбат, например. Мы были школьниками. Мы следили, мы знали всегда, какие новые районы появляются, какие новые здания появляются, мы гуляли по городу. Вот. И как-то успевали с ним расти» (м., 59).

Можно сказать, что переезд становится переломной точкой не только в личной биографии, но и в ее пространственном воплощении. Новый район проживания постепенно наполняется событиями и эмоционально окрашенными смыслами, в то время как визиты в места, значимые в прошлом, могут восприниматься обезличенно, т. к. уже произошло застывание образа городского пространства таким, каким он теперь не является:

«стали выпячиваться эти высотки... понастроили» (м., 51),

«Практически не осталось ни одного старого дома. Всё сломано, либо реконструировано так, что трудно понять, что здесь было когда-то... это не моя Москва» (ж. 50).

Некоторые наши информанты признавались, что им теперь не очень хочется выезжать «в Москву» из своего отдаленного района, а также не хочется ориентироваться в изменениях пространства столицы:

«ну разве что по делу... и быстрее обратно» (м., 51),

«постепенно привыкаешь: дом — работа... особенно ориентироваться не нужно» (м., 55),

«В общем-то я могу сказать, что я уже половину Москвы не знаю» (м., 53).

Это согласуется с представлениями П. Сорокина о том, что при уменьшении возможностей для любой формы мобильности поведение человека становится ригидным, непластичным, однообразным, и он «...обречен думать и смотреть на мир сквозь очки своей «социальной ячейки»... уединение внутри своей социальной ячейки удерживает его от того, чтобы овладеть гибкими и разнообразными взглядами, более широкими перспективами ума» (Сорокин, 2004, с. 102–103). Т. е. в данном случае «застывание» жизненной траектории на какой-то определенной социальной позиции влечет за собой и снижение или полную утрату потребностей в географической мобильности.

Реализация новых возможностей в пространстве как результат социальной мобильности

Можно сказать, что географическое пространство раскрывается параллельно с сюжетами биографии: осваивается определенный этап жизни — осваивается и территория. Карта освоения города (или иного населенного пункта)⁶ у коренных жителей прорисовывается от мест детских прогулок («сюда мы ходили с мамой») к местам романтических

⁶ В ходе наших биографических прогулок рассматривалось освоение городского пространства (на примере г. Москвы).

встреч («*вот на этой лавочке сидели с будущим мужем*»), от мест учебы («*открыла район Полянки-Ордынки, когда поступила в училище*») — к местам работы, потребления и т. д.

Карта освоения города у приезжих начинается с тех элементов пространства, которые оказались актуализированы в первое время после переезда, и некоторое время эти элементы служат опорными точками среди чужого и неизвестного. Это вокзал или иной транспортный узел как символические «ворота» в новую жизнь, символы центра города, жилье (квартира, общежитие), место работы или учебы.

В проекте «Век социальной мобильности в России» в истории Канторовичей (Судьбы людей..., 1996, с. 15–41) можно обнаружить сложнейший рисунок географических перемещений, который проецировался на жизнь семьи. Многочисленные переезды членов семьи были связаны как с восходящей мобильностью (получение образования в другом городе, повышение по карьерной лестнице, получение собственного жилья), так и с нисходящей (репрессии и длительная жизнь на «комсомольских стройках», вынужденный уход с работы из-за недоброжелательности и доносов, неравные браки, лишение прописки). Столь динамичная картина перемещений была связана с необходимостью выживания семьи в сложнейших условиях, от утраченных благополучных дореволюционных позиций семьи до изначально враждебного к «бывшим» социалистического общества. Фактически, возможность дышать «различным социальным воздухом» позволила семье Канторовичей непрерывно получать новый опыт и приспосабливаться к меняющимся условиям жизни. П. Сорокин называет таких мобильных индивидов «туристами», которые путешествуют по различным социальным ячейкам, не собираясь останавливаться надолго ни в одной из них (Сорокин, 2004, с. 107).

На микроуровне можно оценить комфортность пребывания в городе и степень включенности человека в его жизнь (а следовательно, и эффективность мобильности) по появлению любимых городских мест и других ориентиров. До тех пор, пока их нет, город является чужим, или, если применить метафору К. Линча о читаемости городского пространства (Линч, 1982), «непрочитанным»:

«Здесь мы жили, Черемушки. Здесь работа дядина, я знала, что она на севере. Ну вот, собственно, и все. Больше я ничего в Москве не знала» (ж., 52).

В проекте «Век социальной мобильности в России» в истории семьи Шинелевых (Судьбы людей..., 1996, с. 70–99) также можно увидеть пример подобной «непрочитанности», которая сохранялась вплоть до конца жизни мигрантов. Согласно материалам интервью, мигранты-крестьяне после переезда сохранили свой привычный уклад жизни, в то время как город с его развлечениями, культурными ценностями, окружением остался для них чужим. Переезд, конечно, был значимым событием в их биографиях и принес множество изменений. Во-первых, появилась новая работа — неквалифицированная и тяжелая, однако приносящая деньги, в отличие от колхозных трудодней. Во-вторых, произошел переезд в новое жилье — в рабочее общежитие, и, со временем, им удалось получить собственные квартиры. Затем в биографию добавлялись такие этапы, как получение базового профессионального образования, создание семей, рождение детей. Однако на фоне всех указанных изменений, субъективно для самих мигрантов город мог остаться неосвоенным:

«прожив почти 40 лет в Москве, она не знала, с кем водить дружбу. Ее интересовала только семья, родственники. Она не ходила ни в театры, ни на концерты, ни на выставки. Не любил там бывать и ее муж, хотя он и стал инженером» (Судьбы людей..., 1996, с. 88).

Однако подобная неосвоенность не помешала переехавшим в город крестьянам сформировать четкую образовательную стратегию для своих детей. Крестьяне-мигранты

были нацелены реализовать новую возможность, которую предоставила им географическая мобильность: дать детям высшее образование. Несмотря на то, что оно воспринималось родителями инструментально, как способ избавления детей от физического труда, сам факт появления этой возможности (и ее последующая реализация) говорит о том, что посредством миграции в город менялся социальный статус семьи, причем более высокая статусная ступенька служила стартом для детей — второго поколения горожан. В результате географическая мобильность имела «отсроченный» эффект, обеспечив формирование новых стартовых позиций для детей мигрантов через образование.

Заключение

Таким образом, пространственные «точки» становятся точками в рисунке жизненной траектории и отражают результаты социальной мобильности, будь то переход в статус горожанина или внутригородской переезд, связанный с изменением семейного статуса.

Одной из характеристик биографического повествования является детализация рассказа, подразумевающая осознанную (со стороны рассказчика) необходимость в уточнении тех или иных сюжетов биографии через соотнесенность со временем и пространством. Таким образом, время и пространство могут выступать в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа городских биографий, или биографий, насыщенных пространственными практиками. Точками отсчета в городской биографии могут служить переезды, первые самостоятельные перемещения по городу, утрата или обретение жилья и другие уникальные эпизоды житейского опыта, то есть ситуации перехода «состояние-событие-состояние». Важно отметить, что «интервалы» между этими яркими точками заполняются обычными, повседневными событиями, которые также могут стать объектом интереса социолога, и которые без подобных переходных ситуаций, возможно, не оказались бы актуализированными в рассказе о жизни.

Литература

- Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. С. П. Баньковской // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–233.
- Голофаст В. Б. Многообразии биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
- Серто М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. 2010. № 1 (20). С. 151–184.
- Сорокин П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / Пер. с англ. М. В. Соколовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2 (70). С. 101–110.
- Стрельникова А. В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология — современной России: Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А. О. Крыштановского / под ред. А. Б. Гофмана, Г. В. Градосельской, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимов, И. М. Козиной, Л. Я. Косалс, В. А. Мансурова, В. Г. Николаева, О. А. Оберемко, Н. Е. Покровского, Ю. Н. Толстой, А. Ю. Чепуренко, Е. Р. Ярославской-Смирновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 665–672.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008.

Полевые исследования: политики памяти в современной России

Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти¹

Александрина Ваньке*
Елизавета Полухина**

В статье изучается мемориальный ансамбль Вечный огонь в Александровском саду совместно с Могилей Неизвестного солдата и Постом Почетного караула, выполняющий функции «места памяти» и «публичного места». Авторы приходят к выводу о том, что рассматриваемый в статье мемориал является «публичным местом памяти», которое, во-первых, участвует в поддержании национального единства, во-вторых, транслирует память о войне и победе, в-третьих, предоставляет рекреативные возможности для культурного потребления и проведения досуга горожан и туристов.

Ключевые слова: Вечный огонь, место памяти, публичное место, публичное место памяти

Данная статья посвящена изучению социально-исторической и культурно-политической функций мемориального ансамбля Вечный огонь в Александровском саду в Москве, который мы рассматриваем совместно с Могилей Неизвестного солдата и Постом № 1. Вначале мы выделим ключевые понятия и попробуем выбрать из них те, которые наилучшим образом подходят для анализа нашего объекта, а затем рассмотрим архитектурный ансамбль в различных контекстах. Первое понятие «*место памяти*» (site of memory, lieu de mémoire) представляет своего рода концептуальную рамку, выдвинутую до проведения исследования. Второе понятие «*публичное место*» (public site) было подсказано нашим эмпирическим материалом. Оба этих термина пересекаются в некоторой точке — в слове «*место*», которое, по мнению Алейды Ассман, «в отличие от пространства связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями, которые отчасти проецируются на него посредством памятников» (Ассман, 2014, с. 48).

Понятие «место памяти» введено Пьером Нора в 80-х годах XX в. Оно обозначает место, где «память кристаллизуется и находит свое убежище» (Нора, 1999, с. 17). Оно представляет собой «концентрацию» культурного наследия и национальной памяти,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как социальное пространство конфликтов и солидарности». Грант НШ-2753.2014.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации.

* Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник ИС РАН, преподаватель факультета социологии ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com.

** Полухина Елизавета, кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ и факультета социологии ГАУГН. epolukhina@hse.ru.

локализованных в физическом пространстве. «Места памяти» возникают тогда, когда «живая память» и непосредственный опыт участников события трансформируется в культурную память, которая предполагает «заповедь помнить об этом событии» (Асман, 2014, с. 48).

«Публичное место», иногда оно называется «*публичным пространством*» (public place, public space), представляет собой место, доступное для различных социальных групп. Существует распространенная точка зрения, что физическая и социальная динамика публичных мест играет ключевую роль в формировании городских сообществ, публик и публичной культуры, поскольку городские улицы, парки, площади и другие общественно-разделяемые места становятся символами коллективного существования (Амин, 2008). Согласно идеям Юргена Хабермаса, публичность является своеобразным регулятивным механизмом, позволяющим понять смыслы социальных действий и отчасти закреплять их в качестве институциональной нормы (Хабермас, 2011). При этом зачастую «публичное место» становится и «местом общественного потребления», хотя не все исследователи соглашались с этой точкой зрения.

В статье мы ставим перед собой следующие вопросы. В какой степени Вечный огонь и Могила Неизвестного солдата являются «местом памяти» и «публичным местом»? Являются ли они ими вообще? Какое место Вечный огонь и Могила Неизвестного солдата занимают в публичном пространстве и пространстве памяти горожан?

Сбор первичных данных осуществлялся около Вечного огня в Александровском саду с ноября 2013 по апрель 2014 г. Он включал такие методы, как уличное интервью (проведено более 25 интервью с посетителями мемориала) и наблюдение (8 сеансов)². Для наблюдения выбирались разнообразные контексты (праздники/будни/выходные дни; утро/полдень/вечер; солнечная/дождливая/морозная погода). После каждого наблюдения исследователи заносили результаты в протокол по принципу насыщенного фокусированного описания, где также регистрировались дата и время наблюдения. Помимо сбора полевой информации 7 марта 2014 г. была проведена фокус-группа со студентами четвертого курса факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук. Темой обсуждения стал мемориальный ансамбль Вечный огонь. Статья также содержит анализ вторичных материалов: данных опроса Фонда «Общественное Мнение», материалов прессы, интернет-источников — блогов, официальных сайтов государственных учреждений, новостных служб и др. Анализ собранных материалов проводился по методу Обоснованной Теории (GT). Были использованы два уровня кодирования данных — открытое и осевое.

Вечный огонь как элемент национальной символики

Вечный огонь — *это публично-приватное пространство*: с одной стороны, человек совершает ритуал возложения цветов как глубоко личный, иногда связанный с трагичным опытом и в тоже время — с социальным смыслом, отсылающим к памяти о войне. С другой стороны, Вечный огонь помещен в публичное пространство, и в этом контексте ритуал становится своеобразным представлением — перформансом. Согласно Джеффри Александеру, «перформанс представляет собой контингентное действие, совершаемое перед аудиторией» (Интервью с профессором..., 2011, с. 13), так, перформативное действие характеризуются инсценированием и исполнением ролей перед публикой.

Значимость Вечного огня возрастает в дни государственных праздников и памятных дат. Так, по данным ФОМ на 8 мая 2013 г., 9 мая — является значимым праздником для

² В статье используются материалы включенного наблюдения и интервью, проведенных авторами статьи, а также студентами 2-го курса факультета государственного управления Российского государственного гуманитарного университета в рамках курса Ваньке А. В. по общей социологии осенью 2013 г. В сборе эмпирических данных принимали участие Шабалина Дарья, Колочкова Валерия, Баранов Леонид.

95% россиян, а 85% его отмечают. Большая часть (34%) предпочитает отмечать праздник активно — посредством участия в публичных коллективных действиях — походы на митинги/демонстрации/парады/салюты. 14% опрошенных предпочитают индивидуализированные действия — возложение цветов к Вечному огню, поздравления ветеранов. 14% предпочитают отмечать праздник в домашнем кругу (например, устраивать застолье). 13% проводят время в кругу семьи. А для 11% россиян — это просто выходной, на протяжении которого они отдыхают и гуляют (Массовый опрос..., 2013).

Во время проведения фокус-группы была реализована проективная методика — составление коллажа, — которая позволяет изучать образ и смысловое значение феноменов и явлений. В ходе обсуждения студентам было предложено сделать картину: коллаж из рисунков/вырезок, взятых из журналов. Тема создаваемого изображения была обозначена как «Вечный огонь». В результате было получено изображение, близкое к образу Великой Отечественной войны (далее ВОВ). Основные символы представлены тремя смысловыми значениями: во-первых, символы ВОВ и войны в целом (кровь, красные звезды, оружие, фашистский крест, подавленный сапогом с советской звездой, даты 1941–1945, тюльпаны); во-вторых, национальные символы, как российские (флаг России, медведь, карта страны, памятник Минину и Пожарскому на фоне Собора Василия Блаженного, олицетворяющие народное единение), так и советские (например, серп и молот); в третьих, «общественные», социальные образы: опустевшая после войны деревня, жены, встречающие военных, семья, росток, пробивающийся сквозь землю ранней весной и воплощающий возрождение. В целом в цветовой гамме коллажа преобладает красный цвет (огонь, кровь, тюльпаны, звезды, флаг). Также на картине присутствуют черный и серый цвета. В результате изображение напоминает черно-белое фото. Это позволяет, с одной стороны, сделать акцент на «красном», с другой стороны, создает ощущение изображения из прошлого, архивного материала и, соответственно, апеллирует к проблематике памяти. Текстовый ряд изображения достаточно эмоционален. Он включает в себя как маскулинный военно-победный дискурс: «победа», «сила»,

Рис. 1. Коллаж студентов четвертого курса факультета социологии ГАУГН, тема «Мемориальный ансамбль Вечный огонь»³.

³ Фокус-группа проведена 7 марта 2013 г., модератор — Анастасия Дукар-Кораль.

«удар», «не на словах, а на деле», «заслон», «мужество», так и социально значимые ценности, связанные с вечной памятью, идеей продолжения жизни и рода — «не забуду самое важное», «жизнь». Рассмотрим реплики студентов, поясняющие коллаж: *«Ну, вот это символ победы, значит, что Россия сплотилась». «То, что Россия раздавила фашизм. А это дети как самое важное». «А это запустение в деревне после войны». «Смесь символики советской и символики российской. Да и вера православная!» «Это означает победа над фашизмом, над нацизмом».*

В этих высказываниях образ Вечного огня воплощает собой «народное единение» на разных уровнях: светском и религиозном, советском и постсоветском, в мирное и военное время. Сегодня ведутся споры по поводу символики данного мемориала. В советской и российской культуре огонь означает «вечную память» и «великую победу». Одновременно с этим, Вечный огонь — национальный символ. В отличие от Олимпийского огня, он представляется как памятная, значимая часть национальной истории и формирования идентичности. Однако иногда озвучиваются и другие точки зрения. Например, по мнению Сергея Чапнина, Вечный огонь символизирует «бесовское» пламя, извергающееся из пасти ада (Корнеев, 2011). В этой связи в публичной сфере возникают предложения его потушить⁴, т.к. он является, по мнению некоторых журналистов и политиков, также символом советской эпохи (Конрадова, 2013).

Вечный огонь в городском пространстве Москвы

В современной Москве достаточно мест, напоминающих о годах ВОВ. Они находятся не только в центральной части города, но и представлены в жилых районах, например, Памятник воинам Московской противовоздушной обороны на Площади Защитников неба в Крылатском, Памятник работникам ВИЛСА, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и около некоторых отраслевых предприятий, например, Памятники погибшим в Великой Отечественной войне на территориях предприятий Западного округа, Памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны работникам фабрики имени Ногина. Зачастую в военных мемориальных ансамблях присутствует особое место — постоянно горящий огонь, символизирующий «вечную» память и славу, к нему, как правило, в дни памятных дат горожане несут цветы и траурные венки. Вместе с тем могила Неизвестного солдата и Вечный огонь в Александровском саду, как и Парк Победы на Поклонной горе, является наиболее важным и значимым мемориальным ансамблем в Москве, посвященном ВОВ (Forest, Johnson, 2002, p. 531).

Как городское «место памяти» мемориальный комплекс Вечный огонь в Александровском саду выполняет определенные функции. Во-первых, мемориал служит «сгустком» истории — местом увековечивания и воспроизводства национальной памяти. Во-вторых, он выступает символом национальной утраты, является местом траура и скорби. Вечный огонь и могилу Неизвестного солдата показывают во время минуты молчания 9 мая по центральному телевидению. В-третьих, он выполняет политическую функцию, например, когда официальные лица государства и иностранные делегации возлагают траурные венки и цветы в памятные даты и в дни официальных визитов. В этом смысле показательно, что данный мемориал находится у Кремлевской стены, в самом центре исторического пространства Москвы. И здесь важно отметить, что могила Неизвестного солдата тематически встраивается в символическое пространство, занимаемое Некрополем у Кремлевской стены и Мавзолеем В. И. Ленина.

Вечный огонь располагается рядом со значимыми городскими местами. Так, например, Александровский сад⁵, основанный в 1812 г., находится в самом центре Москвы. Согласно

⁴ «Владимир Жириновский на днях предложил потушить все Вечные огни. Наталья Конрадова — о том, откуда пришел этот культ и почему ей нравится идея прикрыть газовые горелки». URL: http://bg.ru/society/proverka_na_vechnost-17259/ (дата обращения: 06.04.2014).

⁵ Назван в честь Александра I.

Рис. 2. Расположение Александровского сада, где находится Вечный огонь, обозначено значком лупы⁶.

задумкам архитекторов, его условно можно поделить на зоны: от более публичных/са-
кральных до частных/профанных. Во-первых, это Верхний сад, где находится Вечный
огонь и другие исторические места — обелиск, памятник патриарху Гермогену, во-вторых,
Средний сад с Кутафьей башней и, наконец, Нижний сад, предназначенный для прогулок.
Александровский сад разбит у стен Кремля рядом с Красной площадью. Эти места явля-
ются традиционными для туристических маршрутов и занесены в путеводители. Вблизи
Александровского сада находится крупный торговый центр, «Охотный Ряд», представляю-
щий место для покупок приезжающих туристов и москвичей. Так, на рисунке 3 приведена
интерактивная «народная карта», где, в основном, отмечены наиболее посещаемые тури-
стами места, точки мобильности, например, парковки, станции метро и магазины.

Рис. 3. Территория Александровского сада и близлежащих объектов. Фрагмент карты, созданной пользователями в Интернете⁷.

⁶ Официальный сайт Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/articles/Squares05.shtml> (дата обращения: 07.04.2014).

⁷ Яндекс Карты. URL: <http://maps.yandex.ru/-/CVfkevP0> (дата обращения: 08.04.2014).

Свое последнее посещение Вечного огня в Александровском саду студенты, участники фокус-группы, описывают следующим образом: *«На той неделе мы были на Красной Площади. Ну, мы проходили мимо, но потом да — подходили к нему». «Когда последний раз на елку ходила». «Месяц назад, когда рядом был — подходил смотреть. Там стояли парни в карауле, их фотографировали туристы». «Я домой хожу через него каждый день, ... я часто там бываю».* Данные высказывания показывают, что Вечный огонь — «проходное» место, оно — как правило, часть прогулочного маршрута, но долго около него посетители не задерживаются, за исключением праздничных дней, когда у монумента совершаются перформативные действия.

История возникновения Вечного огня

Впервые Вечный огонь был зажжен в 1920 г. на могиле Неизвестного солдата в Париже. Согласно общепринятым представлениям, в СССР первый Вечный огонь возникает в 1957 г. в центре памятника «Борцам революции» на Марсовом поле в Санкт-Петербурге. Однако в некоторых источниках есть информация о том, что впервые в СССР Вечный огонь появился 9 мая 1957 г. в поселке Первомайский: «... в том же 1957 году, на полгода раньше, чем на Марсовом поле, вечером 9 мая в газовом поселке Первомайском Щекинского района Тульской области на открытии мемориала павшим в боях за освобождение Родины в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. был зажжен *вечный огонь*. De facto он является первым в СССР и первым посвященным памяти именно героев Великой Отечественной войны» (Юдкина, 2013, с. 251). 8 мая 1967 г. Леонид Брежнев зажигает Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены в Москве, приняв факел от военного летчика, героя Советского Союза Алексея Маресьева. Помимо этого, в Москве с 1961 г. горит Вечный огонь на Преображенском кладбище и с 2010 г. — на Поклонной горе: на площадке перед Центральным музеем Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Могила Неизвестно солдата в Москве построена в 1966 г. Она представляет собой мемориал, на котором выбита надпись «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Траурная церемония захоронения останков неизвестного советского солдата у Кремлевской стены описывается следующим образом: «2 декабря 1966 года... останки одного из покоящихся в братской могиле воинов, расположенной на 41-м километре Ленинградского шоссе, поместили в гроб, увитый оранжево-черной лентой. Молодые солдаты, стоявшие в почетном карауле, сменялись каждые два часа весь вечер, всю ночь и утро следующего дня. 3 декабря в 11 часов 45 минут гроб установили на открытую машину, которая двинулась по Ленинградскому шоссе к Москве. На Манежной площади состоялся митинг, и гроб с останками Неизвестного солдата под артиллерийский залп был опущен в могилу» (Могила Неизвестного солдата, 2014). Данное описание позволяет предположить, что рассматриваемый нами архитектурный ансамбль является в том числе и памятным местом (Ассман, 2014, с. 237): несмотря на то, что вблизи мемориала не велось бои, но на его месте осуществлялось захоронение останков неизвестного солдата.

Вместе с тем мемориальный комплекс символизирует память о советских воинах, погибших во время ВОВ, чьи останки не были идентифицированы. Следует сказать, что идея памятника Неизвестному солдату уходит своими корнями в начало XX в. и возникает сразу после Первой мировой войны. Первая такая могила была сконструирована в 1920 г. в Париже, в 1925 г. она возводится в Варшаве.

На данный момент у Вечного огня стоит Пост Почетного караула. По специальному указу президента РФ Бориса Ельцина 12 декабря 1997 г. Пост № 1 был перенесен от Мавзолея В. И. Ленина к могиле Неизвестного солдата (Прогулки по Москве, 2009). По данным агентства «РИА Новости», «... в 2013 году отмечают 20-ти летний юбилей переноса поста № 1 от Мавзолея к Александровскому саду. В Александровском саду часовые появились не сразу, а только четыре года спустя. 9 декабря 1997 года Борис Ельцин

Рис. 4. Фрагменты ролика «Помни о Близких». Москва, Пост № 1, у Мавзолея. «Русский Проект».

подписал указ, а часовые были выставлены 12 декабря — в День Конституции России. «Сменный караул теперь идет не от Спасской, а от Троицкой башни», — рассказал официальный представитель ФСО» (В ФСО считают..., 2013).

Пост № 1, ранее располагавшийся у Мавзолея, эмоционально представлен в «Русском проекте» — серии коротких патриотических телевизионных роликов, которые показывались по центральному телевидению в середине 90-х годов. (Дима, помаши..., 2011)⁸.

Александр Дерябин пишет: «В этом отношении успешной попыткой практически-го конструирования национальной идеи и национальной идентичности следует, на мой взгляд, считать «Русский проект»... — серию роликов ОРТ, выпущенную на первый национальный канал в 1995–1996 гг., еще до известного выступления Президента. Как это часто бывает, артистической форме удалось ухватить и реализовать в культурном продукте те смыслы, которые по кирпичикам до сих пор пытаются собрать в нечто целое политические аналитики» (Дерябин, 1998). Автор высказывания выделяет несколько основных тем проекта: преемственность поколений, «русская душа», «социальная амнезия», битва за «популярную память», миф обновленной России. Публицисты пишут о значимости проекта: «Уже пятнадцать лет прошло, а мы все еще говорим фразами из тех роликов. Мы помним эту серию как что-то глубоко человеческое, доброе и нужное, что вдруг показали нам с экранов телевизора, откуда предыдущие несколько лет мы не видели ничего хорошего. Ролики «Русского проекта» были не просто отличной социальной рекламой, помогающей людям в «лихие 90-е» найти силы для преодоления трудностей, найти себя и свою связь со страной» (Дима, помаши..., 2011). Некоторые усматривают в этом проекте политический подтекст и его связь с президентскими выборами 1996 г. Так, в своих мемуарах Александр Коржаков, возглавлявший службу безопасности Ельцина, пишет: «Никита Михалков изложил мне суть своего замечательного творческого проекта, и я помог ему. Это была одна из сильнейших акций в предвыборной кампании» (Коржаков, 1997, с. 327). Отметим, что пространство Вечного огня способствует формированию национальной идентичности. Однако, «мы» здесь представлено не только как «мы-победители», но и как «мы-помнящие» о цене победы, а также «мы-скорбящие» о павших.

Инфраструктура архитектурного ансамбля и действующие акторы

Вопрос о структурах, которые непосредственно содержат и финансируют мемориальный комплекс, является открытым (Московские и федеральные власти..., 2008). Согласно данным медиа, обслуживание газом возложено на Мосгаз (Вечный огонь...,

⁸ «Дима, помаши маме ручкой». Ролик из серии «Русский проект» (ОРТ, 1995–1996 гг.). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=3zYMJ7Kkx4M#aid=P8-l8MZQc-g> (дата обращения: 07.04.2014). Сюжет: мама (Нина Усатова) приходит на Пост № 1 к своему сыну Диме (Алексей Кравченко), который находится в карауле и не может ей ответить в силу правил. Публика начинает «просить» Диму «помахать маме ручкой». Эпилог ролика «Помни о Близких».

2013). По данным «РИА Новостей», Пост № 1 находится в ведении ФСО (В ФСО считают..., 2013).

Вопрос о курирующем органе сопряжен с конфликтом. В мае 2011 г. в «Новой газете» выходит скандальная статья «Ничего вечного — только бизнес» (Анин, 2011), которая рассказывает о коррупционных схемах вокруг реконструкции мемориала. В СМИ широко освещались темы реставрации и временного перемещения огня из Александровского сада на Поклонную гору. В статье говорится, что на реставрацию был выделен 91 млн рублей, но благодаря участию различных подрядчиков, услуги были оказаны номинально, т. е. фактически Вечный огонь перевезли, а реставрационные работы не выполнили. Статья была распространена по различным интернет-изданиям и получила общественный резонанс.

Тем не менее наши полевые наблюдения, отраженные в дневниковых записях, позволяют сделать вывод о том, что мемориальный комплекс ухожен, постоянно обновляется и находится под охраной: «Пока я наблюдала за посетителями монумента, около самого огня находилась женщина, которая убирала снег на... площадке в пределах железных цепей — в том месте, куда заходить посетителям не разрешается. Ближе к Манежной площади стоял легковой автомобиль. Полицейские сидели в машине и могли наблюдать, что происходит около монумента. Монумент и его посетители были основной целью их наблюдения» (дневник наблюдения, воскресенье, 16.03.2014).

На момент сбора эмпирических материалов осуществлялось переустройство всей территории Александровского сада, что получило отражение в прессе (Реконструкция..., 2013) и в наших полевых заметках: «В Александровском саду идет реконструкция, там, где обычно клумбы, теперь все огорожено, идет небольшой ремонт. По саду движутся толпы людей, редко встречаются люди в форме (полиция, 3 человека), ездят два полицейских автомобиля. ... идет ремонт надписи (установлена палатка, молодые люди шлифуют надпись, расположенную левее самого огня), позади, где сидят люди, все еще продолжается ремонт (люди сверлят что-то на большой ремонтной машине, долбят асфальт)» (дневник наблюдения, пятница, 14.03.2014). Иногда изменения в мемориальном комплексе касаются исторически значимых названий. Так, например, в качестве города-героя на одном из мемориальных тумб был указан Волгоград. И только в сентябре 2004 г. название поменяли на Сталинград (Прогулки по Москве, 2009).

Рис. 5. Работники реставрируют надписи мемориального комплекса. Александровский сад. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

Публика: ритуалы и практики взаимодействия с мемориальным комплексом⁹

Записи наших полевых дневников удачно описывают социальную ткань и разнообразие публики, собирающейся вокруг мемориального пространства: «В какой-то момент у Вечного огня появляется галерея «живых типов», принадлежащих к разным социальным классам, этносам, возрастам... Пара среднего возраста с большими полиэтиленовыми мешками. С первого взгляда есть ощущение, что они вышли из «Охотного Ряда» и, видимо, поэтому у них такие большие сумки... Компании (по внешнему виду их можно определить как представителей кавказских этносов), одетые в темные вещи, делают фотографии, позируют..., что-то громко обсуждают, смеются (рисунок 6). Две молодых жизнерадостных подружки, что-то радостно обсуждают, делают... «селфи», просматривают фото, фотографируют еще несколько раз. Одеты... в деловую одежду... (рисунок 7). Компания европейских туристов... читают надпись у плиты Вечного огня (но так как она только на русском, не могут понять, о чем текст), осматриваются, делают несколько фото и идут дальше (рисунок 8). Солидная пара в возрасте, элегантно одетые, предположительно супруги, медленно прогуливаясь по Александровскому саду, останавливаются у Вечного огня. Обсуждают... одного своего военного приятеля... Трое мужчин среднего возраста, очень крупных, одетых в пуховики, с выбритыми головами. Они напоминают охранников или «сибиряков»: тепло одетых, крупных, мужественных и суровых. Двое молодых людей лет 20-ти, делают попытки знакомиться с девушками» (дневник наблюдения, пятница, 14.03.2014).

Дети занимают особое положение в данном пространстве. К мемориальному комплексу их часто приводят в образовательных целях, либо, оказавшись с ними в этом месте памяти, стараются о нем рассказать: «Помнишь, я тебе говорила, что есть такая легенда о неизвестном солдате...», — говорит мама мальчику» (дневник наблюдения, пятница, 14.03.2014). Согласно информации на сайте правительства Москвы, в 2013 г.

Рис. 6. Пара друзей. Мемориальный комплекс в Александровском саду. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

⁹ Данный раздел статьи написан по материалам, собранным авторами в рамках исследования, осуществленного по гранту NCN 2011/01/D/HS6/01971.

Рис. 7. Две дамы, предположительно ранее посетившие ТК «Охотный Ряд». Мемориальный комплекс в Александровском саду. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

Рис. 8. Иностранцы туристы. Мемориальный комплекс в Александровском саду. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

была проведена Патриотическая молодежная акция «Вахта памяти. Вечный огонь — 2013». Эта акция предполагала торжественное шествие школьников от Болотной площади до Александровского сада (Патриотическая молодежная акция...). Иногда дети нарушают формальные правила нахождения в мемориальном пространстве. Согласно этим правилам, присаживаться и облокачиваться на плиту запрещено. Постовой свистит и показывает детям, что так делать нельзя. Чем громче свистит свисток, тем более выражено нарушение порядка: *«Ребенок случайно кидает бумажки на плиту, солдаты этого*

не видят. Одна из пожилых женщин убирает ее» (дневник наблюдения, понедельник, 24.03.2014).

Наблюдения в хорошую погоду позволили зафиксировать появление в пространстве ансамбля наименее заметных социальных групп: родителей с маленькими детьми в колясках и пенсионеров с домашними животными, например, собаками. Публичность и контроль над соблюдением порядка в этом месте защищает мемориал от осквернения. Важно отметить, что вдоль изучаемого мемориального комплекса патрулирует машина полиции, часть времени она проводит напротив Вечного огня, от чего создается ощущение постоянного полицейского надзора. Случаи осквернения локальных Вечных огней активно обсуждаются в Интернете¹⁰. К ним относится «бытовое» использование огня для тепла, приготовления еды и т. д.

Наиболее типичная социальная практика, применяемая публикой в рассматриваемом нами пространстве — фотографирование: «Фотографии делают все: как молодые, так и люди среднего возраста, молодые люди и девушки. Делают их, в основном, на телефон... «Давай тебя сфотографирую, будешь потом всем показывать», — предлагает мужчина... своей спутнице» (дневник наблюдения, пятница, 14.03.2014). Рисунок 9 показывает, что современная культура потребления, а именно практика фотографирования, которая актуальна для публичных туристических мест, получила распространение и здесь, около мемориального комплекса: «Люди фотографируются на фоне огня в самых неожиданных образах. Одна дама сфотографировалась со своей ручной собачкой, другая изображала, что держит солдата на ладонке...» (дневник наблюдения, понедельник, 24.03.2014).

Репертуар рассказываемых историй вблизи мемориала различен: люди вспоминают о военных событиях и участниках войны, говорят о знакомых и повседневной жизни солдат. У памятника часто обсуждают то, как важен огонь и как его охраняют, рассказывают о попытках осквернения.

Александровский сад насыщен историческими смыслами, возможно, поэтому он воспринимается горожанами как место памяти. Однако большая часть посетителей приходит в это место с другими целями: преимущественно досуговыми. В дни национальных праздников люди предпочитают приходить в городские публичные места, но не всегда точно знают значение праздника и историю места. Так объясняет свое появление у Вечного огня в День народного единства 4 ноября одна из респонденток, согласившаяся ответить на вопросы уличного интервью:

Интервьюер: Почему сегодня Вы пришли к Вечному огню?

Респондент: Решили прогуляться с дочерью, в Александровский сад зайти, показать ей памятник, а все перекрыто.

И.: Как Вы празднуете День народного единства?

Р.: Весело и с песнями!

И.: Что вы знаете об этом празднике?

Р.: Практически ничего не знаю... (ж., 32 года, технолог швейного производства, среднее техническое образование, 4.11.2013).

Согласно данным включенного наблюдения, половина респондентов отказывается отвечать на вопросы интервьюеров. Во многом это объясняется незнанием некоторых исторических фактов и нежеланием признаться в этом незнании интервьюеру: «Далее я получила несколько отказов от интервью. В некоторых случаях в тот момент, когда я начинала спрашивать у взрослых респондентов, что они знают об этом мемориале, они

¹⁰ См. например, тему форума: «Можно ли подогревать пищу над вечным огнём?» Форум ПМР. Электронная версия. URL: <http://forum-pmr.net/showthread.php?t=10494> (дата обращения: 08.04.2014).

Или «Россия греется у вечного огня». Обсуждение на форуме. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427394590/replies.xml?item_no=204093 (дата обращения: 08.04.2014).

Рис. 9. Женщины делают фотографии около мемориального комплекса в Александровском саду, г. Москва. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

отказывались продолжать разговор, просили оставить их в покое. Такая реакция может быть объяснена тем, что взрослые респонденты чувствуют себя неуверенно, когда у них молодой интервьюер спрашивает об истории монумента, которой они не знают. Причина нежелания разговаривать обосновывалась тем, что респонденты хотят отдохнуть, т. к. 16 марта пришлось на выходной день» (дневник наблюдения, воскресенье, 16.03.2014).

Согласно собранным эмпирическим данным, посетители Вечного огня в Александровском саду приходят туда, поскольку это место вписывается в прогулочный маршрут от Александровского сада до Красной площади. Это место является «обязательным» для посещения туристов, которые сначала стремятся увидеть центр города, в котором они оказываются впервые (Бикбов, 2002). При этом Вечный огонь посещают как бы мимоходом. Зачастую около него назначают встречи.

Смена Почетного караула как перформативное действие

Каждые 60 минут, с началом нового часа, около мемориального комплекса происходит смена караула. Многие туристы знают об этом и специально подходят к Вечному огню к установленному времени, берут с собой детей, которые с удовольствием наблюдают за данным перформативным действием: «На этот раз вокруг было очень много людей, в толпе люди... ждали: «скоро будет смена». Свисток свистит очень часто. По обеим сторонам мемориала собралось много людей, которые снимали... на видео, делали фото. После того, как действие закончилось, люди обменивались впечатлениями: «Супер, скажи!?»» (дневник наблюдения, понедельник, 24.03.2014).

Смену караула можно сравнить с уличным представлением, которое собирает людей самых разных социальных классов и возрастов ежечасно, организует и упорядочивает их действия в рамках мемориального комплекса. Это регулярное событие воспринимается посетителями Александровского сада как торжественный момент символического единения. В нашем дневнике наблюдения публичный ритуал смены Почетного караула зафиксирован следующим образом: «Постепенно движения солдат Почетного караула становятся более интенсивными. Молодые люди в темно-синей форме шествуют вдоль

Рис. 10. Публика наблюдает смену караула в Александровском саду. Фото авторов, 24 марта 2014 г.

стены, синхронно... маршируют и пристукивают оружием. Их одежда и оружие выглядят парадно, элегантно, аккуратно. Ружья резные с изящной резьбой из стали... Солдаты отлажено стучат ими, совершают красивые ритмичные развороты. В эти минуты создается ощущение, что ты присутствуешь на каком-то интересном парадном шоу, люди снимают видео, фотографируют» (дневник наблюдения, понедельник, 24.03.2014, 16.30–17.10). Через семь минут смена караула заканчивается, публика расходится. Это приводит к временному опустошению пространства около мемориала: «... люди «рассылаются»... Кто-то, уходя, говорит: «Пошли, холодно»...» (дневник наблюдения, пятница, 14.03.2014).

Исключение из публичного пространства: политический перформанс официальных лиц

В дни национальных праздников памятный мемориал становится закрытым для широкой общественности и на время перестает быть местом публичного пространства. В эти дни его посещают первые лица государства, международные делегации, что широко освещается в СМИ. Согласно включенному наблюдению в праздничные дни, «Вход в Александровский сад к Вечному огню оказался перекрыт в День народного единства, поэтому люди, желающие подойти в этот день к памятнику, огорченно разворачивались и шли назад. Особенно поразила девочка лет 5–6, с гвоздиками в руках, на глазах у которой появились слезы, когда мама, по всей видимости, сказала ей, что ближе подойти не получится» (дневник наблюдения Д. Шабалиной, праздник День народного единства, 04.11.2013).

Зачастую обычные граждане испытывают разочарование, поскольку Вечный огонь как символическое место «народного единства», которым становится мемориальный комплекс преимущественно в дни национальных праздников, закрыто. Неудивительно, что именно в праздники данный архитектурный ансамбль особенно востребован, но он, как правило, «присваивается» официальными лицами и тем самым перестает быть публичным местом памяти:

И.: Почему сегодня Вы сюда пришли?

Р.: Потому что сегодня День народного единства, пришла на Красную площадь и работаю рядом, хотели пройти к Вечному огню, а все перекрыли (ж., 40 лет, старший кассир, бухгалтер, высшее образование, 4.11.2013).

В День защитника Отечества 23 февраля 2014 г. ситуация повторилась: территория вокруг Вечного огня была перекрыта из-за ритуала возложения цветов первыми лицами государства. В пространство Александровского сада можно было попасть только по «приглашениям» и пропускам, что мы зафиксировали в ходе наблюдений: *«Метрополитен у станции Александровский сад, указатель “выход в город”, достаточно длинный тоннель заканчивается людским столпотворением. ... Женщина в военной форме спрашивает: “У вас есть приглашение?” “Неужели, чтобы в сад попасть теперь приглашение нужно?”, — шуточно ей отвечает мужчина средних лет» (дневник наблюдения, праздник День защитника Отечества, 23.02.2014).*

Сюжет исключения Вечного огня из публичного пространства представляется нам важным для дальнейшего исследования смыслов и практик использования данного мемориального комплекса, поскольку, на наш взгляд, подобное переключение режимов — переход из «неофициального» в «официальное», из «общедоступного» в «привилегированное» (например, посещение по приглашениям и пропускам) — позволит рассмотреть различные регистры функционирования данного монумента и проследить оказываемые им эффекты и влияния.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие предварительные выводы. Во-первых, Вечный огонь воспринимается россиянами как символ памяти и значимый элемент национальной идентичности, согласующийся с представлениями: «мы-победители», «мы-помнящие» и «мы-скорбящие». Его роль наиболее актуализируется в дни национальных праздников и памятные даты. Во-вторых, Вечный огонь с Могилей Неизвестного солдата и Почетным караулом в контексте символической географии, будучи расположенным у подножия Кремлевской стены, становится наиболее посещаемым местом, собирающим публику различных социальных классов, возрастов, этносов и национальностей. Благодаря своей локации, включенности в туристические маршруты, близости популярных мест потребления и завораживающей смене Почетного караула это пространство становится местом публичной коммуникации и обмена эмоциями. В-третьих, территориальное расположение Вечного огня оказывается значимым не только для обычных горожан, но и для представителей властных структур, что обуславливается его близостью к Кремлю, а также его символической важностью. Поэтому во время национальных праздников данное место особенно востребовано первыми лицами государства, чьи ритуалы возложения цветов и траурных венков транслируется на всю страну по центральному телевидению. Рядовые граждане вынуждены ожидать завершения официальных мероприятий до тех пор, пока Вечный огонь снова не станет общедоступным.

Мы можем сделать предварительный вывод о том, что мемориальный ансамбль могила Неизвестного солдата и Вечный огонь в Александровском саду является «местом памяти» — пространством скорби и увековечивания утраты, а вместе с тем — символом, транслирующим и воспроизводящим идею «народного единства», возможно, именно поэтому жители Москвы и других городов приходят к нему 4 ноября. Данный символ, занимающий определенное место в городском пространстве, как правило, вблизи центральных площадей, встречается во многих российских городах, а иногда и в поселках (например, п. Первомайский в Тульской области), и, будучи растиражированным, служит основой национального «единения» и «скрепления». В то же время рассмотренный нами мемориал выступает «публичным местом», которое в определенное время доступно обычным посетителям, за исключением тех моментов, когда оно «присваивается»

официальными лицами. Вместе с тем мемориальный комплекс в определенном смысле является и местом публичного и культурного потребления. Он входит в число обязательных объектов для посещения в рамках экскурсионных программ и занесен в путеводители по историческому центру Москвы. Близлежащие точки питания и торговли — многочисленные кафе и торговые центры — делают публичное пространство Александровского сада насыщенным и многолюдным, предоставляя возможность разнообразной публике «потреблять» и «усваивать» историческое наследие центра столицы. Таким образом, мемориальный ансамбль Вечный огонь в Александровском саду, обладая свойствами «места памяти» и «публичного места», может быть назван «публичным местом памяти», которое выполняет разные социально-исторические и культурно-политические функции: во-первых, транслирует патриотические смыслы, поддерживающие национальное единство, во-вторых, воспроизводит военную символику, отсылающую к памяти о войне и победе, и, наконец, предоставляет рекреационные возможности, связанные с проведением досуга и потреблением.

Литература

Анин Р. Ничего святого — только бизнес // Новая газета. 2011. 15 мая. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/5750.html> (дата обращения: 08.04.2014).

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 3–4. С. 145–168.

Вечный огонь в Александровском Саду проверяют каждый месяц // Москва-24. 2013. 30 августа. URL: <http://www.m24.ru/videos/27506?attempt=1> (дата обращения: 08.04.2014).

В ФСО считают оправданным размещение Поста № 1 в Александровском саду // РИА-Новости. 2013. 4 октября. URL: <http://ria.ru/mo/20131004/967792777.html> (дата обращения: 07.04.2014).

Дерябин А. «Русский проект»: конструирование национальной истории и идентичности. Электронная версия, 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/rp.htm> (дата обращения: 07.04.2014).

Дима, помаша рукой маме! «Русскому проекту» телеканала ОПТ исполнилось 15 лет, 11 июля 2011 г. URL: <http://www.adme.ru/kreativnyj-obzor/dima-pomashi-rukoj-mame-24335/> (дата обращения: 07.04.2014).

Интервью с профессором Джеффри Александером // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3. С. 5–19.

Конрадова Н. Проверка на вечность // Большой город. 2013. 26 февраля. URL: http://bg.ru/society/proverka_na_vechnost-17259/ (дата обращения: 06.04.2014).

Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.

Корнеев С. РПЦ: Вечный огонь — бесовский символ // сайт «Коммунисты России». 2011. 19 мая. URL: <http://comstol.info/2011/05/obshhestvo/1368> (дата обращения: 9.04.2014).

Массовый опрос: Память о Великой Отечественной. О военных историях, воспоминаниях, памяти о войне // Сайт ФОМ. Электронная версия, 2013. URL: <http://fom.ru/Proshloe/10913> (дата обращения: 07.04.2014).

Можно ли подогревать пищу над вечным огнём? Форум ПМП. Электронная версия. URL: <http://forum-pmr.net/showthread.php?t=10494> (дата обращения: 08.04.2014).

Московские и федеральные власти не знают, в чьем ведении находится Вечный огонь в Александровском саду, и кто снабжает его газом // Regnum. 2008. 1 августа. URL: <http://www.regnum.ru/news/1035414.html> (дата обращения: 08.04.2014).

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюи-меж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.

Патриотическая молодёжная акция «Вахта памяти. Вечный огонь — 2013» // Сайт Правительства г. Москва. Электронная версия. URL: http://www.mos.ru/about/dosug/event/index.php?item_4=1288 (дата обращения: 08.04.2014).

Прогулки по Москве. Туристический сайт. 2009. 25 августа. URL: <http://moscowwalks.ru/2009/08/25/alexandrovsky-sad-manejnaya-ploshad-detali/> (дата обращения: 07.04.2014).

Реконструкция Александровского сада // Проект РИА Новости в Москве. 2013. 4 января. URL: http://inmsk.ru/centre_multimedia/20130104/356460326.html (дата обращения: 08.04.2014).

Россия греется у вечного огня. Обсуждение на форуме. Электронная версия. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427394590/replies.xml?item_no=204093 (дата обращения: 08.04.2014).

Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных процессов // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь Мир, 2011. С. 15–26.

Юдкина А. «Огонь войны» и «огонь мира»: первые вечные огни в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / под ред. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 249–257.

Amin A. Collective Culture and Urban Public Space // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2008. № 1 (12). P. 5–24.

Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // Annals of the Association of American Geographers. 2002. № 3 (92). P. 524–547.

Памятник без музея, музей без памятника: непростая биография «Рабочего и колхозницы»¹

Анна Стрельникова*

Монумент «Рабочий и колхозница» — важный символ советской эпохи, растиражированный в фильмах и на сувенирах советского времени, «эталон социалистического реализма» и неофициальная эмблема советского государства в период его расцвета. В данной статье автор рассматривает динамику функционирования и восприятия этого памятника за последние десятилетия, анализирует рассогласованность смыслов, генерируемых памятником и находящимся при нем музейно-выставочным центром.

Ключевые слова: городское пространство, коллективная память, памятник, политика памяти

Политика памяти и «биография» памятника

В последние годы в междисциплинарных исследованиях коллективной памяти активно развивается концепция «политики памяти». Под политикой памяти понимается процесс реконструирования исторической памяти в зависимости от текущей социально-политической ситуации, от тех или иных практик и норм, регулирующих коллективную память, от смещения фокуса интерпретации событий: «переупорядочивание или изменение коллективной памяти означает постоянное «изобретение прошлого», которое бы подходило под настоящее» (Репина, 2012, с. 5). В свою очередь, от «поворота» в символической реконструкции может зависеть судьба памятника в разные временные периоды. При этом, по мнению известного историка А. Миллера, «границы базового исторического сюжета могут расширяться и сужаться, его изучение может допускать обнаружение большего или меньшего количества «негатива», а истолкование — большую или меньшую свободу мнений» (Миллер, 2012). По нашему мнению, политика памяти является структурой, вокруг которой формируется восприятие того или иного памятника: это часть его «биографии», в которой отражена взаимосвязь исторического события, посвященного ему скульптурного проекта и его дальнейшего функционирования.

В данной статье на материалах эмпирического исследования мы рассмотрим «биографию» памятника на примере «Рабочего и колхозницы»². Наше исследование опирается на анализ публикационного массива, который формировался по наличию

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как социальное пространство конфликтов и солидарности». Грант НШ-2753.2014.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации.

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. astrelnikova@hse.ru.

² При описании кейса используются материалы, собранные автором в рамках проекта, осуществленного по гранту NCN 2011/01/D/HS6/01971.

ключевых слов «Рабочий и колхозница»: новостные ленты, массовые печатные издания, онлайн-дискуссии (временной интервал — последние 15 лет). Также мы опирались на результаты наблюдений на территории музейно-выставочного центра «Рабочий и колхозница» и на полуформализованные интервью с посетителями музейно-выставочного центра³.

Биография памятника «Рабочий и колхозница» неразрывно связана с социально-историческим контекстом 77-летнего отрезка в жизни нашей страны, пережившей за этот период немало переломных моментов. С момента установки памятник находился на одном и том же месте, но в период 90-х и нулевых был в забвении, находился под риском утраты и в конце концов был реконструирован. В настоящее время памятник является частью музейно-выставочного центра⁴, который и служит пьедесталом для памятника. Памятник расположен в пешей доступности от станции метро «ВДНХ» (около 15 минут пешком) и вблизи от северного входа в ВВЦ. Адрес: проспект Мира 123Б. Габариты постамента — 21х65,5 м. Высота — 34,5 м. Высота скульптуры — 23,5 м. Масса около 80 тонн без постамента, с постаментом — около 185 тонн.

Первый этап биографии «Рабочего и колхозницы»: советская повседневность

История памятника насчитывает уже 77 лет. Памятник был сконструирован для павильона СССР на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. Скульптура представляет собой юношу и девушку на высоком пьедестале, которые уверенно шагают вперед, держат в руках символ Советского Союза (серп и молот) и олицетворяют собой рабочий класс и колхозное крестьянство. Автором монумента является скульптор Вера Мухина, концепция и композиционный замысел принадлежат архитектору Борису Иофану. Изначально предполагалось отправить памятник в утиль сразу после выставки, но конструкция оказалась столь обсуждаемой и заметной, что было принято правительственное решение о ее установке в Москве. После возвращения из Парижа памятник был установлен на подъездной аллее к Главному входу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (июль 1939 г.), но на более низком пьедестале — 10 м (на парижской выставке пьедестал был 34 м). Это было связано с экономическими причинами и, по некоторым предположениям, с временностью данного расположения памятника, т. к. в дальнейшем рассматривался его перенос). Планировку площади и монумента выполнили архитекторы Н. Быкова и И. Таранов.

Начиная с 1939 г. монумент стал одним из символов советского кинематографа — как значимый элемент московского городского пейзажа, и затем — как символ кинокомпании «Мосфильм». Также, начиная с 1938 г., «Рабочий и колхозница» стали изображаться на советских почтовых марках, пластинках и других объектах массовой культуры. Это привело к всеобщей узнаваемости образа рабочего и колхозницы и появлению стойких ассоциаций этого образа с советской повседневностью. В 1960 г. скульптурная группа «Рабочий и Колхозница» стала госохранным объектом культурного наследия (памятником монументального искусства) федерального значения⁵.

³ Всего проведено 10 наблюдений и 13 интервью, объем публикационного массива составил свыше 60 единиц. Автор выражает благодарность за участие в первичном сборе данных магистрантке НИУ ВШЭ Наталье Даниловой, а также студентам РГГУ, в особенности О. Бессмертной, С. Заботиной, О. Мохначевой, Н. Курносовой, П. Кривошеевой, Ю. Королевой.

⁴ В настоящий момент стоимость билетов в музейно-выставочный центр составляет 250 рублей для взрослых, имеются льготы для ветеранов, школьников, инвалидов. Каждое третье воскресенье месяца — вход бесплатный. Режим работы МВЦ «Рабочий и колхозница» с 12.00 до 21.00 (вход на выставки до 20.30), понедельник — выходной. В 2014 г. с середины января по середину марта музейно-выставочный центр был закрыт для посетителей.

⁵ Охранный № 18, Постановление СМ РСФСР N 1327 от 30.08.1960 г.

Второй этап биографии «Рабочего и колхозницы»: забвение, риск утраты, реконструкция

В 1976 г. памятнику потребовалась реконструкция, обсуждалась также возможность его переноса. Но реконструкции помешала смерть архитектора памятника Бориса Иофана. Спустя 11 лет, в 1987 г., был объявлен конкурс на реконструкцию памятника, но политические события отодвинули эту инициативу. Перестройка, а вместе с ней и рост негативных настроений по поводу памятников советского прошлого, не обошли и «Рабочего и колхозницу». Монумент некоторое время воспринимался как одно из олицетворений культа личности, памятник не охранялся, повреждался посторонними надписями. Как отмечает А. Миллер, «в конце 80-х могло возникнуть ощущение, что вся страна решила осудить сталинизм и покаяться» (Миллер, 2012).

Из интервью с одним из специалистов по реконструкции памятника мы узнали, что в 90-е и нулевые памятник был в достаточно заброшенном состоянии, грязном и замусоренном. Только в 2002 г. были начаты реставрационные работы.

Период до реставрационных работ, а также во время них, сопровождался дискуссиями вокруг символики и смысла памятника, наряду с информационными поводами, имеющими скандальный характер. Например, в 1998 г. внимание к монументу «Рабочий и Колхозница» привлекли два происшествия. Первое из них — новость о том, что памятник якобы покупает гражданин США и увозит на побережье (февраль 1998 г.), а второе — облачение «Рабочего и Колхозницы» в форму 560-го размера, выполненную в цветах российского флага (март — апрель 1998 г.). При этом СМИ подробно описывают состояние памятника в негативных тонах: «завелись бомжи», «прогнил каркас», «монумент в плачевном состоянии» и т. д., также упоминаются равнодушие и бездействие властей⁶. Известие о том, что памятник могут увезти за границу, взбудоражило общественность, появились инициативы создания фонда спасения памятника.

В 2002 г. была начата реконструкция скульптурного сооружения, которая длилась почти 7 лет и не обошлась без скандалов и финансовых разногласий. Неоднозначность с бюджетным финансированием и несоблюдение сроков реставрации активно обсуждались в медиа-пространстве в 2003–2010 гг., в том числе на различных форумских площадках сети Интернет. Как правило, подобные обсуждения были связаны с резкой критикой и разоблачениями, причем на этом фоне происходило столкновение ностальгирующих и негативно относящихся к советской эпохе. Кроме того, в течение реставрационного периода активно обсуждался внешний вид и внутреннее наполнение памятника: изменение высоты пьедестала, создание многофункционального комплекса внутри павильона-пьедестала. Так, озвучивались идеи с кинотеатром, ресторанами, конгресс-центром, гостиницей, офисами, огромной многоярусной парковкой и даже драматическим театром: «за все, что будет располагаться под памятником, отвечает инвестор — хозяин многоярусной подземной автостоянки, которая будет «утоплена» под многофункциональным комплексом» («Рабочий и колхозница»). Сложная судьба эталона соцреализма (2007). Также значительное внимание на форумах в этот период уделено слухам по поводу переноса памятника и заморозки реставрации: «Даже не верится, что его установят», «уже давно говорят, что их не выгодно реставрировать и скорее всего так и не установят обратно»⁷. Часть дискуссий посвящалась пересмотру смысла памят-

⁶ См., напр.: Костиков Р. Они уходят // Коммерсант. 1998. 7 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/192043> (дата обращения: 5.11.2014); «Рабочего и колхозницу» американцам не продадут // Независимая газета. 1998. 11 февраля. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=181545> (дата обращения: 5.11.2014); Папилова Ю. «Рабочий и колхозница» пока невыездные // Коммерсант. 1998. 13 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/192428> (дата обращения: 5.11.2014).

⁷ Форум клуба Я.ру. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427387983/replies.xml?item_no=3486 (дата обращения: 5.11.2014).

ника: «эта статуя — символ единения... она воспевала труд, подвиг — вечные ценности, не имеющие отношения к какому бы то ни было политическому строю», «это своего рода символ, и не только Мосфильма, но и ушедшей эпохи... Никуда не денешься от того, что историю переписывают, но то, чем гордились, нельзя же так просто на слом...»⁸.

Таким образом, второй этап биографии «Рабочего и Колхозницы» сопровождают тема ветхого состояния монумента, попытки переосмыслить его ценность и значимость, слухи о продаже скульптуры за рубеж и затем процесс реставрационных работ, которые из-за своей затратности получили неоднозначный общественный резонанс.

Третий этап биографии «Рабочего и колхозницы»: рассогласованность смыслов памятника и музея

В день города Москвы 4 сентября 2010 г. состоялось торжественное открытие монумента после реставрационных работ. В основании скульптуры был создан музей, в нем разместились материалы, посвященные истории создания памятника, макеты экспозиции, фотографии монтажа, награды, полученные в Париже, а также личные вещи Мухиной и архитектора Иофана, которым был спроектирован павильон.

К моменту открытия после реставрационных работ «Рабочий и колхозница» продолжали быть предметом борьбы разных политических сторон. Символическую ленту перед входом в комплекс перерезал мэр Москвы Лужков, который отметил: «Этот монумент, как никакой другой, показатель развития советского государства, показал всему миру, что страна стремится к прогрессу»⁹. Таким образом, руководство города подчеркивало «советскую» символику скульптуры для массового сознания россиян. В то же время один из руководителей реставрационной группы отметил, насколько неоднозначным был политический контекст: «Было очень обидно слышать критику в свой адрес в связи с начавшейся травлей Ю. М. Лужкова. Также на открытие не приехал ни Д. А. Медведев, ни В. В. Путин». Таким образом, опальность уходящего мэра Ю. Лужкова негативно отразилась на реставраторах и на самом памятнике.

Упоминания о «Рабочем и колхознице» с отсылкой к советскому прошлому нередки в современных коммунистических СМИ, памятник в них представляется символом эпохи, вызывающим гордость и олицетворяющим величие СССР. Что касается непополитизированных медиа-ресурсов за 2011–2013 гг., то они сообщают читателю о различных арт-событиях, проходящих в выставочном центре «Рабочий и колхозница». В целом в статьях прослеживается общий позитивный фон, а негативные моменты обсуждений связаны с непрозрачностью финансирования в ходе реставрационных работ. Даже в публикациях последних лет продолжается обсуждение того факта, что «Рабочий и колхозница» является одним из самых дорогостоящих московских памятников за последние 20 лет (Мерцалова, 2013). Также в СМИ последних лет поднимается вопрос о всплеске интереса к советской архитектуре как к наблюдаемому тренду.

Следует отметить, что исходная структура музейных выставок «Рабочего и колхозницы» отличалась от той, которая функционирует на данный момент. После реставрации в течение двух лет (2010–2012 гг.) соблюдался следующий формат. Три верхних этажа занимали сменные экспозиции, в основном посвященные советскому периоду 30-х гг. (развитию техники в 30-е гг. и отражению того времени в работах художников). На первом этаже были размещены небольшие постоянные экспозиции: первая — о становлении сталинского стиля в архитектуре 1930-х гг., и вторая — архивные документы и фотографии, макеты сооружений, живописные работы и скульптура, а также мемориальные

⁸ Форум клуба Я.ру. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427387983/replies.xml?item_no=3486 (дата обращения: 5.11.2014).

⁹ Мэр Москвы открыл музейно-выставочный центр «Рабочий и колхозница» // РИА-новости. URL: <http://ria.ru/moscow/20100904/272249208.html> (дата обращения: 5.11.2014).

вещи, принадлежащие Борису Иофану и Вере Мухиной; демонстрировался фильм о творчестве Веры Мухиной и о подготовке к Всемирной выставке 1937 г.

С января 2013 г. произошло несколько изменений в статусе и функционировании памятника-музея. Музейно-выставочный центр «Рабочий и колхозница» присоединили к музейно-выставочному объединению «Манеж». Как следствие, формат выставочных мероприятий был переориентирован на общегородскую досуговую тематику, исчез официальный сайт «Рабочего и колхозницы», информация об экскурсиях перестала обновляться. В то же время, в противовес отсутствию официального сайта монумента, отметим наличие нескольких неофициальных сайтов, где посетители обмениваются актуальной информацией о посещении музейно-выставочного центра, об основных исторических материалах¹⁰.

После присоединения к «Манежу» историческая экспозиция, посвященная Мухиной и Иофану, была сильно сокращена. Вместо этого в музее стали проводиться выставки для взрослых и детей, которые совершенно не связаны тематически с советским прошлым¹¹ (например, выставка детской школы искусств, выставка фоторабот «Мужские игры» и т. д.). Таким образом, за последний год символическая целостность памятника-музея была нарушена.

Примечательно, что подавляющее большинство отзывов посетителей музея-памятника имеет позитивную окраску. Люди, которые оставляли отзывы, знакомы с историей памятника, считают его олицетворением советской эпохи, напоминанием об СССР, памятником человеческих возможностей. По мнению посетителей музея, киностудия «Мосфильм» сделала его своим символом не случайно, так как «фильмы того времени были посвящены рабочим подвигам и жизни трудовых коллективов», «в советский период не было людей, которые не знали бы о существовании памятника “Рабочий и колхозница”». Таким образом, символика «Рабочего и колхозницы» достаточно глубоко укоренена в сознании россиян и интерпретируется на данный момент положительно.

Проведенные нами интервью¹² говорят о том, что посетителям это место нравится прежде всего как историческая достопримечательность, а не как музей: «Это такая достопримечательность... Причем, когда памятник был на старом постаменте, еще не было никакого музея... А тут вроде памятник отреставрирован... И музей вдруг открыли... А мы с тех пор так и не были...», «Мне все это очень даже импонирует — сохранение истории, какая бы она ни была» (Посетители площади возле «Рабочего и колхозницы», 20–25 лет, март 2014). Таким образом, в условиях, когда жители нашей страны не обладают достаточным объемом непротиворечивой коллективной памяти для формирования национальной идентичности, «Рабочий и колхозница» является одной из точек опоры на мирную, неопасную повседневность прошлого.

Таким образом, текущий репертуар выставок музейно-выставочного центра вступает в противоречие с памятником «Рабочий и колхозница». Экспозиции о советском прошлом в настоящий момент не демонстрируются (2014 г.). Однако сама скульптура «Рабочий и колхозница», по мнению посетителей данного места памяти, по-прежнему

¹⁰ Неофициальный сайт «Рабочего и колхозницы». // URL: <http://вднх-отдых.рф/mvc-rabochij-i-kolhoznicna> (дата обращения: 5.11.2014).

¹¹ Отметим, что в 2012 г., до присоединения к музейно-выставочному объединению «Манеж», все-таки планировалось поддерживать профиль музея в рамках истории СССР. М. Лошак, арт-директор МВО «Столица», в которое на тот момент входил комплекс «Рабочий и колхозница», говорил в интервью: «Из “Рабочего и колхозницы” планируется сделать музей, посвященный истории СССР. Одна из его будущих выставок так и будет называться — “История СССР в коврах”... Откроется зал, где будут демонстрироваться киноленты студии “Мосфильм”» (См.: В «Рабочем и колхознице» будут показывать картины «Мосфильма» // Электронное периодическое издание «МК.ru». URL: <http://www.mk.ru/moscow/news/2012/09/17/749495-v-rabochem-i-kolhoznitse-budut-pokazyivat-kartinyi-mosfilma.html> (дата обращения: 5.11.2014).

¹² Нами проведено 13 интервью с посетителями музейно-выставочного комплекса. Время проведения: март 2014 г.

является ярким символом городского пространства столицы. Посетители активно фотографируются на ее фоне, интересуются композицией «Рабочего и колхозницы», с готовностью рассказывают интервьюерам об истории памятника. Впрочем, примерно с такой же частотой прохожие фотографируются и с расположенной на той же территории малой скульптурной формой «Я люблю Москву».

Заключение

За период существования памятника «Рабочий и колхозница» наблюдались попытки стирания и пересмотра его идеологического содержания. В политике памяти наблюдалось отражение критического восприятия советского периода в истории страны, в результате происходил перенос этого восприятия на памятник. Также волна негативного отношения к памятнику была связана с чрезмерно затратными реставрационными работами. Несмотря на это, «Рабочий и колхозница» по-прежнему является заметным сооружением в городском пространстве столицы и узнаваемым объектом, символически обращенным к позитивной стороне советского прошлого.

В настоящий момент мы наблюдаем противоречие в воспроизводстве памяти о прошлом: один контекст создается через символику «Рабочего и колхозницы», другой — через те материалы, которые предлагает музейный комплекс. В результате посетители в первую очередь рассказывают об истории памятника, но не о его нынешнем использовании в качестве общетематического музея. Объединение музея с более крупной структурой Департамента культуры г. Москвы привело к тому, что в музее стали проводиться разноплановые выставки, никак не связанные с историей самого памятника. В отличие от скульптуры, сам музей стал частью публичного пространства без своего собственного исторического лица: памятник без музея, музей без памятника.

Литература

Кашницкий С. Сталинский ампиризм: юбилей имперского стиля // Аргументы и факты. 2012. 8 августа. URL: <http://www.aif.ru/culture/35113> (дата обращения: 14.11.2014).

Мерцалова А. Цена камня: сколько стоят самые дорогие московские памятники // «Аргументы и факты». 2012. 24 октября. URL: <http://www.aif.ru/realty/city/37278> (дата обращения: 14.11.2014).

Миллер А. О политике памяти // The prime Russian magazine. 2012. 5 января. URL: http://primerussia.ru/article_materials/13 (дата обращения: 14.11.2014).

Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–30.

«Рабочий и колхозница». Сложная судьба эталона соцреализма // РИА-новости. 2007. 11 апреля. URL: <http://ria.ru/spravka/20070411/63472592.html> (дата обращения: 14.11.2014).

Рис. 1. Внешний вид памятника «Рабочий и колхозница» в настоящее время

«Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее¹

Ирина Тартаковская*

Екатерина Тарновская**

В статье анализируется репрезентация истории в Государственном центральном музее современной истории России, рассматривается история музея, коллектив его работников, структура управления и финансирования. Особое внимание сосредоточено на музейной экспозиции, описывается ее визуальная составляющая, также подробно рассмотрен один из отделов музея «Пресня» и конфликт вокруг выставки этого отдела, которая была посвящена годовщине событий 1993 г. На примере этого конфликта описаны основные принципы политики памяти.

Ключевые слова: визуальные репрезентации, музей, политика памяти

Исследования памяти

В качестве теоретической рамки данной работы выбрана концепция «мест памяти» Пьера Нора. Он, как и его предшественник Морис Хальбвакс, противопоставлял память и историческое знание. Память объективируется в жестах, умениях, привычках людей. Но такая «истинная», «непосредственная» память, как именует ее Нора, становится «превращенной», то есть обдуманной, отрефлексированной историей. Трансформированная память (или история, историзированная память) лишена спонтанности и потому нуждается в архивировании, закреплении в объектах. Если память не переживает внутренне, то она сильнее нуждается во внешних точках опоры, благодаря которым и существует (Нора, 1999, с. 28). По мнению исследователя, в современных обществах господствует чувство быстрого исчезновения памяти, отсюда и стремление закрепить прошлое в объектах, и одержимость архивами. «Воспоминание полностью превратилось в свою собственную тщательную реконструкцию... То, что мы называем памятью, — это на самом деле гигантская работа головокружительного упорядочивания материальных следов того, что мы не можем запомнить, и бесконечный список того, что нам, возможно, понадобится вспомнить. «Память бумаги», о которой говорил Лейбниц, стала автономным институтом музеев, библиотек, складов, центров документации, банков данных» (Нора, 1999, с. 28). Музей как место памяти является свидетельством такого

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как социальное пространство конфликтов и солидарности». Грант НШ-2753.2014.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации.

* Тартаковская Ирина, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИС РАН и Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социологии ГАУГН. lucia.richardson@gmail.com.

** Тарновская Екатерина, аспирант ИС РАН, младший научный сотрудник Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социологии ГАУГН. tarkovskaya.k@gmail.com.

«исчезновения» традиционной, непосредственной памяти, а также современного всеобщего стремления сохранить остатки прошлого. Такая гипертрофированная функция памяти и усиление ее институтов связано именно с чувством утраты непосредственной памяти (Нора, 1999, с. 29). Историзированная память для индивидов является внешним принуждением, поскольку она больше не является социальной практикой, каковой была память непосредственная. Отчуждение частной памяти от общей приводит к тому, что помнить становится индивидуальным долгом человека и основой формирования его идентичности.

Пьер Нора является последователем Мориса Хальбвакса, который, наряду с Карлом Мангеймом, был основоположником исследований памяти. Хальбвакс предложил свою типологию памяти: он различал индивидуальную и коллективную память, или, другими словами, автобиографическую и историческую, описывал разные способы их взаимодействия и наложения. Индивидуальная память находится в постоянной эволюции, она открыта амнезии или новым воспоминаниям, постоянно связана с настоящими и проживаемыми событиями. Например, индивидуальная память обращается к чужим воспоминаниям, взаимодействует с ними и превращается в нечто иное. Индивидуальная память может сталкиваться и конфликтовать с коллективной, так как с первой человек знаком изнутри, а со второй — извне. Однако термин «историческая память» как синоним коллективной памяти Хальбвакс сам же сочтет затем неудачным, так как коллективная память по сути противоположна истории.

История по Хальбваксу есть собрание фактов, которые уже не являются памятью живущих людей, но которые были важны в прошлом. События для истории отбираются исходя из принципов, которые, возможно, в свое время не были актуальны для людей, хранивших живую память о них: «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» (Хальбвакс, 2005). То есть потребность в фиксации истории возникает только с уходом в прошлое воспоминаний и людей с этими воспоминаниями. Коллективная память имеет в себе непрерывность, которую поддерживает определенная группа людей, и если коллективная память о событиях исчезает, то это означает, по Хальбваксу, не забывание прошлого, а смену одной группы другой. В истории же происходит поддержание одних и тех же воспоминаний, она располагает себя вне любых социальных групп. Другое отличие коллективной памяти от истории состоит в том, что существует несколько коллективных памятей, в то время как история одна. Единая история подразумевает, разумеется, не единство всех исследовательских подходов, но ту оптику, которую выбирает историк при работе с эмпирическим материалом. Историк стремится быть объективным и не быть на стороне ни одной из анализируемых им групп, в то время как носителями коллективной памяти являются социальные группы, которых всегда множество и которые представляют свои собственные взгляды на события. Собрать единую картину из всего множества коллективных памятей, по Хальбваксу, невозможно, если не выкинуть все содержимое, оставив одну хронологическую рамку. Историю интересуют различия, а память — сходства, которые позволяют выстроить единую картину событий. Коллективная память представляет образ группы изнутри, и потому этот образ должен быть непротиворечивым.

Введенные понятия важны для данного исследования, так как в нем анализируются музеи современной истории, который посвящен историческим событиям недавнего прошлого, т. е. которые являются одновременно и живой непосредственной памятью, и репрезентацией российской истории. Более подробно анализируется выставка о событиях 1993 г., которая наглядно демонстрирует конфликт коллективных памятей разных социальных групп². Говоря о коллективной памяти об этих политических событиях, мы имеем в виду, что ее носители — участники тех событий — живы, и потому эти

² При описании кейса используются материалы, собранные авторами в рамках проекта, осуществленного по гранту NCN 2011/01/D/HS6/01971.

события еще не стали историей в понимании Хальббакса. Однако то, что такая выставка состоялась в музее как месте фиксации истории, одновременно говорит об обратном: о стремлении историков представить некую объективистскую точку зрения и сделать ее историческим фактом.

Структура и история Музея современной истории России

Музей современной истории России находится в центре Москвы, в очень престижном районе, в этом здании с 1831 до 1917 г. располагался Английский клуб. Во внутреннем дворе находится фонд и административные помещения.

У музея есть несколько отделов, которые не имеют самостоятельности и полностью подчиняются центральной администрации, которая заведует финансами, профессиональными кадрами, выставочными планами. Эти отделы становились частью Музея современной истории в разное время и по разным причинам. Некоторые из них были присоединены по административным мотивам, часть из них отвечает общим задачам музея, другая не имеет к нему прямого отношения. Таким образом, совокупность музея и его отделов представляет собой довольно эклектичный объект. Несколько лет назад отделы назывались филиалами и обладали большими возможностями, но после проверки Министерства культуры, которое заподозрило в самостоятельности филиалов угрозу сепаратизма, отношения между центром и остальными отделами изменились в пользу первого.

О некоторой эклектичности музея свидетельствует простой перечень его теперешних отделов, филиалов: Экспозиционно-мемориальный отдел «Пресня» находится в исторически важном месте, в котором происходили крупные события, такие как революция 1905 г., Февральская революция, Великая октябрьская социалистическая революция, исторические события 1991 и 1993 гг. Экспозиционно-мемориальный отдел «Подпольная типография 1905–1906 годов» посвящен истории нераскрытой в царской России нелегальной типографии социал-демократов (большевиков), работавшей во время Первой революции в России. Интерактивная экспозиция на Делегатской «Мой дом — Россия» рассказывает о повседневной жизни людей XX — начала XXI вв. Экспозиционно-мемориальный отдел «Квартира Г. М. Кржижановского», революционного деятеля и ученого, открывает повседневность его жизни. Экспозиционно-выставочный отдел «Музей-галерея Е. Евтушенко» представляет собой галерею, открытую русским поэтом и прозаиком в Переделкино. Мемориал «Катынь» находится под Смоленском на месте трагических событий 1930–1940-х гг., жертвами которых стали граждане СССР и Польши.

Музей современной истории был основан 21 марта 1917 г. как Музей революции. Необходимо отметить, что создание Музея революции пришлось на период между двумя российскими революциями 1917 г. — Февральской и Великой октябрьской социалистической, период деятельности Временного правительства. Основные направления работы музея были связаны с изучением истории российского освободительного движения, начиная с XVII в. и заканчивая современностью. В 1927 г. музейная деятельность была расширена и стала включать историю социалистического строительства. История освободительных движений рассматривалась в советском проекте как основной стержень истории как таковой, поэтому Музей революции одновременно являлся и полноценным музеем новейшей истории, если смотреть на нее через призму коммунистической идеологии.

В 1990-х годах в музее была сформирована основная экспозиция, которая остается и до сих пор. Некоторые материалы, которые были запрещены в советское время, снова были выставлены — в частности, документы и фотографии, относящиеся к деятельности политических партий в предреволюционной России. Кроме того, фонд музея революции был открыт для научной и широкой публики. А в 1998 г. музей был переименован в Государственный центральный музей современной истории России.

Музей современной истории управляется Министерством культуры РФ, точнее Департаментом культурного наследия. Министерство контролирует деятельность музея: утверждает ежегодный план выставок, финансирует его и назначает руководство музея. Идеологическая программа Министерства в настоящее время была охарактеризована одним из его недавних сотрудников следующим образом:

«В Министерстве культуры есть большая установка на народность, на то, что нужно простым людям. При этом запросы простых людей министерство формулирует не снизу, а как бы сверху, исходя из какого-то конструкта простого там русского человека, который существует у чиновников министерства и персонально у министра Мединского» (интервью с бывшим работником отдела «Пресня»).

Экспозиция музея

Современный вид экспозиция музея окончательно приобрела в конце 1990-х годов, после чего был добавлен лишь один зал, посвященный 2000-м годам. Тогда перед коллективом стояла непростая задача: переосмыслить возможности огромной музейной коллекции (около 1 млн 300 тыс. единиц хранения — памятников истории и культуры) в соответствии с новыми политическими реалиями. Созданный в качестве Музея революции, музей изначально призван был иллюстрировать экспонатами историю российского освободительного и революционного движения, которая достаточно быстро превратилась в историю Коммунистической партии России, в том виде, в котором она была канонизирована в советских учебниках. По сути, вся новейшая истории России репрезентировалась как история Коммунистической партии, и партийные съезды служили основными вехами для ее периодизации. Смена политического режима означала для сотрудников музея, как и работников других идеологических институтов, серьезный вызов.

Необходимо при этом отметить, что сам пафос и идеология освободительного движения, представление о революции как источнике прогрессивных изменений не были официально пересмотрены новыми российскими властями. Как сообщила в интервью сотрудница музея, практически сразу после попытки переворота в августе 1991 г. и массовых выступлений против ГКЧП, приведших к смене политического режима, в музей пришли по своей инициативе участники этих выступлений:

«Они притащили нам просто горы материала — листовки, газеты, фотографии... Что там документы — они сломанный троллейбус притащили, который был использован для строительства баррикады! И еще зачем-то пригнали бульдозер, прямо со стройки, тоже как исторический экспонат — пришлось искать начальника стройки, чтобы он забрал его обратно. Мы сразу освободили им пространство, целый зал для этих новых материалов» (интервью с администратором ГЦМСИР).

Таким образом, события начала 1990-х годов изначально осмыслялись их участниками, сторонниками новой политической российской власти, как некий очередной этап российского освободительного движения, новая революция, которая должна была быть увековечена наряду с революциями начала века. Однако отношение к самой коммунистической партии, оказавшейся в оппозиции, но сохранившей значительное политическое влияние в стране, естественно, существенным образом поменялось, история революции и последующего развития страны уже не могла рассказываться с позиций утверждения роли этого единственного актора. Характерно, при этом, что лишь в 1998 г., спустя семь лет после падения советского режима, Музей революции оказался переименован в «Государственный центральный музей современной истории России» — как говорится в уставных документах, «в соответствии со своим фактическим профилем, содержанием экспозиции и сложившимся фондовым собранием». К этому моменту, по свидетельству сотрудников музея, фундаментальное изменение экспозиции было уже в целом завершено. Именно тогда нарратив музейного повествования

отклонился от изначального, который можно было описать с помощью формулы Worthy, United, Numerous, Committed — WUNC, предложенной американским социологом Чарльзом Тилли (Tilly, 2004, p. 54). Тилли занимался изучением общественных движений, определяя их как ряд дискуссионных перформансов, демонстраций и кампаний, с помощью которых люди осуществляют коллективные требования по отношению к другим. Подход Тилли кажется нам продуктивным и по отношению к публичным репрезентациям истории в специально созданных местах памяти, особенно та часть его аргументов, которая относится к манифестациям общественных движений, которые он называет WUNC-демонстрациями: согласованными общественными представлениями важности (worthiness), единства (unity), численности (numbers) и обязательств (commitments) со стороны самих участников и/или тех, кого они представляют.

В результате постсоветских изменений история о героической борьбе русского, а потом советского народа под руководством большевистской, а потом коммунистической партии за светлое будущее была заменена более сложной картиной, предполагающей репрезентацию разных общественных сил и социальных групп, каждая из которых имеет свой голос и «свою правду».

Логика конструирования репрезентации российской истории может быть прослежена в структуре экспозиции, которая в центральном музее занимает 24 зала. Еще один зал посвящен истории здания, где находится музей — старинного особняка, построенного в 1870-е годы, многократного менявшего владельцев, представителей высших кругов русского общества, и в 1830-е годы служившего резиденцией «Аглицкого клуба» — важной арены культурной и светской жизни середины XIX в. Это довольно помпезное здание в самом центре Москвы, выстроенное в стиле позднего русского классицизма, с колоннами, потолочными фресками и панорамными окнами, само по себе придает экспозиции своеобразный смысловой оттенок: с одной стороны, пышность интерьеров подчеркивает величие предлагаемого для обозрения исторического нарратива; с другой стороны, бывший Музей революции, а ныне современной истории, оказывается парадоксально нерушимо связан с традициями имперской аристократии.

Экспозиция открывается вводным залом, который по формату и смысловым акцентам сильно отличается от остальных. Он является как бы визитной карточкой современной российской государственности, и содержит информацию о государственном гербе, флаге, орденах и наградах и других подобных инсигниях. Логическим центром этого зала является монитор, на котором постоянно транслируется одно из программных выступлений президента России В. В. Путина (в ассортименте имеется несколько таких выступлений, транслируемых по очереди); таким образом, российская государственность в высшей степени персонифицирована. Прямо над монитором расположен точно такого же размера алый стяг с символом России — двуглавым орлом. На специальном стенде выставлены подарки из различных регионов России, преимущественно национальных, но представлены не все регионы, и подарки выглядят как набор довольно случайных предметов, скорее, сувениров с обобщенной национальной символикой. Так, например, дар от Татарстана выглядит как маленький медный казан (кастрюля) для плава (обыгрывается созвучие слов Казань, столица Татарстана, и казан как посуда). Подарок от Ханты-Мансийского автономного округа представляет собой оформленный минералами письменный прибор, и т. п. — такого рода подарки обычно дарят на корпоративные праздники. Надо сказать, что эти подарки — одно из немногих напоминаний о том, что Россия, а уж тем более Российская империя и Советский Союз, были многонациональными странами. Истории этносов, кроме русского, явно вытеснены на периферию музейного нарратива, они и являются недопредставленными другими, слегка экзотизированными частностями большого исторического процесса.

Далее начинается собственно экспозиция, описывающая историю России в хронологическом порядке, начиная с середины XIX в. Тематизация этого нарратива выстроена следующим образом:

1. Политическая история России 1856–1880 гг. (имеются в виду реформы и «контр-реформы» второй половины XIX в.).
2. Экономика, социальное развитие и общественно-политическая жизнь России конца XIX — начала XX в.).
3. Русско-японская война 1904–1905 гг.
4. Развитие культуры и науки России во второй половине XIX — начале XX в.
5. Россия в 1905–1916 гг.
6. Революционные события в России в феврале-августе 1917 г.
7. Становление советской государственности. Сентябрь 1917 — март 1918 г.
8. Гражданская война в России 1918–1922 гг.
9. Политика военного коммунизма. РСФСР в 1918–1921 гг.
10. История России в 1920-е годы. Новая экономическая политика (НЭП).
11. История российской эмиграции 1918–1930 годы.
12. Культура СССР 1920-х — начала 1930-х годов.
13. СССР в 1930-е годы.
14. СССР накануне Великой Отечественной войны. Начальный этап войны.
15. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
16. Восстановление экономики и развитие СССР в послевоенный период (1946–1953 гг.)
17. Изменения в партийном и государственном руководстве СССР после смерти И. В. Сталина 1953–1961 гг.
18. Курс Н. С. Хрущева на десталинизацию и реформирование общества (1953–1964 гг.)
19. «Оттепель» в культурной жизни СССР (1953–1964 гг.)
20. Курс на построение развитого социализма и рост кризисных явлений в СССР (1964–1984 гг.)
21. СССР в годы перестройки. Реформаторский курс М. С. Горбачева (1985–1991 гг.)
22. Российская Федерация в период реформ. Избрание президентом России В. В. Путина (1992–2001 гг.)
23. Национальные приоритеты России. XXI в.

Каждая часть этой экспозиции может быть предметом интересного анализа, выходящего, однако, за пределы задач данной статьи. Но стоит обратить внимание на ряд важных смысловых акцентов, относящихся к логике репрезентации в целом. Так, не существует специального отдельного зала, посвященного центральному событию бывшего Музея революции — собственно Великой октябрьской социалистической революции (как называлась большевистская революция в советской традиции), — информация о ней как бы растворена в рассказе об общем ходе революционных событий 1917 г., после чего сразу возникает тема становления советской государственности. Можно сказать, что это событие слегка «вытесняется» на второй план исторического нарратива. Точно так же в экспозиции очень схематично представлена тема политических репрессий: информация о них присутствует в общей репрезентации истории 1930-х годов, но лишь как один из аспектов этого сложного времени, связанного со сталинской модернизацией, на ней не делается смысловой акцент. Практически совсем не упоминается репрессивный аспект коллективизации и создания колхозов: напротив, коллективизация представлена как «социалистическая модернизация деревни, давшей необходимые средства для осуществления индустриализации». Картина жизни новой, колхозной деревни оптимистично иллюстрируется предметами нового крестьянского быта, такими как праздничное платье доярки, рабочая куртка комбайнера и т. п. В то же время в экспозиции представлен особый комплекс экспонатов, посвященных трагедии Русской Православной церкви в 1930-е годы, когда закрытие храмов и аресты священников приобрели массовый характер. Так, в числе представленных экспонатов присутствует церковный колокол, отправленный на переплавку на Челябинский тракторный завод, но чудом сохранившийся.

Таким образом, несмотря на все репрессии, трагедии и «перегибы», о которых более или менее подробно упоминается в музейном нарративе, в целом новейшая история России представлена как успешный проект, ведущий от достижения к достижению, и здесь можно увидеть следы концепции 'WUNC', представленной не в деталях, но в некоей общей рамке политики меморизации. Исключение, однако, составляет период позднесоветской истории (начиная с 1964 г.), где заметный акцент делается на «нарастании кризисных явлений» (достаточно парадоксальным образом, поскольку этот период был самым благополучным в советской истории). Это связано, по всей видимости, с тем, что именно из этих кризисных явлений вытекала необходимость перестройки — периода радикальных реформ, приведших к распаду СССР и образованию собственно российского государства. Этот период рассматривается в логике экспозиции как в целом необходимый и позитивной, в соответствующем зале представлено много фотографий и артефактов, относящихся непосредственно к личности М. С. Горбачева — последнего Генерального секретаря ЦК КПСС и первого (и последнего) президента СССР. В этом же зале отображается деятельность первого президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, которая представлена как логичное продолжение процесса начатых Горбачевым (полезных) реформ. Никакой явной идеологической оценки реформ — ни отчетливо положительной, ни критической — в «перестроечной» части экспозиции не делается, посетителю как бы представляется «многосторонняя политическая реальность», в которой он может ориентироваться сам. Отчасти это вызвано тем, что формирование экспозиции в современном виде в основном произошло в конце 1990-х годов (с тех пор были лишь добавлены два новых зала, посвященных России нулевых годов и самому современному моменту ее существования). Государственная идеология в это время сохраняла еще явную преемственность с 1990-ми годами и не подвергала публичному сомнению связанные с ними ценности и историческую концепцию.

Однако в двух залах, посвященных 90-м годам, критические интонации явно нарастают, причем в более заметной форме, чем в части экспозиции, посвященной 30-м годам: в целой серии витрин экспонируются материалы, посвященные росту цен, созданию коммерческих «пирамид» обманутых впоследствии вкладчиков, вооруженному конфликту в октябре 1993 г. и т. п. В одном из самых ярких отделов зала о 1990-х годах выставлены крупные, ростовые куклы, сатирически изображающие политических деятелей того времени (это персонажи телевизионной программы «Куклы», выходявшей на оппозиционном тогда канале НТВ с января 1993 г.), причем в центре композиции находится кукла президента Ельцина, стоящего у штурвала, в то время как остальные политики, в условной матросской форме, изображают команду некоего «шалюного корабля»: премьер-министр Черномырдин играет на гармошке, лидер оппозиционной партии Явлинский валяется в гамаке и т. п. Учитывая, что куклы выглядят смешными и несимпатичными, «месседж» этой инсталляции предельно ясен — сомнительная команда с непрофессиональным капитаном ведет свой корабль в неопределенном направлении... В то же время в этом зале много уважительного внимания уделяется подготовке и принятию Конституции РФ 1993 г. — «ельцинской» по происхождению, но поныне действующей. Представленная в экспозиции картина проблем и конфликтов логически завершается антитезисом — зал завершается комплексом материалов, посвященных торжественной церемонии инаугурации президента России В. В. Путина, вступившего в должность в 2000 г. Центром этой части экспозиции снова является монитор, демонстрирующий документальный фильм о новом (и поныне действующем) президенте России.

Вообще, по мере продвижения к сегодняшнему дню, снижается количество традиционных артефактов и нарастает присутствие мультимедийных устройств. В хронологически последнем зале можно увидеть лишь несколько фотографий и большое количество мониторов, на которых в режиме слайд-шоу транслируются материалы, посвященные приоритетным направлениям развития России. Этот зал отражает по своему смыслу время правления президента Д. А. Медведева, сформулировавшего стоящие перед страной задачи в виде набора «национальных проектов», на реализацию которых

должны быть направлены усилия государства и всех россиян, — в основном связанных с экономическим и социальным развитием. Таким образом, хронологически музейный нарратив заканчивается примерно лет за пять до сегодняшнего дня.

Идеологическую концепцию, лежащую в основе современной экспозиции, можно с очень большой долей условности назвать либеральной, — при описании некоего исторического периода или события должны звучать разные голоса, должны быть представлены разные точки зрения и политические силы (хотя разброс этих точек зрения, безусловно, тоже имеет свои ограничительные рамки, связанные с существующими идеологическими конвенциями, — в частности, в музее не представлены, например, никакие материалы, связанные с национально-освободительными движениями в истории Российской империи, тем более в советское и постсоветское время). Таким образом, в залах, посвященных октябрьской революции, представлены листовки и агитационные материалы всех участвовавших в событиях политических партий; в залах, посвященных советской эпохе, говорится и об успехах индустриализации, и о политических репрессиях; есть материалы, посвященные диссидентам, антисоветской эмиграции; материалы, свидетельствующие и о застое и об успехах в покорении космоса, и т. п. Тот же принцип относительно выдерживается и в части экспозиции, посвященной событиям 1990-х годов. Как сказал в интервью бывший сотрудник музея:

«Установка, что мы сегодня живем в демократическом обществе, где можно поднимать острые исторические вопросы, — она в виде директив тоже существует. И все эти люди — они на нее тоже реагируют, что мы должны все объективно показывать. Такие ресентименты — они тоже произносятся и в головах людей тоже сидят. Так либеральная идентичность — она в современном государстве российском тоже существует все-таки: это не монархия все-таки, не Советский Союз, это какое-то государство, основанное на либеральной конституции 93-го года, и вот эта составляющая — она также где-то и присутствует в мозгах чиновников» (интервью с бывшим работником отдела «Пресня»).

В своей концепции социальных движений Чарльз Тилли замечал, что любому из них необходимо своего рода позиционирование — *standing claims*, которое отвечает за соотношение, связи или противопоставление по отношению к другим политическим акторам (Tilly, 2004, p. 184). Музей современной истории, однако, в своей экспозиционной политике всячески избегает такого позиционирования, и это связано с до сих пор лежащей в основе его методологии идеей о том, что «должны быть представлены все силы», «должны звучать все голоса». Исключение делается лишь в самых очевидных ситуациях: так, например, в залах, посвященных истории Второй мировой войны, в качестве «других», врагов, с неизбежностью присутствует противоборствующая сторона, т. е. фашистская Германия. Однако несколько скромно размещенных фотографий, на которых вместе фигурируют высшие должностные лица СССР и Третьего рейха, указывают и на некоторые факты сотрудничества с Германией в предвоенные годы. Что же касается собственно военных действий, то в их дисплее даже нет необходимости как-то дополнительно расставлять акценты: в России существует общенациональный консенсус по поводу того, что это была героическая, всенародная война с жестоким врагом, и никакие отступления от этого нарратива практически невозможно себе представить. В экспозиции присутствуют и несколько военных документов с немецкой стороны, в которых говорится об испытываемых немцами трудностях и, фактически — о героизме советских войск. Есть также и стенд, посвященный Второму фронту и участникам антигитлеровской коалиции, но о них упоминается не особенно подробно, что также соответствует традиционной репрезентации Великой Отечественной войны, согласно которой открытие Второго фронта и помощь союзников сыграли позитивную, но непринципиальную роль в достижении победы.

Вообще, в музее относительно мало упоминаний о дипломатической истории и внешнеполитическом контексте, акцент сделан на внутреннюю политику, и в ней есть стремление представить всех основных акторов «объективно» и более или менее равномерно.

Отдел музея «Пресня» и конфликт вокруг выставки, посвященной годовщине событий 1993 г.

С точки зрения конфликтов коллективной памяти в пространстве музея интересно более детально остановиться на анализе одного такого конфликта — это выставка «Три дня в октябре», которая проводилась в октябре 2013 г. в отделе «Пресня» и была посвящена 20-й годовщине событий 1993 г. Вокруг нее разгорелся конфликт, который является знаковым для понимания, с одной стороны, мемориальных процессов, а с другой стороны, соотношения сил внутри Музея современной истории.

Выставка «Три дня в октябре» была инициирована работниками отдела «Пресня» и утверждена в годовом плане выставок администрации музея и Министерством культуры. На эту выставку были приглашены несколько художников для ее оформления, которые сделали работы за счет своих финансовых средств.

Согласно выставочному плану выставка «Три дня в октябре» должна была проводиться в течение двух месяцев, однако в день ее открытия вышел приказ администрации о ее досрочном закрытии через две недели. По убеждению сотрудников отдела «Пресня» и художников, это решение было итогом разногласий с руководством музея, сопровождавших весь период подготовки выставки. Художники написали возмущенное письмо администрации, вопрос о закрытии выставки стал предметом публичной дискуссии в СМИ. В одной из радиопередач состоялось открытое обсуждение вопроса между участниками конфликта — администрацией в лице директора музея и двух кураторов выставки. За все время существования музея это был единственный случай публичного конфликта вокруг него. Согласно аргументации директора музея, выставка была закрыта, потому что понадобились помещения отдела для новой выставки детских работ. Кураторы возражали: хронометраж выставки в начале года был утвержден самим руководством музея. В результате этого конфликта директор отдела «Пресня» и один научный сотрудник вынуждены были написать заявления об увольнении по собственному желанию.

«Дело в том, что процесс подготовки к выставке был достаточно конфликтный. Директор филиала «Пресня» написал заявление об уходе по собственному желанию, потому что он больше не мог работать в этом коллективе, он не чувствовал внутренних сил постоянно что-то предлагать, выдвигать инициативы, которые наталкиваются на такое открытое, плохо скрываемое противодействие» (из интервью с бывшим сотрудником отдела «Пресня»).

Необходимо отметить, что Музей современной истории рассказывает о событиях 1990-х годов и конкретно о 1993 году как в основной своей экспозиции, так и в отделе «Пресня». Как в том, так и в другом случаях преобладает компромиссный подход к репрезентации исторических событий, то есть экспозиция основана на принципе «пусть звучат все голоса»: например, там есть государственные документы и листовки восставших, сведения о погибших со стороны парламента и со стороны правительства и т. д. Выставка «Три дня в октябре» нарушала это, условно говоря, объективистское видение тех событий и предлагала свой политический взгляд на него, который оказывался на стороне участников восстания. Таким образом, выставка была воспринята руководством как место популяризации протестных идей, что и вызвало санкции администрации. Поэтому сокращение времени выставки — это политический жест в отношении репрезентации российской истории.

Конфликт вокруг закрытия выставки «Три дня в октябре» продемонстрировал проблемы внутренней политики репрезентаций в музее, а также его отношения к политике меморизации. Во всех интервью с сотрудниками музея информанты подчеркивали, что никакой внешней идеологической цензуры по отношению к деятельности музея в данный момент не существует, и никакого давления на музей не оказывается, но в то же время его сотрудникам свойственно «чувство самоцензуры», которым они руководствуются, формируя как постоянную экспозицию, так и временные выставки.

«В таком отношении сконцентрирована проблема места современных музеев истории и того, могут ли эти музеи стать площадкой для диалога с обществом. Потому что музей, к сожалению, сегодня — и к музею «Пресня» это относится — он не является публичным пространством, он пока не является тем местом, куда приходят люди, потому что там что-то происходит, и где они могут ставить острые вопросы и получать на них ответы. Ответы не от постоянной экспозиции, которая не меняется в течение 10 или 15 лет, которая дает школьный минимум представлений об истории, а вопросы, которые связаны с тем, как мы эти события, события 1993 года — мне кажется, это ключевые события для понимания природы общества, в котором мы живем, это общество, это политический порядок, который рожден был в 93-м году, — где они могут заново эти вопросы ставить. Именно такой попыткой и была эта выставка. И художники, и люди, которые приходили на эту выставку, хотели поговорить об этих событиях» (из интервью с куратором выставки).

Таким образом, исторический музей всячески избегает роли дискуссионной площадки, стремясь быть местом «фиксации памяти», но не ее возможного оспаривания с разных позиций.

Другая выставочная деятельность

Проблему следования поставленным министерством идеологических задач музеем, таким образом, пытается решить не за счет постоянной экспозиции, а за счет временных выставок. Выставочная деятельность в музее проводится очень активно, количество временных экспозиций является важной позицией отчета перед министерством. Так, в 2013 г. сотрудниками музея было организовано 32 выставки на разных площадках. Некоторые из них получали особую поддержку, например, выставка «Преодоление: Русская Церковь и Советская власть», посвященная гонениям на церковь в советские годы; или выставка «Страницы истории Северного Кавказа», которую открывал очень влиятельный российский политик, президент Республики Чечня Рамзан Кадыров; другие носили откровенно развлекательный, коммерческий характер (например, «От какао до шоколада — путь в 4000 лет!»). Однако и временные выставки насыщать экспонатами бывает непросто:

«Вот им поступает, например, какой-то заказ, связанный с историей гонений на православную церковь. В фондах музея об этом ничего нет, да? Проводить серьезную работу, устраивать научные экспедиции, собирать там все эти материалы никто не будет, потому что у них ни денег, ни времени, ни кадров, ни, в общем, мотивации особой. Поэтому что они делают: распечатывают фотки там, например, с повешенными священниками, развешивают, и выставка, в принципе, готова. За счет такого экспресс-подхода им удается проводить по плану большое количество выставок в год. Когда я там работал... у них там двадцать-тридцать выставок в год проходит. Это, конечно, полное безумие, потому что ни одна серьезная историческая выставка, даже если она там небольшого объема — она не может в таком ритме организовываться» (интервью с бывшим работником отдела «Пресня»).

Впрочем, проблема насыщения конъюнктурных выставок материалами стоит не только перед Музеем современной истории. Как рассказала представитель администрации музея, крайне успешная выставка, посвященная 400-летию юбилею дома Романовых, практически не содержала уникальных материалов, все они создавались специально для этой выставки: *«Но аутентичность сейчас никому не нужна...» (зав. лабораторией музея).*

Таким образом, помимо идеологических проблем, перед музеем стоит серьезная проблема конкуренции со стороны других досуговых и культурных учреждений. Среди основных конкурентов в борьбе за посетителей сотрудники музея называли другие музеи, особенно состоящие на балансе правительства Москвы, получающие лучшее

финансирование и имеющие возможность проводить более гибкую политику; архитектурные ансамбли на открытом воздухе, такие как московские и подмосковные усадьбы и парковые комплексы, но в первую очередь — религиозные объекты, такие как исторические монастыри, переданные за последние два десятилетия в управление РПЦ. Посещая такие культурно-религиозные объекты, люди удовлетворяют одновременно досуговые и духовные потребности, и Музей современной истории в этой конкуренции, по признанию его сотрудников, проигрывает.

С целью привлечения аудитории и исполнения своей просветительской деятельности музей на своей площадке также проводит многочисленные культурные мероприятия, такие как концерты и лекции, а также детские праздники, но это не спасает положение.

Аудитория музея

За последние три года среднегодовая посещаемость музея составила около 460 тыс. человек и постоянно понемногу снижается. Пики посещаемости приходятся на «ночь музеев», когда все музеи работают бесплатно, из чего можно сделать вывод, что относительно высокая цена билета является реальным барьером на пути привлечения посетителей.

Значительную их часть составляют экскурсанты из школ и других учебных заведений, а также туристы. В рабочее время количество посетителей единично. Молодежь является наиболее многочисленной, но и наиболее проблемной частью посетителей, по свидетельству сотрудников, проводящих экскурсии:

«Отношение к истории заметно изменилось: история стала сюжетом для анекдотов. Для них [посетителей-школьников. — Авт.] нет никаких закономерностей в истории, а это просто сборник рассказов. История вообще не наука для них» (интервью с сотрудником отдела «Пресня»).

Некоторый социал-демократический акцент, вызванный исторической спецификой музея, иногда вызывает у посетителей желание вступить в дискуссию:

«Вот когда говорят про пятый год, про семнадцатый год, говорят — «жили плохо»... Но ведь не все? Жили плохо, кому положено было жить плохо. Все хотят быть дворянами, королями... (сотрудник ГЦМСИР).

Так новые рыночные ценности входят в конфликт с представленным в музее нарративом, исторически связанным с репрезентацией освободительных движений и борьбой за социальное равенство.

Представляет интерес вопрос о том, насколько Музей современной истории является ареной для публичной коммуникации, т. е. объектом публичной сферы в том смысле, в каком ее понимает Хабермас, — местом публичных дебатов, критической рефлексии (Habermas, 1974, p. 49). На наш взгляд, он выполняет эту функцию лишь неполным, частичным образом.

Как известно, Хабермас выделяет три вида «притязаний на значимость» (validity claims): основанные на фактах (объективные жизненные миры для всех — fact-based); основанные на ценностях (разделенные социальные миры отдельных групп — value-based) и основанные на искренности (личные миры индивидов — sincerity-based) (Habermas, 1992). Все они, в принципе, отражены в разных элементах экспозиции музея. Наиболее очевидны «притязания на значимость», основанные на фактах, — собственно говоря, главная функция музея и состоит в том, чтобы обеспечивать посетителя определенным набором фактов, подтвержденных документально и материально, утверждающих свою достоверность. Безусловно, в экспозиции присутствует и репрезентация определенного набора ценностей: как указывалось выше, политика составления экспозиции на сегодняшний день такова, что в ней получают свой голос и свой дисплей все основные социальные и политические агенты российской современной истории, однако эта полифония, безусловно, ограничена определенными рамками. История России

представлена в ней как сложная, противоречивая, наполненная драматическими коллизиями, но, в принципе, укладывающаяся в рамки нарратива о героическом преодолении трудностей, приводящему к национальному успеху. Поэтому о проблемных сторонах российской истории, как, например, массовых сталинских репрессиях, не умалчивается, но говорится не очень подробно; акцент, скорее, делается на успехах модернизации в это время. Попытка сместить этот акцент на более критический хотя бы в одном из сюжетов, или в отдельной временной выставке приводит к конфликту и, в конечном счете, элиминируется, как это показала история с выставкой, посвященной годовщине событий октября 1993 г. Что касается притязаний, основанных на искренности — *sincerity-based*, — то они находят свое выражение в разного рода личных документах, присутствующих в экспозиции, таких, как, например, письма с фронта, личные фотографии, личные вещи известных людей и т. п.

При этом нельзя сказать, что в музее отражается идентичность какой-то определенной социальной группы или нескольких групп: наоборот, претензия его состоит в том, что в нем отражается коллективная, изменяющаяся, рефлексирющая по поводу себя самой идентичность всей России на протяжении конца XIX — начала XXI в. Тем не менее идеальная коммуникативная ситуация, т. е. диалог между отдельными группами, составляющими эту коллективную идентичность (Habermas, 2006), в музее не присутствует, точнее, он остался в виде окаменевшей проекции, выраженной в конstellации экспонатов. Хотя в музее проводится немало публичных мероприятий, особенно лекций для школьников, все они представляют собой акции «одновекторного просвещения», т. е. музей в лице своих сотрудников выступает в качестве ментора, а не участника диалога. Никаких форм дискуссий — политических или исторических — не проводится ни в самом музее, ни на каких площадках за его пределами, включая и электронные. Единственный случай, когда какое-то событие в музее (выставка, посвященная годовщине событий 1993 г.), привлекло общественное внимание, описан нами выше, но и в этом случае внимание было незначительным, и ситуация была быстро забыта.

Если какие-то дискуссии и противоречия и возникают, они возникают только между сотрудниками музея или кураторами отдельных выставок, и никогда не превращаются в публичный дебат, поскольку все их участники заинтересованы в возможно быстром нахождении консенсуса. Таким образом, можно сказать, что Музей современной истории России, несмотря на притязания на объективность, остается местом застывшей, колонизированной государством в лице агентов культурной политики памяти, принадлежностью «квазипубличной сферы», выведенной из общественного диалога.

Для того чтобы лучше понять специфику политики репрезентации истории в музее, необходимо принять во внимание трансформации современной российской государственной идеологии. Музей подчиняется Департаменту культурного наследия, являющемуся подразделением Министерства культуры Российской Федерации. В деятельности этого министерства произошел заметный поворот, когда в 2012 г. министром культуры был назначен публицист и специалист в области PR Владимир Мединский. Его взгляды на российскую историю были сформулированы в выходящем с 2002 по 2011 г. чetyрехтомнике «Мифы о России», в котором он пытался развенчать негативные стереотипы о России и предлагал новый взгляд на российскую историю. Его подход к репрезентации истории хорошо характеризует следующая цитата: *«Факты сами по себе значат не очень много. Скажу еще грубее: в деле исторической мифологии они вообще ничего не значат. Все начинается не с фактов, а с интерпретаций. Если вы любите свою родину, свой народ, то история, которую вы будете писать, будет всегда позитивна»* (Мединский, 2011, с. 193).

Таким образом, политика Министерства культуры, в принципе, предполагает совершенно определенную позицию по отношению к истории: прежде всего, она должна выполнять патриотически-воспитательную функцию. Согласно новой концепции Основ государственной культурной политики, «целью современного российского государства

и общества является возвращение сильной, единой, независимой во всех отношениях России, приверженной собственной, присущей только ей модели общественного развития». Добиться этого предлагается путем создания особой «системы воспитания и просвещения граждан», в основе которой будут лежать традиционные нравственные ценности, «гражданская ответственность и патриотизм».

Нетрудно заметить, что существующая идеология экспозиции музея в эту концепцию не очень хорошо вписывается. Как сформулировал один из наших информантов, сотрудник музея с большим стажем:

«Мы стараемся двигаться согласно честному историческому — объективистскому подходу... История многомерна, как и любая наука и любое искусство. Нужно читать и слушать все, но думать — самостоятельно. Учиться думать — это самое тяжелое. Одной правды нет. Люди все разные по возрасту, национальности, воспитанию — и у всех свое видение. И важно иметь это видение. Готовой истины — нет, кто прав — никто!» (интервью с работником отдела «Пресня»).

Возникает логичный вопрос, почему экспозиция музея за два года деятельности нового состава Министерства культуры не была пересмотрена в соответствии с новыми идеологическими приоритетами утверждения российской державности и отказа от объективистского подхода? Возможно, ответ заключается в том, что до Музея современной истории России еще «руки не дошли», но более глубокая причина заключается в том, что подобная концепция плохо совместима со спецификой самой музейной коллекции:

«Главная проблема этого музея в том, что он создавался как музей, рассказывающий о революции, и, соответственно, его коллекция — огромная коллекция, та, которая внутри нее вы попадаете, — она производит совершенно огромное впечатление, она создавалась именно как коллекция, рассказывающая о революционном движении. Из нее нельзя сделать музей, рассказывающий, там, об истории монархии, об истории черной сотни, об истории православной церкви, или чего угодно, потому что нельзя выкидывать эту коллекцию и создавать какую-то другую. А как выглядит эта другая коллекция, никто себе не представляет и всерьез этим не занимался. Поэтому можно увидеть, что все попытки выстроить некую новую консервативно-охранительную версию презентации русской истории, они все время упираются в то, что они не наполнены экспонатами, то есть за ними не стоит никакой коллекции» (интервью с бывшим работником отдела «Пресня»).

Выводы

Музей современной истории России как место памяти находится на стыке многих идеологических и культурных процессов. С одной стороны, в острой идеологической борьбе за политику исторической репрезентации, проходящей в современной России, он вынужден занимать позицию Министерства культуры, от которого полностью материально зависит. Конфликт вокруг выставки, посвященной событиям октября 1993 г., показывает, что любое высказывание, выходящее за рамки принятых идеологических норм, в нем, по сути, не может осуществиться. С другой стороны, вся логика современной экспозиции сопротивляется тому, чтобы исторический нарратив был выстроен с державно-консервативных позиций. Существующая концепция музея, по словам одного из сотрудников, «жонглирует как бы одновременно набором достаточно разных исторических идентичностей. Одна примерно такая монархическая, антикоммунистическая, православная, другая сталинистская, имперская, ностальгическая, одновременно какая-то либеральная...» (интервью с бывшим работником отдела «Пресня»). Переделать ее в востребованном на сегодняшний день едином идеологическом ключе достаточно сложно, потому что музейные фонды не создавались под эти государственнические задачи.

Помимо идеологических проблем, перед Музеем современной истории России стоит также непростая задача функционирования в культурном поле, стремительно теряющем просветительский вектор. Требование хотя бы частичной монетаризации деятельности заставляет его конкурировать с другими культурными и досуговыми институтами и практиками, и этот вызов, с одной стороны, приводит к его постепенному техническому переоснащению и модернизации, а с другой — к неизбежному акценту на развлекательность, иногда в ущерб его изначальным задачам сохранения и популяризации исторического знания.

Литература

Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945 гг. М.: ОлмаМедиаГруп, 2011.

Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–25.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedic Article // *New German Critique*. 1974. № 3. P. 49–55.

Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge: Polity Press, 1992.

Habermas J. Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research // *Communication Theory*. 2006. № 16 (4). P. 411–426.

Tilly Ch. *Social Movements, 1768–2004*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.

Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса

Роман Абрамов *

Евгений Терентьев **

Статья посвящена рассмотрению культуры памяти на примере топонимической политики. В первой части дается определение культуры памяти и характеризуется роль топонимики в коммеморации. Далее на примере Санкт-Петербург и Пензы показывается, как работают дискурсивные механизмы коллективной памяти в контексте различных видов топонимической политики. Вводится различие между двумя типами дискурсов: (1) дискурсом о переименовании и (2) дискурсом о возвращении исторических названий. Описываются ключевые особенности каждого из дискурсов, а также типичные способы их репрезентации, представленные в репертуаре участников дискуссий. Приводятся конкретные примеры, демонстрирующие суть предлагаемого различия.

Ключевые слова: культура памяти, топонимические практики, места памяти, критический дискурс-анализ, наследие

Культура памяти и топонимика

Распад СССР поставил на повестку дня вопрос о пересмотре советского наследия в различных сферах общественной жизни и катализировал активность социальных акторов и институций, репрезентирующих широкий спектр установок в отношении советского прошлого. В различных странах бывшего СССР происходят «войны памяти», где идет борьба за репрезентации исторического прошлого и их оценку и формирование новых практик коммеморации, в первую очередь в отношении советского прошлого, которое тем или иным образом приспособляется к целям и нуждам идеологического строительства новых национальных нарративов. Культура памяти¹ в государствах бывшего советского блока нередко работает независимо от профессиональной истории или использует историю лишь как повод для идеологических инвектив. С. Требст выделяет четыре типа культуры памяти, в той или иной степени описывающих способы переработки, освоения и присвоения коммунистического прошлого различными странами Восточной и Центральной Европы (Требст, 2011, с. 143–144). К первому типу относятся страны, считающие коммунистический режим политически, исторически и этнически чуждым их

* Абрамов Роман, кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. socioport@yandex.ru.

** Терентьев Евгений, аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ. terentev.e@gmail.com.

¹ Согласно С. Требсту, «В своих публичных проявлениях, особенно в Восточной Европе, культура памяти и по сей день является, прежде всего, продуктом государственных усилий по внедрению в общественное сознание тех или иных символов». Подробнее об этом см.: Требст С. «Какой такой ковер?». Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 143–144.

«органичной версии» истории. Такими странами являются Эстония, Латвия, Литва, и по этому пути активно движется Украина после революции 2014 г. В странах второго типа, хотя и признается внешний и навязанный характер коммунистического режима, однако идут довольно активные дискуссии о характере советского прошлого в национальном контексте и степени соучастия населения и элит в строительстве режима. В какой-то степени к таким странам относится Польша и Чешская Республика. В третьем типе стран также не отрицается, что коммунизм пришел вместе с танками советских освободителей в конце Второй мировой войны и является чем-то внешним для этих стран, но, одновременно, существует распространенная точка зрения, что социалистический порядок во многом способствовал экономической и социальной модернизации этих государств, а поэтому мемориалы памяти жертв коммунистической диктатуры здесь выглядят скромно. Болгария, Румыния, Сербия относятся к этим группам стран. Наконец, в четвертой группе стран действующая политическая элита не просто вышла из советской номенклатуры, но нередко вполне четко и ясно дает понять, что она ощущает родовую связь с советскими порядками, признавая «ошибки», «перегибы», репрессии, но полагая, что советское прошлое насыщено светлыми тонами возрождения. Россия, Беларусь именно так формируют свою культуру памяти.

Впрочем, официальные практики коммеморации и народной памяти о прошлом не столь однозначны в российском и в белорусском контекстах. В России советский миф неоднороден и включает свои темные и светлые стороны: страшную гражданскую войну, означавшую распад старого многовекового уклада; сталинскую модернизацию, основанную на больших человеческих жертвах; победу в Великой Отечественной войне как безусловный подвиг народа; хрущевскую оттепель с ее странностями, но и огромными достижениями, главным из которых является полет Юрия Гагарина в космос; брежневский застой, где эстетика распада и болота сочетается с вечным покоем и уютом позднесоветского безвременья.

Кроме того, советская коллективная мифология активно конкурирует с мифом о Станом Порядке — великолепном и гармоничном устройстве Российской империи, которое было разрушено внешними врагами и инспирированными ими революционерами. Корни этой культуры памяти можно отыскать в советском кино семидесятых, где белое офицерство с его элегантностью и трагической судьбой изображалось не менее привлекательно, нежели красные командиры. Затем был фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли» (1992 г.), ставший гимном Российской империи, и продукция массовой культуры в виде ретродетективов с их воспеванием удобной жизни периода Александра Третьего и Николая Второго. В канун столетия начала Первой мировой войны развернулась дискуссия о возвращении памяти о героях «забытой войны» в виде памятников, названий улиц и музейных экспозиций. Фактически на государственном уровне полную сложностей, противоречий, умолчаний и трагедий историю России стремятся превратить в непрерывное течение и развитие исторического процесса, сгладить конфликты и нестыковки, примирить тех, кто был по разные стороны прицелов в Гражданскую войну, обвинителей и жертв репрессий. Это всеобщее примирение и попытка выстроить здание национальной истории из неподходящих к другу элементов не только не снимает болевые точки коллективной памяти о прошлом, но превращает любое событие, касающееся коммеморации прошлого, в объект острых дискуссий, обращенных к актуальному политическому моменту.

Топонимика является важным элементом символического и исторического пространства и отражает идеологические аспекты коллективной памяти. Одной из наиболее резонансных тем стало обсуждение советского символического пространства и, в частности, коммеморативных топонимических ландшафтов как важнейших «мест памяти» (Нора, 1999; Йейтс, 1997), вписывающих советский политический дискурс в повседневные практики горожан. В российской истории наименования и переименования всегда рассматривались как выражение политической воли: в имперскую эпоху новым городам присваивались названия, тесно увязанные с именами монархов (Екатеринодар, Екатеринослав,

Петрозаводск и др.), в советскую эпоху политика наименований улиц, городов, географических точек, заводов и фабрик была декларируемой частью монументальной пропаганды, призванной погрузить жителя страны в тотальное пространство советской символики.

За редкими исключениями интерес к теме топонимии в России проявляли топонимисты и этнографы, работы которых касались этимологических и таксономических поисков. При этом за рамками рассмотрения оставались социальный контекст осуществления топонимических практик и их дискурсивное измерение. Попытки социокультурной проблематизации топонимической среды на постсоветском пространстве были произведены в работах В. Паперного (Паперный, 2006), М. Тимофеева (Тимофеев, 2012), А. Дахина (Дахин, 2006), А. Казакевича (Казакевич, 2011), Г. Гила (Gill, 2005), А. Марин (Marin, 2012), однако для этих работ характерен «структуралистский» взгляд на социальные аспекты городской топонимии, который не чувствителен к рассмотрению проблематичности различных моделей не только производства, но и восприятия топонимических ландшафтов.

Вместе с глубокими историческими и политическими переменами в 1990–2010 гг. дискуссии вокруг топонимической политики стали ареной политической и культурной борьбы, восходящей к обсуждению более широкого круга вопросов конструирования новой идентичности, коммеморации и исторической памяти². Особое внимание участники дискуссий уделяли судьбе топонимов, которые были утрачены в советское время, поскольку получили новые имена в советское время, и эти названия рассматривались как насыщенные утратившей силу идеологической символикой. Кроме того, мифология Старого Порядка (эпохи Российской Империи) нередко рассматривалась как необходимое возвращение к «настоящей» отечественной истории, прерванной кровавым «красным проектом». В этой логике возвращение старых названий укладывалось в стремление восстановить связь времен на основе обновленной культуры памяти. Одновременно присвоение новых названий улицам, площадям и объектам, появившимся в постсоветское время, также становится объектом острых дискуссий: должны ли это быть абстрактные названия, не отсылающие к историческому прошлому (так, в новых микрорайонах появляются улицы Радужная, Светлая³ и т. п.), нужно ли в топонимах увековечивать память местных известных людей или нужно обращаться к важным историческим событиям и знаменитостям национального масштаба. В целом культура памяти и топонимика — это неразрывно связанные друг с другом сферы, анализ которых позволяет сделать важные заключения о способах коммеморации и конкурирующих исторических мифологиях в современной России.

Характеристика кейсов и методологии

В рамках данной работы мы предлагаем обратиться к «неопрагматистскому» подходу к анализу топонимических практик, актуализирующему изучение различных моделей критики и обоснования суждений относительно возвращения дореволюционных названий городским территориальным единицам, представленному в репертуаре участников дискуссий. Объектами нашего анализа будут два кейса, отражающие перипетии топонимической политики в контексте культурной памяти. Первый кейс посвящен рассмотрению практики возвращения исторических названий улицам Санкт-Петербурга. Он основан на материале восемнадцати полуструктурированных интервью с экспертами, представителями городских властей и гражданскими активистами, занимающимися

² См., напр.: Рыжков А. 10 мифов о возвращении исторических названий. URL: <http://www.online812.ru/2013/01/25/005/> (дата обращения: 11.11.2014); Пресс-конференция «Возвращение исторических названий: всегда ли совпадает мнение специалистов и горожан?». URL: <http://www.greenlamp.spb.ru/2012/04/10/пресс-конференция-«возвращение-исто/> (дата обращения: 11.11.2014); Кулыбин М. Названия улиц Петербурга: вперед в прошлое. URL: <http://www.bn.ru/articles/2012/01/27/89501.html> (дата обращения: 11.11.2014).

³ Реальные названия улиц в новом районе Пензы, который получил название «Город-Спутник».

топонимическими вопросами в Санкт-Петербурге, которые были проведены в 2011–2014 гг. Второй кейс — это дискуссия, развернувшаяся в местных медиа и блогосфере, относительно вариантов названия нового географического объекта — площади, возникшей в центре Пензы между новыми комплексами филармонии и киноконцертного зала на месте снесенной одноэтажной застройки. В рамках исследования были проанализированы тематические публикации еженедельника «Улица Московская», областной газеты «Пензенская правда», сообщества пензенских блогеров⁴.

Методологическую основу произведенного анализа составила модель критического дискурс-анализа, предложенная австрийским социолингвистом Рут Водак (Водак, 2009; Тичер, Водак и др., 2009). В ее основе лежит выделение трех ключевых уровней анализа: (1) лингвистической реализации; (2) стратегий аргументации; (3) содержания. На первом уровне производится анализ типичных моделей говорения о том или ином предмете, в нашем случае — переименовании советских названий. На втором — анализируются различные способы построения аргументаций, представленные в репертуаре акторов, вовлеченных в рассматриваемые дискуссии. Наконец, на третьем уровне предметом рассмотрения становится тот смысл, который приобретают высказывания акторов в рамках конкретных практик артикуляции.

Санкт-Петербург: между советской историей и имперским прошлым

Санкт-Петербург как территория, географический объект и историческое пространство является сосредоточием нескольких символических кругов дискурса о прошлом, которые выражаются в социокультурных кодах «Имперской столицы», «Петербурга Достоевского», «Северной Пальмиры», «Петербурга Серебряного века», «Колыбели революции», «Блокадного Ленинграда» и т. д. (Волков, 2006). Все это выражалось в культурной памяти и способах работы с семиотикой петербургского пространства: в своем названии город прошел полный круг от Санкт-Петербурга к Петрограду и Ленинграду и затем снова вернулся к Санкт-Петербургу, оставшись, впрочем, в ленинградском областном кольце. Естественно, что городская топонимическая политика не могла остаться в стороне от изменяющихся политических и исторических условий: в 1990-е гг. Санкт-Петербург вместе со своим исходным названием повернулся от статуса центра русской революции к блестящему имперскому прошлому, что отразилось в борьбе за возвращение дореволюционных названий, где столкнулись многочисленные сторонники коммунистической идеи и те, кто считает расставание с советским прошлым необходимым этапом обновления страны. Предметом наиболее ожесточенных дискуссий стали топонимы, которые в Советское время были названы в честь известных революционеров и партийных функционеров.

В качестве примера можно привести несколько цитат из дискуссии о переименовании улицы в честь венгерского революционера Бела Куна, которая вызвала широкий общественный резонанс в Санкт-Петербурге в 2011–2014 гг. Инициатором дискуссии выступил ряд активистов общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград», имеющего монархическую направленность; активисты организовали ряд пикетов под общим лозунгом «Имя палача — с улицы в учебник!». В интервью один из организаторов пикетов обосновал необходимость переименования улицы через обвинение венгерского революционера в том, что он уничтожил «десятки тысяч русских людей»:

«Как мы можем прославлять палача Бела Куна, который... уничтожил, в том числе и лично, десятки тысяч русских людей» (активист общества «Петроград»).

Инициативу общества поддержал целый ряд организаций монархической и националистической направленности, таких как: общественное движение «Народный собор»,

⁴ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/> (дата обращения: 12.11.2014).

Петербургский монархический центр и Русское имперское движение. Ядро их аргументаций также составили обвинения Бела Куна в преступлениях, совершенных «против русского народа в Крыму». Основными противниками инициативы о переименовании выступили представители организаций левой политической ориентации, которые предложили альтернативную репутационную политику в отношении Бела Куна, основанную на признании его заслуг перед революцией.

На уровне лингвистической реализации характерной чертой этого дискурса является использование лингвистических конструкций с устойчивыми коннотациями и/или имеющими яркую эмоциональную окраску. В некоторых случаях используется обценная лексика. Возвращаясь к рассмотрению дискуссии о переименовании улицы Бела Куна в Санкт-Петербурге, можно перечислить ряд характеристик венгерского революционера, которые были активно представлены в публичном пространстве. Так, сторонники переименования говорили о Куне, как «душегубе», «антихристе», «кровавом палаче», «террористе» и т. д. Противники же, напротив, использовали конструкции с положительными коннотациями, такие как «герой» и «титан».

На уровне стратегий аргументации дискурс о переименовании характеризуется использованием различных способов обоснования репутационных политик. Так, сторонники переименования часто обращаются к легитимации оценок деятельности тех или иных исторических фигур через отсылку к нормам законодательства, в соответствии с которыми эта деятельность должна квалифицироваться как преступная. Ярким примером такой стратегии является следующая цитата из интервью с активистом фонда «Возвращение» — общественно-политической организации, занимающейся возвращением памятников, утраченных в советское время:

«По ряду людей уже дана юридическая оценка. Просто она дана не поименно, она дана в виде квалификации действий этих людей. Привожу примеры: закон 91-го года о жертвах политических репрессий. Обязательно прочтите преамбулу к этому закону. Суть этой преамбулы, что все, что связано с политическими репрессиями — это плохо. Что нужно устранять любые последствия политических репрессий, насколько это возможно. Одно из этих последствий — это прославление тех, кто эти репрессии организовывал» (активист фонда «Возвращение»).

В противовес этому сторонники сохранения советских названий указывают на невозможность использования этих норм применительно к большинству деятелей советской эпохи. Так, тот же Бела Кун «выводится из-под ответственности» через указание на факт того, что его деятельность осуществлялась во времена гражданской войны, когда жестокость являлась нормой, и судить его по законам мирного времени является неправомерным.

Резюмируя, можно констатировать, что дискурс о переименовании является ареной политической борьбы, которая происходит в форме конкуренции за навязывание различных исторических и репутационных политик. Участники дискуссий, представляющие различные части политического спектра, в рамках обсуждений пытаются легитимировать и генерализировать собственную перспективу, используя свое институциональное положение и нарративные способности.

Принципом эквиваленции дискурса о возвращении исторических названий является такой способ рассмотрения топонимов, когда они принимают значение историко-культурных памятников, и обсуждение их коммеморативных составляющих остается за границами дискуссии. Для двух дискурсов характерны различные способы концептуализации топонимов: если дискурс о переименовании ориентирован на понимание названий как инструмента пропаганды, то дискурс о возвращении исторических названий рассматривает топонимы как элементы городского наследия. Смысл этого различия отчетливо демонстрирует следующая цитата из интервью с одним из членов Санкт-Петербургской межведомственной комиссии по наименованиям (Топонимической комиссии):

«Вопросы топонимики суть вопросы культуры, а не политики. К сожалению, весь XX век нас приучали к обратному, а краткий момент истины — возвращение названий

1944 года — не укладывается в сложившийся стереотип «топонимика служанка политики», а поэтому игнорируется» (член Санкт-Петербургской Топонимической комиссии).

В отличие от дискурса о переименовании, основными участниками обсуждений в рамках этого дискурса становятся не политические, а градозащитные организации, которые указывают на особую функцию топонимии в общей структуре городской среды.

В рамках этого дискурса конструируется различие между двумя типами вопросов о переименовании: первый — это вопросы о возвращении исторических названий, второй — собственно вопросы о переименовании. Это различие проявляется как на уровне лингвистической реализации, так и на уровне содержания. Использование самой конструкции «возвращение исторических названий», во-первых, позволяет маркировать некоторые переименования как легитимные (возвращение исторических названий), а другие — как нелегитимные (переименование). Во-вторых, позволяет уйти от политической риторики в сторону обсуждения историко-культурной значимости названий, которая воспринимается как «свободная от оценок». Суть этого различия наглядно демонстрирует представленная ниже цитата с одним из информантов:

«Переименование и возвращение — это не синонимы. Когда мы говорим о возвращении, мы говорим об исправлении ошибки, связанной с неправильным переименованием. Возвращение — это антипереименование, контрпереименование. Это борьба с переименованиями» (активист фонда «Возвращение»).

Как и дискурс о переименовании, этот дискурс становится ареной борьбы между акторами, репрезентирующими различные установки в отношении вопросов возвращения дореволюционных названий. Однако, в отличие от дискурса о переименовании, камнем преткновения в данном случае становятся не исторические и репутационные политики, а политики определения исторической ценности названий, которые, в конечном счете, отсылают к различным политикам историко-культурного наследия. Само понятие «наследия», наряду с «исторической ценностью», является одной из ключевых точек этого дискурса.

Два полюса, фиксирующие границы вариативности политик историко-культурного наследия, соотносятся с двумя крайними моделями определения исторической ценности. В соответствии с первой наиболее ценными признаются все первоначальные названия, в соответствии со второй — все названия, существующие на сегодняшний момент. В основе первой модели лежит так называемый принцип «авторских прав», в основе второй — релятивизация любых оценок через постулирование историчности всех названий. Стоит отметить, что обе эти модели являются непопулярными и редко встречаются в публичном пространстве. Однако широкое распространение имеет другая, в значительной степени радикальная политика, в соответствии с которой всем топонимам, которые были переименованы в советское время, должны быть возвращены названия, существовавшие на момент революции. Здесь важно сделать отступление и пояснить, что такая политика не равносильна политике возвращения всех первоначальных названий, так как к 1917 г. многие объекты переименованы, и неоднократно. Особенности выбора даты в большинстве случаев обосновывают тем, что в 1917 г. была нарушена преемственность и органичность развития топонимической среды, которая должна быть восстановлена за счет возвращения названий. По сути, этот аргумент укладывается в теорию «цивилизационного разрыва». Акт возвращения исторического названия рассматривается и как уход от идеологической модели использования топонимии, и как символ преодоления этого исторического разрыва:

«Должны быть возвращены все абсолютно без исключения исторические названия по состоянию на 1917 год... Потому что именно в этом году сломалась преемственность развития городской топонимики. Начали насаждаться новые, совершенно противоречащие нормам русского языка стандарты... Кроме того, началась жесткая идеологизация» (активист градозащитной организации «Группа ЭРА»).

Такая политика часто обвиняется в предвзятости и радикализме и маргинализируется в рамках дискурса о возвращении исторических названий. Так, некоторые активисты указывают на то, что в качестве генерализирующего принципа определения

исторической ценности должен лежать принцип уникальности, подразумевающий индивидуальный подход к анализу каждого отдельного случая, а не «слепой» подход, основанный на возвращении всех названий на определенную дату.

«Слепое следование тому, что надо переименовать все по состоянию на 1917 год — на мой взгляд, неправильно. Вот мы сейчас сидим на Суворовском проспекте. Это название появилось только в 1900 году. До этого это была Слоновая улица. Потому что был некогда зверинец в районе гостиницы «Октябрьская», который назывался «Слоновник». Почему бы это название не вернуть? Оно, действительно, уникальное» (активист движения «Живой город»).

В рамках подобного «гибкого» подхода к определению исторической ценности также встречаются различные, и часто противоположные позиции. В качестве примера можно привести несколько мнений относительно определения историчности названия Рождественских улиц, которые в советское время были переименованы в Советские. Так, одним из важных аргументов сторонников возвращения названий является указание на то, что это название позволяет сохранить память об утерянном в советское время памятнике архитектуре — Рождественском соборе, по которому были даны названия улиц.

«Рождественской церкви уже нет, поэтому возвращение названия Рождественским улицам является особенно важным для сохранения памяти о тех исторических объектах, которые были утеряны. Пусть эта память сохранится хотя бы в названиях» (представитель Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры).

Противоположную точку зрения озвучивает другой информант, полагающий, что отсутствие церкви, по имени которой дано название, указывает на нецелесообразность возвращения этого названия:

«Я считаю, что возвращать абсолютно все старые названия нецелесообразно. Особенно в случаях, когда объекты, по которым они были даны, больше не существуют. В частности, я не считаю важным возвращение названий Советским улицам. Рождественской церкви больше нет, да и само название Рождественские какое-то безликое. Огромное количество Рождественских улиц мы можем найти в большинстве городов России» (активист общественного движения «Живой город», Санкт-Петербург).

На уровне лингвистической реализации для этого дискурса, в отличие от дискурса о переименовании, характерно отсутствие оценочных конструкций и создание максимального эффекта объективности тех или иных позиций. На уровне стратегий аргументации эффект объективности достигается за счет всяческого подчеркивания «внеидеологичности» исторических оценок, которое производится за счет конструирования различия между возвращением и переименованием, постулированием историко-культурной, а не политической значимости названий. При этом дискуссионный и противоречивый характер предлагаемых политик определения исторической ценности названий приводит к формированию различных образов или мифов о городе и его историко-культурном наследии. В одном случае выстраивание хронологических границ (Marin, 2012) приводит к (вос)производству мифа о Санкт-Петербурге — имперской столице России, в другом — о городе-герое Ленинграде, колыбели трех революций, в-третьем — о Санкт-Петербурге, окне в Европу и т. д.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить два основанных порядка ведения дискуссий о возвращении дореволюционных названий, для обозначения которых мы используем понятия: (1) дискурса о переименовании и (2) дискурса о возвращении исторических названий. Понятие «дискурс» в данном случае используется не как синоним конкретной практики артикуляции, репрезентирующий определенный способ говорения о топонимических вопросах, а как пространство для критики и обоснования суждений по топонимическим вопросам. Здесь мы отсылаем к концепции «градов» французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено (Болтански, Тевено, 2013), в основе которой лежит такой принцип анализа дискуссий, когда как критика, так и обоснование определенного социального порядка рассматриваются с помощью одних и тех же

инструментов (Болтански, Тевено, 2000). Обобщение различных моделей рассмотрения в один «град», или дискурс, производится через установление определенного принципа эквиваленции между элементами дискурса, являющегося для него конституирующим.

Принципом эквиваленции дискурса о переименовании является такой способ рассмотрения названий, когда в фокус рассмотрения попадают не сами названия, а их коммеморативные составляющие. Соответственно, критика и обоснование суждений в рамках этого дискурса касается оценки этих составляющих и производится в рамках определенных политических ориентаций. Примером артикуляции принципов этого дискурса является такая модель обсуждения вопросов о переименовании, когда производится обвинение людей, в честь которых названы улицы, в недостойности, а в крайних случаях — и преступности. Наибольшее внимание традиционно привлекают улицы, названные в честь вождей (в первую очередь Ленина), а также видных партийных деятелей, таких как Дзержинский, Володарский, Орджоникидзе и др., имена которых в большом количестве представлены в российских городах. Соответственно, топонимы становятся аренами борьбы между акторами, репрезентирующими различные политики памяти в отношении указанных исторических фигур, и их можно рассматривать в качестве «репутационных антрепренеров», деятельность которых направлена на (вос) производство определенных репутационных политик (Fine, 1996).

Пенза: Губернаторская площадь или Площадь Мариенгофа?

Пенза — областной центр на Приволжской возвышенности в Центральной России, не может похвастаться столь же развитой историко-культурной мифологией, как Санкт-Петербург. Между тем город был основан раньше северной столицы — в 1663 г., и в течение XIX в. был губернским дворянским гнездом, а после Второй мировой войны пережил активный период урбанизации и индустриализации. Еще до революции город стал искать свою идентичность и среди прочего обрел ее в мифологии «культурной провинции» — колыбели русской литературы и науки, откуда вышли многие известные и знаменитые литераторы, историки, деятели культуры. Действительно, к Пензе и находящимся под ее юрисдикцией небольшим поселкам и городам в разные годы имели отношение А. Н. Радищев, Д. В. Давыдов, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, В. О. Ключевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Куприн, К. А. Савицкий, И. И. Мозжухин, В. Э. Мейерхольд, А. Б. Мариенгоф, А. В. Лентулов и др. Иными словами, для выстраивания мифологии «культурной провинции» были хорошие исходные условия, которые были активно использованы в послевоенный период при формировании мест памяти в городе и области (дома-музеи, названия улиц, Литературный музей и т. п.) и до сих пор активно используются в контексте развития «бренда» Пензы и области: в последние годы в городе организуются театральные фестивали и кинофестиваль «Мужская роль» им. И. Мозжухина. Дискурс «культурной провинции» активно поддерживается местной интеллигенцией и региональной властью.

Как и любой другой средний российский город с дореволюционным прошлым, Пенза прошла через циклы переименований. Дворянская улица стала Красной, и подобная смена цвета произошла со многими улицами старого города: Поповка обратилась в Боевую, а затем в Ключевского, Троицкая — в Кирова, Никольская — в Маркса и т. д. (Годин, 1983). В 1970–80-х гг. город сильно вырос, и в новых районах появились проспекты Победы, Строителей, а также целый ряд улиц, названных в честь городов — Одесская, Минская, Тернопольская; композиторов — Рахманинова, Бородина, Мусоргского. Период девелоперского бума в Пензе двухтысячны⁵ привел к появлению новых кварталов,

⁵ Анализ последствий девелоперского бума двухтысячных сделан в статье: Абрамов Р. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская. Еженедельная газета. 2014. 11 августа. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225 (дата обращения: 12.11.2014).

которым также нужно было давать названия. Общих принципов топонимической политики не существовало: некоторое внимание уделялось известным землякам, памятным датам, или появлялись нейтральные названия, подобные улицам Лунной или Звездной. Порой появлялись улицы с трудновыговариваемыми названиями, как, например, улица Шестидесятипятилетия Победы.

В 2013 г. Пенза праздновала 350-летний юбилей, к которому были возведены новые объекты социальной и культурной инфраструктуры: главной здесь стала новая большая площадь с Пензенской филармонией и киноконцертным залом «Пенза». Открытие этого комплекса прошло с большой помпой, и было призвано укрепить образ города как важного культурного центра Поволжья. Однако до настоящего времени постоянного названия новой площади, которая символизировала модернизацию городской жизни, не найдено. По поводу названия площади в местных органах власти и медиа развернулась большая дискуссия, которая позволяет обнаружить различные аспекты производства культуры памяти, а также — аргументацию, которая используется при реализации топонимической политики.

Широкая общественная дискуссия о названии новой площади началась в сентябре 2014 г. на круглом столе Пензенской книжной ярмарки по инициативе нового мэра города Юрия Кривога, который связал топонимику с сохранением культурного наследия и солидарностью горожан: *«В городе появился новый объект, а городская топонимика должна решать многие задачи и быть историей, вокруг которой можно объединяться»* (Беляков, 2014).

Другими участниками круглого стола были архитекторы, разрабатывавшие проект площади, и известные российские писатели Захар Прилепин и Леонид Юзефович. Круглому столу предшествовало онлайн-голосование на сайте администрации Пензы с различными вариантами названия площади и обращение Захара Прилепина к главе города с просьбой назвать это городское пространство в честь близкого друга Сергея Есенина, одного из основателей имажинизма и автора романа «Циники» А. Б. Мариенгофа:

«Назвать площадь именем поэта, красавца, остроумного человека, денди и уникального прозаика — это стильно. Площадь Мариенгофа — звучит. Там стихи будут читать. Там будут целоваться влюбленные пары. А на губернаторской площади целоваться не хочется и стихи читать тоже не тянет» (Обращение Захара Прилепина..., 2014).

Среди других вариантов названия, предложенных к голосованию, была Губернаторская площадь, площадь Лидии Руслановой, Площадь Искусств, площадь Владимира Татлина и др. (Ивойлова, 2014). Отстаивая свою точку зрения на название этой площади, Захар Прилепин апеллировал не только к географической связи между биографией Мариенгофа и Пензой, где тот провел свое детство и юность, но обращался к граду вдохновения, в терминологию Л. Болтански и Л. Тевено, поскольку считал важным присвоить имя площади романтическому и стильному персонажу, чья активность вдохновляет на творчество. Свое предложение о данном наименовании новой пензенской площади Захар Прилепин подкрепил тем, что собрал подписи известных российских деятелей искусства и культуры в пользу этого предложения. Собственную заинтересованность писатель объяснил интересом к фигуре А. Б. Мариенгофа и участием в подготовке к изданию собрания сочинений известного имажиниста (Захар Прилепин за широту..., 2014).

Вполне возможно, что если бы не участие Захара Прилепина в истории с названием новой пензенской площади, то сама дискуссия о ее наименовании и соответствующее интернет-голосование не привлекли бы столь пристального внимания региональных СМИ и широкой общественности. Фактически известный российский писатель актуализировал тему топонимической политики в контексте городской культуры памяти и меморации, что нашло отражение в заявлениях местной прессы и пензенской интеллигенции. Анализ этих заявлений показывает, что идея присвоения новой площади имени Мариенгофа не находит сторонников среди пензенцев. Противники такого названия приводят аргументацию различного порядка.

Присутствовавший на сентябрьском круглом столе российский писатель Леонид Юзефович возражает против такого увековечивания имени Мариенгофа, поскольку считает данного литератора не совсем подходящей фигурой для того, чтобы в его честь была названа крупная площадь:

«Но я думаю, что для такой большой площади имя Мариенгофа все-таки не подходит. Все-таки площадей в каждом городе немного. И они носят названия, организующие общественную жизнь. Нельзя общественную жизнь Пензы организовать вокруг Мариенгофа. Но улицы он, конечно же, достоин. Мариенгоф — действительно замечательный писатель, действительно неограниченный» (Леонид Юзефович..., 2014).

Трудно сказать, что имел в виду Леонид Юзефович, но другие участники дискуссии более четко сформулировали свои претензии к Мариенгофу как литератору, чьим именем может быть названа площадь. Например, пензенская журналистка Екатерина Куприянова полагает, что в писательской иерархии Мариенгоф занимает недостаточно высокое место, его произведения слабо известны широкой публике, а поэтому новая крупная площадь в центре города «переоценивает» значение этого автора для культурной истории города. Журналистка сомневается и в личных качествах имажиниста:

«Творчество Анатолия Мариенгофа переоценивать не стоит. При жизни он находился в тени более значимых современников. В настоящее время его творчество представляет интерес в основном для специалистов-литературоведов. Личность его также неоднозначна. В частности, воспоминания Мариенгофа о Есенине некоторые трактуют как желание примазаться к чужой славе. В ряду действительно великих литераторов, связанных с Пензой: Лермонтов, Белинский, Салтыков-Щедрин, Лесков, Куприн и др. — фигура Мариенгофа явно не того масштаба, чтобы давать его имя целой площади» (Куприянова, 2014).

Любопытно, что пензенская журналистка в своих рассуждениях воспроизводит советский литературоведческий дискурс о «классиках» и «писателях второго ряда», считая, что только «великие писатели», вошедшие в классический пантеон, могут рассчитывать на увековечивание своей памяти в виде названия площади в российском областном центре. Тут ее невольно поддерживает и мэтр города Юрий Кривов, полагая, что Мариенгоф — «не герой этого места» (Кривов и БК..., 2014).

Еще более жестко в адрес Мариенгофа, который не достоин быть увековеченным в названии городской площади, высказался пензенский краевед Игорь Шишкин, назвавший наследие имажиниста «посредственным» и слабо востребованным, отреагировав, таким образом, на коллективное обращение, инициированное Захаром Прилепиным:

«Но уж точно не Мариенгоф. И стихи не входят «во все хрестоматии». И «виднейшим драматургом, чьи пьесы шли во многих театрах СССР и идут по сей день» он никогда не считался... И всего две его пьесы, «безусловные шедевры», (это опять цитата!) — «Шут Балакирев» и «Рождение поэта» (о Лермонтове) были признаны посредственными и никогда нигде не шли ни в одном театре страны! А изданы они были всего раз, в 1959 г., малым тиражом» (Шишкин, 2014).

Фактически этот тип аргументации противников присвоения пензенской площади имени Мариенгофа сводится к отсылке к некоему универсальному литературному таблоу о рангах, в котором однажды и навсегда распределены писательские позиции и выстроены иерархии символической власти. В этих иерархиях Мариенгоф занимает отнюдь не генеральскую должность, а поэтому, несмотря на его тесную связь с Пензой, он не может претендовать на то, чтобы в его честь был назван столь большой и важный для города объект — новая центральная площадь. Никто из противников не отрицает необходимости увековечивания имени в городской топонимике, но они полагают, что для литератора столь невысокого ранга вполне сойдет и какая-нибудь небольшая улица на окраине. То есть культура памяти в топонимическом контексте имеет свои материальные и пространственные измерения: важно не только увековечивание чьего-то имени, но не менее важна некая буквальная соразмерность этого объекта (улицы, площади) вкладу личности в отечественную историю, литературу, искусство, науку. Другим

аналитическим заключением является преемственность этой части дискурса противников наименования площади в честь Мариенгофа краеведческим представлением о Пензе как важном провинциальном культурном центре, на карте которого не всякому найдется место, но только авторам «шедевров» и тем, кто включен в «школьные хрестоматии».

Любопытно, что актуализация дискурса топонимической политики среди пензенского экспертного сообщества была подстегнута тем, что пензенской топонимикой занялся чужак, пришлый, маргинал, чья избыточность участия в жизни сообщества, в терминологии Г. Зиммеля (Simmel, 1992; 1989; Баньковская, 2002), провоцируют сообщество на противодействие и отрицание позиции чужака. Во взаимодействии с пензенской интеллигенцией Захар Прилепин нарушил важный принцип чужака — невовлеченность, сохранение дистанции и исполнение типичной роли приезжего интеллектуала, находящегося на перекрестке культур, но не вмешивающегося во внутреннюю жизнь сообщества. Российский писатель перешел эту границу, заявив свои права на культурное пространство Пензы, нарушив, таким образом, молчаливое правило — пришедшая знаменитость может восхищаться или критиковать место обитания сообщества, но не может вмешиваться в его жизнь. Своим заявлением и открытым письмом в поддержку присвоения площади имени Мариенгофа Захар Прилепин не только сломал привычные ритуалы культурного обмена по линии провинция-столица, но и вторгся в поле компетенции локальных интеллектуалов, вольно или невольно обозначив мировоззренческий кризис сообщества, о котором писал А. Шюц: «поэтому чужак — нередко со скорбной пронизательностью — замечает назревание кризиса, способного пошатнуть самые основы «относительно естественного мировоззрения», в то время как все эти симптомы остаются не замеченными для членов мы-группы, полагающихся на незыблемость своего привычного образа жизни» (Шюц, 2004, с. 546–547). Именно поэтому инициатива Прилепина и других подписантов в поддержку увековечивания имени Мариенгофа была встречена критически и с недоверием: авторов инициативы называли «варягами», вспоминали, что кое-кто из них не живет в России, а Прилепина подозревали в саморекламе. Сам Захар Прилепин решил вернуть ситуацию в привычное русло, и в своем выступлении в Пензе сказал, что письмо — это его частная инициатива, в которой нет «административного ресурса» (Захар Прилепин за широту..., 2014). Иначе говоря, сложившийся фрейм взаимодействия столичных чужаков и провинциального культурного сообщества был восстановлен: одни привычно демонстрируют себя, не вмешиваясь в местные дела, а другие привычно рукоплещут или критикуют. Между тем вопрос о том, уместно ли жителю Вологды думать о защите культурного наследия Владивостока или жителю Санкт-Петербурга о наименовании улицы в Пензе, остается открытым...

И если на уровне региональных СМИ и общения местной интеллигенции аргументация против присвоения площади имени Мариенгофа строилась на констатации незначительности вклада имажиниста в российскую культуру, то в блогосфере эту идею критиковали еще более бескомпромиссно. Блогер srrp2010⁶ в самом читаемом пензенском сообществе блогеров penza_ru⁷ дважды инициировал обсуждение возможного присвоения имени Мариенгофа пензенской площади. В конце сентября 2014 г. srrp2010 сделал пост об онлайн-опросе другого блогера⁸ относительно Мариенгофа, названного «малоизвестным персонажем»⁹, — то есть недостойным того, чтобы его именем назвали городскую площадь. Спустя несколько дней srrp2010 снова обратился к теме названия площади и в ироническом ключе предложил назвать её Гюго, в том числе по причине

⁶ «Собрание разностей» — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://srrp2010.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁷ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁸ Single Notas — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://sedov-05.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁹ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/721714.html> (дата обращения: 14.11.2014).

того, что он «нерусский»¹⁰. Нужно сказать, что в ряде негативных комментариев в отношении идеи наименования площади в честь Мариенгофа авторы обращали внимание на «нерусское происхождение» известного имажиниста: «*Нашли единственную нерусскую фамилию из деятелей искусств, какое-то отношение имевших к Пензе и радуются. Вот в чем соль*»¹¹. Таким образом, Мариенгоф оказался неподходящим персонажем для названия городской площади еще и из-за своей этнической принадлежности...

А были ли, кроме Захара Прилепина, сторонники присвоения площади имени Мариенгофа? Анализ доступных источников показал, что единственным представителем пензенской интеллигенции, выступившим в поддержку этой идеи, стал Юрий Рева, который считает, что место Мариенгофа в культурной истории Пензы недооценено, а сам автор романа «Циники» заслуживает достойного увековечивания в городской топонимике:

«В этот период [период жизни в Пензе. — Прим. Авт.] он здесь сформировался как личность, написал и опубликовал свои первые произведения, позднее он напишет «Имажинизм родился в Пензе на Казанской улице»... В своих произведениях Мариенгоф талантливо запечатлел образ Пензы начала XX в. Вы много можете вспомнить изданных миллионными тиражами произведений, где запечатлена Пенза начала XX в.» (Рева, 2014).

Любопытно, что свою аргументацию Ю. Рева строит, обращаясь к локальной идентичности Мариенгофа как земляка, много сделавшего для литературного изображения пензенской жизни. Биографическая связь Мариенгофа с Пензой как бы компенсирует и его недостаточный вес в воображаемой писательской иерархии, и, возможно, оправдывает «нерусскую» фамилию. Автор этой ремарки предлагает завершить круг реципрокного обмена — в ответ на дар Мариенгофа Пензе, от Пензы сделать дар Мариенгофу в виде площади его имени. Так культура памяти невольно превращается в политэкономия памяти, где ведется сложный торг с историческим прошлым, материальным настоящим и политическим актуальным. Акторами здесь становятся не только люди, но и физические пространства, идеологии и символические иерархии. Топонимика же — это инструмент и материал, из которого возводится здание коллективной памяти.

Литература

Абрамов Р. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская. Еженедельная газета. 2014. 11 августа. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225 (дата обращения: 12.11.2014).

Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

Беляков В. В Пензе обсудили варианты названия площади у здания новой филармонии // PRAVDA-NEW.ru. 2014. 27 сентября. URL: <http://www.pravda-news.ru/topic/54498.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии городов. М.: НЛО, 2013.

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.

Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград: Перемена, 1997.

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М.: Эксмо, 2007.

Годин В. С. Улицы Пензы. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1983.

Дахин А. В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. 2006. № 4. С. 164–179.

Захар Прилепин за широту взглядов // Улица Московская. 2014. 4 октября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1396:zaxhar-prilepin-za-shirotu-vzglyadov&Itemid=278 (дата обращения: 13.11.2014).

¹⁰ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/722312.html#comments> (дата обращения: 14.11.2014).

¹¹ Single Notas — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://sedov-05.livejournal.com/2744779.html> (дата обращения: 14.11.2014).

Ивойлова Я. Виторган, Меньшова и Тодоровский — за присвоение имени Мариенгофа площади у ККЗ «Пенза» // PRAVDA-NEW.ru. 2014. 16 сентября. URL: <http://www.pravda-news.ru/topic/54230.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.

Казакевич А. Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 10–16.

Кривов и БК: начало диалога // Улица Московская. 2014. 20 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1368: [krivov-i-bk-nachalo-dialoga&Itemid=231](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1368) (дата обращения: 13.11.2014).

Куприянова Е. Как назвать новую площадь? // Улица Московская. 2014. 20 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1369: [kak-nazvat-novuyu-ploshchad&Itemid=252](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1369) (дата обращения: 13.11.2014).

Леонид Юзефович о частностях в истории // Улица Московская. 2014. 4 октября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1395: [leonid-yuzefovich-o-chastnostyakh-v-istorii&Itemid=278](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1395) (дата обращения: 13.11.2014).

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Обращение Захара Прилепина к читателям по поводу возможного появления площади Мариенгофа в Пензе // Официальный сайт Захара Прилепина. 2014. 14 сентября. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/novosti/2014/9/12141940.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Рева Ю. Мариенгоф — наш человек, пензяк с большой буквы // Улица Московская. 2014. 27 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1375: [mariengof-nash-chelovek-penzyak-s-bolshoj-bukvy&Itemid=261](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1375) (дата обращения: 14.11.2014).

Тимофеев М. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 4–18.

Тичер С., Водак Р. и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Требст С. «Какой такой ковер?». Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–181.

Шишкин И. О площади моего города // Улица Московская. 2014. 27 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1376: [o-ploshchadi-moego-goroda&Itemid=261](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1376) (дата обращения: 13.11.2014).

Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 546–547.

Fine G. A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors, and Images of President Harding // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. P. 1159–1193.

Gill G. Changing Symbols: the Renovation of Moscow Place Names // The Russian Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 480–503.

Marin A. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg // Geopolitics. 2012. Vol. 17. № 1. P. 192–216.

Simmel G. Philosophie des Geldes / Hrsg. D. P. Frisby, K. Ch. Koehnke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Hrsg. O. Rammstedt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Визуальная социология

Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия

Рис. 1. Фото взято с официального городского портала Berlin.de¹

Елена Рождественская

К истории мемориала Синти и Рома в Берлине-Марцан

Мемориал жертвам синти и рома в эпоху национал-социализма расположен в Берлине на улице Симсонвег к югу от рейхстага, в непосредственной близости от других центральных мест памяти — поминовения жертв нацистских преступлений в районе Берлин-Тиргартен, Памятника погибшим евреям Европы, Мемориала гомосексуалов, преследовавшихся нацистами (его открытие намечено на конец 2014 г.). Он был разработан израильским архитектором Дани Караван² и торжественно открыт 24 октября 2012 г. в присутствии канцлера Германии Ангелы Меркель и федерального президента Йоахима Гаука. Памятник был профинансирован федеральным фондом, на него затрачено около 2,8 млн евро, и он классифицируется как памятник национального и международного значения.

Это место находится недалеко от Бранденбургских ворот, напротив здания рейхстага. Дизайн мемориала Дани Караван заключается в круглой чаше из черного гранита,

¹ Фото сделано агентством picture-alliance/dpa. URL: <http://www.berlin.de/tourismus/fotos/sehenswuerdigkeiten-fotos/2771463-1355138.gallery.html?page=1> (дата обращения: 15.11.2014).

² URL: <http://www.danikaravan.com/> (дата обращения: 15.11.2014).

закопанной в землю и наполненной водой. Вода в черном граните кажется бесконечно глубокой, хотя глубина воды всего 17 см. Символизация смерти и истребления соседствует с идеей жизни. В центре чаши Караван поместил треугольный камень — стелу, намекая на черный треугольник лагерного отличия цыган в нацистских лагерях смерти, но здесь он светлый. На камень каждый день смотритель мемориала возлагает свежий цветок. Динамическая скульптура Каравана предусматривает режим подъема и опускания стелы — для нового цветка, нового витка памяти. Непосредственно вокруг чаши уложена плитка рваных форм, некоторые ее фрагменты имеют надписи — названия концентрационных лагерей (Аушвиц, Берлин-Марцан, Пердасдефогу, Дубница-над-Вагом, Лакенбах, Укермарк, Треблинка, Заксенхаузен и др.). В некотором отдалении возведены оформляющие поляну мемориала каменные остекленные стенды с хронологией геноцида этнических групп синти и рома с высказываниями федерального канцлера Гельмута Шмидта о признании геноцидом истребления синти и рома нацистами из расистских побуждений и высказывания федерального президента Романа Херцога об уравнивании геноцида евреев и рома и синти. По краям чаши приведено стихотворение «Освенцим» на английском, немецком и цыганском, автор которого итальянский рома Сантино Спелли:

«Sunken in face / extinguished eyes / cold lips / silence / a torn heart / without breath / without words / no tears».

«Потонувшее лицо / потухшие глаза / холодные губы / молчание / разрывается сердце / без дыхания / без слов / ни слез».

Мемориал озвучен: воспроизводится записанная цыганская мелодия Mare Manuschenge.

Строительство мемориала заняло 10 лет, включая не только собственно возведение мемориала, но и историю разногласий Центрального совета немецких синти и рома и федерального правительства. Проблемой был вопрос наименования жертв, поскольку представители этого союза не соглашались с общим названием «цыгане». Другим спорным вопросом стало сравнение геноцида цыган и евреев. В итоге вход в мемориал с цитатами канцлера и президента отражают итог этой непростой публичной дискуссии. После общественного обсуждения, наконец, в июле 2008 г. приступили к строительству мемориала, завершив его в 2012 г.

Из интервью с автором мемориала Дани Караван³: «Я думаю, что выбранное место для памятника подходит не совсем. Памятники должны быть удалены от повседневности. Я сообщил о своем возмущении Сенату. Я пошел бы в совершенно другом направлении, выбрал бы другое место. Моим предложением для Мемориала погибшим евреям были желтые цветы, что-то естественное, не эти серьезные памятники. Вскоре Романи Роуз, председатель Центрального совета синти и рома, обратился ко мне и спросил, хочу ли я сделать такой мемориал. Я согласился, выбрал это место, которое, хотя и расположено в центре Берлина, но имеет символическое значение, это место тишины. Я хотел быть как можно ближе к Рейхстагу. Его посетители не могут избежать мемориала. Я выбрал круглую форму. Она должна создать ощущение равенства. Я знаю, что синти нравится сидеть кругом. К моим ранним воспоминаниям моей жизни в Марселе относятся такие традиции синти и рома: они сидели вместе кругом под большим деревом. Но муниципалитет Марселя скоро свалил мусор под деревом для того, чтобы изгнать их оттуда.

Надпись по краю чаши — не моя идея, я не хотел текста, я хотел, чтобы было место поминовения. Ряд пунктов был важен для меня. Чаша с водой должна была быть очень темной, создавая впечатление, что вода очень глубока. Но, в конечном счете, были утверждены только 17 сантиметров. Я боролся за глубину, кроме того, вода должна быть

³ Pöppel H. Dani Karavanim Gespräch über das Denkmalfür die ermordeten Sinti und Roma in Europa // Jungle World. 2012. № 22. 31 Mai. URL: <http://jungle-world.com/artikel/2012/22/45564.html> (дата обращения: 15.11.2014).

подогреваемой, чтобы не замерзнуть зимой. Я предложил разместить в центре чаши камень в форме треугольника, что напоминает лагерные знаки. На камне должна лежать роза, так что я возвращаюсь назад к природе. Один раз в день камень исчезает в воде и возникает со свежей розой вновь, как в церковном молебне. На заднем плане слышится звук, не мелодия, только звук, напоминающий звук расстроенной скрипки и адаптированный для окружения. Такая примерно была идея. Но был ряд проблем, например, место не было пространственно завершено. Мы решили посадить кусты. Хотели перенести автобусную остановку, но пришлось сделать другой вход. Синти и рома не хотели быть названы цыганами. После семи или восьми лет было решено включить хронологию геноцида в надписи. Представители Министерства культуры пришли с предложением процитировать Херцога и Шмидта. Я хотел предложить израильского поэта, но, в конечном счете, было выбрано стихотворение «Освенцим» рома-поэта Сантино Спинелли. ... Это было худшее время в моей жизни. Я никогда не работал в таких плохих, на самом деле, невозможных условиях. Возможность контроля у меня отняли. Для меня этот памятник представляет личную борьбу с учреждениями и невежеством. Я борюсь за права человека, будь то в Нюрнберге в память о жертвах или в Израиле по правам палестинцев. Мои друзья в Германии на моей стороне сегодня, как Вим Вендерс. Он лично отправился в Министерство культуры и объяснил важность проекта. Он сказал, что это был *не просто памятник, но стихотворение*. Я полагаю, что проект по синти и рома — это очень серьезно, это один из самых важных проектов в моей жизни».

A propos

Автор мемориала Дани Караван предложил ясный язык форм — круг и треугольник, камень и вода, деревья и лужайка, которые участвуют в сменяющемся цикле времен года, истории и повторяющихся дней памяти. Цыганское сердце приобретает в этом коммеморате условную треугольную форму, оживляемую цветом. Как мы узнали из интервью, автор хотел избежать текстов, даже от мелодии оставить лишь звуки. Компромиссное решение заключалось в прояснении смысловых акцентов: мелодия приобрела этнически узнаваемые тона, кольцевая надпись по краю чаши принадлежит перу поэта той же этничности, на стеклянно-каменных стендах появились тексты с хронологией травматичного события и однозначными оценками представителей власти о статусе травмы, приравненной к Холокосту.

Если посмотреть на мемориал сверху, со взгляда, не доступного стоящему рядом человеку, то чаша будет напоминать черное солнце с растрескавшейся вокруг аурой. Если отдельные фрагменты этой ауры поименованы и несут названия концлагерей, то в конструкте основной части мемориала — чаши, также есть текстуальность, связующая накопленную центробежную плотность концлагерной темы и провал в темную воду, заполняющую чашу. Текст окольцовывающего стихотворения — о невыразимом, о молчании, о разорванном сердце, о травме. В преодолении травмы автор предлагает весьма лаконичный жест в виде живого цветка, возложенного на символическое сердце, которое выныривает из глубины и темноты уже светлым, не черным треугольником.

В отношении геноцида цыган не придумано соответствующего термина, как в отношении Шоа, столь ярко характеризующего масштаб исторической трагедии евреев. Но также справедлива трактовка травмы, сопротивляющейся попыткам ее презентировать. Рут Лейс (Leys, 2000) зафиксировала важный сдвиг в статусе Холокоста как универсальной травмы: если ранее Холокост полагали событием опыта, по масштабу принципиально не визуализируемым, то сегодня — это понятие травмы, которое широко и довольно парадоксально работает как троп сложных значений и потерь, с одной стороны, и как «знак нашего времени» (Kansteiner, 2004, p. 194), с другой. Оно содержит внутреннее противоречие, на которое указывают многие исследователи, например, Сабина Силке, Карин Балл, Мария Цетинник. Это противоречие заложено, с одной стороны,

идеей, пришедшей из психоанализа о невыразимости травмы (Т. Адорно, Ж.-Ф. Лиотар, Ш. Фельман, Д. Лауб, К. Карут и др.), а, с другой, — мнением о глобализации и медиатизации травмы (В. Канштайнер, Э. Каплан, Дж. Александер, А. Хьюссен). Можно говорить о глобализации дискурса о Холокосте, ее распространении на другие этнические геноциды. Таким образом, в транснациональном движении дискурсов памяти Холокост утратил свое качество как индекс конкретного исторического события и функционирует в качестве метафоры для других травматических историй и воспоминаний (Huysen, 2000, p. 24). Оценивая с этих позиций мемориал синти и рома в Берлине-Марцан, можно увидеть ясную позицию автора, Дени Караван, который избегает прямой визуализации геноцида, его документальных свидетельств, образов. Его выбор — в пользу невыразимости травмы, перформанса скорби языком природы и простых форм.

Литература

- Cetinic M. Sympathetic Conditions: Toward a New Ontology of Trauma // Discourse. 2010. № 3 (32). P. 285–301.
- Kansteiner W. Genealogy of a Category Mistake: A Critical Intellectual History of the Cultural Trauma Metaphor // Rethinking History. 2004. № 8 (2). P. 193–221.
- Leys R. Trauma: A Genealogy. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Huysen A. Of Mice and Mimesis: Reading Spiegelman with Adorno // New German Critique. 2000. № 81. P. 65–82.

Ирина Тартаковская

Сложно составить собственное впечатление о памятнике, который знаешь только по фотографии, особенно — о таком памятнике, вписанном в пейзаж, для которого очень много значат место, локальный контекст, детали... На снимке чаша кажется не чашей, а плоским черным диском, типа виниловой пластинки, и это дезориентирует. Вообще, многие современные памятники такого рода рассчитаны на определенное эмоциональное впечатление, основанное на соприсутствии, и оно не очень хорошо передается на расстоянии. Наверное, если увидеть розу, свое отражение в черной воде, услышать звук — какое-то сопереживание возникло бы, а на фотоизображении он, скорее, кажется объектом современного искусства или аттракционом.

Любопытна история дебатов и конфликтов вокруг сознания памятника, поскольку она показывает, какие разные задачи ставят перед собой создатели и со-участники мест памяти... Здесь мы видим пересечение воли художника, который хотел все же создать в первую очередь выразительный арт-объект, и, как ясно из выдержек из интервью, склонен был сделать его еще более минималистским и герметичным — но это не устраивало ни администрацию, ни представителей народов синти и рома. Видим позицию организации, представляющей интересы этих народов, которой критически важно было сохранить свое позиционирование как представителей двух разных этнических групп, причем это позиционирование, скорее всего, будет только ставить в тупик непосвященных посетителей памятника, большинство из которых наверняка впервые узнают что-то об этнических различиях между цыганами (и услышат название «синти»). И это показывает, помимо прочего, что несмотря на желание увековечить жертв геноцида цыган, они продолжают оставаться для окружающих народов очень дистанцированной, непрозрачной группой, о жизни которой очень мало что известно, за вычетом набора стандартных стереотипов. Видим позицию культурной администрации, которая пыталась придать

памятнику хоть сколько-нибудь конвенциональный, «прочитаемый» вид, адаптировать его для восприятия и понимания будущих посетителей.

Конфликт кажется важным и характерным, чтобы не сказать — парадигматическим. В настоящее время мы наблюдаем определенный кризис культурной коммуникации, когда современные художники, в данном случае принимающие на себя функции скульптора-монументалиста, ищут выразительных форм, которые бы избегали печати «салонности» и стереотипного, искусственного пафоса. Но те решения, которые они в итоге находят, часто кажутся непонятными их потенциальной аудитории, которая не умеет и не привыкла воспринимать средства contemporary art. Выход из ситуации как раз может состоять в эмоциональном, а не семантическом прочтении языка места памяти — но это такой неосязаемый, ситуативный эффект, который очень трудно прогнозируем.

Елизавета Полухина

Первые ассоциации, когда смотришь на изображение — пустота, тишина, спокойствие, размеренность, умиротворение и сильное ощущение, что ты не поняла чего-то очень важного. Будучи несколько раз в Берлине, проходя мимо Рейхстага и Бранденбургских ворот, это место оказалось вне моих туристических маршрутов. Символизм места не очевиден для зрителя фото.

И вот ты узнаешь, что это Мемориал Синти и Рома — двум цыганским группам, пострадавшим от геноцида. «Жертвам», «меньшинствам» — как называет их Ангела Меркель во время торжественного открытия мемориала. И сразу создается ощущение, что это мемориал иным цыганам, отличным от традиционных представлений этой национальной группы — с бубнами, гитарами, песнями и в постоянном перемещении, свободном кочевании тела и духа. В этом мемориале мы не обнаруживаем традиционных цыганских символов. Здесь цыгане (или скорее скорбь по ним) показаны так, как я о них не думала ранее — задумчивые, сдержанные, немногословные.

Вспомним цыганский флаг: в центре располагается красное круглое колесо на фоне двух горизонтальных полос, символизирующих траву (зеленая полоса) и небо (синяя полоса). Круг — форма, символизирующая с одной стороны, время в вечности, бесконечную память, и возможно, с другой стороны, повторяемость, «колесность» цыганской жизни и дух равенства (традиции сидеть вместе кругом под большим деревом).

Треугольник, помещенный в центр мемориала, предстает как символ жизни, некий уцелевший оплот, начало начал, источник живого. Можно предположить, что чаша с водой — это не только символ слез и скорби, но и воды, дающей силы для роста цветка, помещенного в центр. И заметим, что камни сгущены к центру и отчасти осколочным принципом разбросаны вокруг, что напоминают образ вулкана. И чем дальше «отброшен» каменный слиток, тем более ершистой, плотной травой он обрамлен.

Виктория Семенова

Визуальный анализ памятного места предполагает рассмотрение его в контексте городского пространства, в единстве с той средой, которая его окаймляет и в которую он вписывается как отдельное «повествование в камне». Это отмечали и предыдущие замечания моих коллег. Вместе с тем, при анализе фотографии важны два контекста — знакомое и видимое. Да, памятник находится в центре города, недалеко от рейхстага, в непосредственной близости от памятника евреям-жертвам Холокоста — это из известного. Но, вместе с тем, из «видимого» возникает ощущение одиночества и замкнутости,

закрытости места. Это ощущение рождается от замкнутого круга деревьев и кустов, продолжается темным кругом водоема, напоминающего скорее черный омут, в котором молчаливо канули в вечность тысячи безымянных жертв, и завершается теми немногочисленными фигурами посетителей, которые пришли отдать дань памяти жертвам этнического уничтожения — народностям синти и рома. На всех фотографиях, посвященных этому памятнику, которые мне удалось увидеть, число посетителей минимально — это одинокие фигуры, сиротливо отражающиеся в темных водах водоема. Недаром в прессе появилось расхожее название «забытый Холокост». Несмотря на появление этого места поминовения, для широкой публики уничтожение цыган в годы фашистского террора осталось неизвестным и не до конца проговоренным. К тому же, памятник появился только два года назад, когда большинство оставшихся в живых свидетелей тех событий уже ушли из жизни и не в состоянии отдать дань памяти своим близким. Лаконичность талантливого исполнения данного комплекса Дани Караваном только подчеркивает эту непроговоренность прошлой трагедии.

Еще одно замечание, касающееся архитектуры памятника. Это уже, скорее, замечание русского зрителя. Интересное отличие формата мест поминовения жертвам в европейской культуре и в российской состоит в том, что у нас это, прежде всего, — вертикаль, обращенная вверх, своеобразный символ доминирования или «направленного» прочтения памятника, исходя из позиции живущих. Для европейской культуры, особенно современной культуры меморизации свойственна скорее горизонталь, выравнивание позиции зрителя с объектом меморизации, которое можно проинтерпретировать как «ты мог бы быть на его месте». Такой принцип построения памятного места прочитывается, например, в мемориале памяти убитых евреев Европы в Берлине.

Первые шаги

Символика памятника Ф. Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе¹

Надежда Васильева*

Статья посвящена изучению исторической символики в социальной политике памяти на примере памятника Феликсу Дзержинскому. Сделана попытка проследить эволюцию смыслов, вкладываемых в памятник во время его планирования, воздвижения и сноса путем их реконструкции исходя из изменения социально-исторического контекста; проследить современную полемику вокруг памятника в рамках конфликтного публичного дискурса.

Ключевые слова: социальная политика памяти, историческая память, символика, социокультурная трансформация

Введение

Крушение прежней идеологии, помимо всего прочего, влияет на отношение к артефактам культуры, на восприятие культурного ландшафта. Речь идет о социокультурной мобильности общества, на основании которой происходит и изменение городской среды, географического и социального ландшафта окружающей среды. Процессы трансформации и существующий дисбаланс социальных сил отражается в амбивалентности новой культуры: она включает в себя как элементы уходящей культуры, так и то, что рождено в процессе становления новой. Противоречивость нового культурного ландшафта нередко приводит к коллизиям, игре политических репрезентаций, которая с наглядностью проявилась на примере судьбы исторических монументов, в частности на борьбе вокруг памятника Феликсу Дзержинскому.

Как монумент, посвященный конкретной исторической личности, он символизирует собой образ той эпохи, когда Дзержинский жил и функционировал в качестве политического деятеля, особенно для поколений, у которых живые, непосредственные воспоминания о нем и той эпохе отсутствуют. Конечно, память передается и нематериальными путями, но, как замечает Арнольд Тойнби, ментальный аппарат исчезает, а последующим поколениям удобнее производить реконструкцию прошлого по объектам материальной культуры, поскольку они обладают большей способностью к выживанию (Тойнби, 1991).

Памятник Дзержинскому: социально-исторический контекст²

Если обратиться к истории создания монумента, то надо начать с момента его конструирования: решение о возведении памятника было принято в 1936 г., в период

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как социальное пространство конфликтов и солидарности». Грант НШ-2753.2014.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации.

* Васильева Надежда, студентка факультета социологии ГАУГН. dafna-hope@mail.ru.

² При описании кейса используются материалы, собранные автором в рамках проекта, осуществленного по гранту NCN 2011/01/D/HS6/01971.

правления Иосифа Сталина, когда направленно формировался новый облик города, соответствующий новым социальным задачам. Для строительства общества нового типа требовалось не только изменение общественно-политического облика страны, но и необходимо было идеологически воздействовать на население, на его мировоззрение, формируя новое городское пространство через архитектуру, культуру и искусство. В период 20–30-х годов идеологическое давление ощутимо сказалось на разных сферах градостроительства: были переименованы многие улицы и площади, сносились храмы и монастыри, демонтировались памятники деятелям царского режима и воздвигались памятники Марксу, Энгельсу и Ленину. Театральная площадь стала называться площадью Свердлова, Большая Никитская — улицей Герцена, Варварская площадь — площадью Ногина, Патриаршие пруды — Пионерскими, Тверская — улицей Горького, Знаменка — улицей Фрунзе, и этот список можно продолжать долго. Снесены были памятники Александру II, Александру III, генералу М. Д. Скобелеву. Уничтожены были Страстной монастырь, Никитский, частично Зачатьевский, Златоустовский, Сретенский и многие другие. В 1931 г. был взорван Храм Христа Спасителя, на месте которого предполагалось возвести огромный Дворец Советов.

Феликс Дзержинский был видной фигурой советского государства, известной по многим сферам своей деятельности. Помимо общеизвестной роли главы ВЧК, Феликс Эдмундович занимался активной деятельностью в еще очень многих сферах: он был председателем Комиссии по борьбе с детской беспризорностью, первым народным комиссаром путей сообщения СССР, вторым председателем Высшего Совета народного хозяйства СССР; именно по его инициативе было создано спортивное общество «Динамо». Нужно отметить, что деятельность всех этих органов нельзя назвать неуспешной. Он принадлежал к плеяде профессиональных революционеров и внес значительный вклад в становление социалистического режима. После основных идеологов в лице Маркса, Энгельса, Ленина и находившегося тогда у власти Сталина — именно Дзержинский более чем заслуживал быть увековеченным в бронзе. С точки зрения принявшей решение о создании памятника партии он был идеальным воплощением режима, и решение о строительстве ему памятника было символическим воплощением идеи мощи и эффективности социалистического государства.

19 июля 1936 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О 10-летию со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского» № 41, п. 184³. Помимо создания памятника постановление предписывало назвать именем Дзержинского ряд промышленных предприятий и широко осветить его жизнь и деятельность в крупнейших СМИ. В постановлении был четко обозначен образ Дзержинского, который должны были транслировать СМИ: «один из ближайших соратников Ленина, непоколебимый борец за единство ленинских рядов, организатор ВЧК — ОГПУ и первых крупных побед партии в промышленности и на транспорте». Дзержинский был фигурой разносторонней, и постановление Политбюро явно свидетельствует о том, что с точки зрения партии задача ставилась таким образом: увековечить все его социально-политические достижения.

Но возведен памятник был много позже, в 1958 г., в период Хрущевской оттепели. Несмотря на значительные изменения в общественно-политической жизни страны

³ После Октябрьской революции здание Страхового общества России, выходящее фасадом на Лубянскую площадь, было национализировано, и в нем разместилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, позднее служба была переименована в Комитет Государственной Безопасности СССР. В 1927 г., после смерти Дзержинского, площадь переименовали в площадь Дзержинского. В центре площади находился водоразборный фонтан Мытищинского водопровода работы скульптора И. П. Витали. В 1934 г., после сноса стены Китай-города, началась реконструкция площади, в процессе которой мешавший автомобильному движению фонтан был демонтирован и перенесен к зданию Президиума Академии наук СССР. (По материалам буклета: Дзержинский: памятник и человек // Парк Музеон, 2013. URL: <http://www.muzeon.ru/articles/116-dzerzhinskii-pamyatnik-i-chelovek> (дата обращения: 09.11.2014).

и ослабление идеологического давления, культура и искусство оставались под партийно-государственным контролем. Перед творческой интеллигенцией были поставлены задачи позитивного отражения социалистической действительности и достижений народного хозяйства, обличения буржуазной культуры.

Фигура Феликса Дзержинского отлично вписывалась в провозглашенный курс на восстановление потускневших идеалов коммунистического строительства: активный государственный деятель, глубоко преданный коммунистической идее и не жалевший сил для развития страны. Его роль как создателя ВЧК, естественно, также оставалась значимой, но, учитывая массовые оправдания невинно осужденных в годы сталинского режима, вряд ли власти ставили себе задачу возвести памятник Дзержинскому с целью напомнить народу о всесии ВЧК, скорее — об очищении ВЧК от морально-разложившихся элементов.

Социальные смыслы сноса памятника

Следующий этап в истории монумента наступил ночью 22 августа 1991 г., сразу после провала Августовского путча и ликвидации ГКЧП, когда памятник на Лубянской площади был снесен. К 22-му августа большинство членов ГКЧП были арестованы. Перед этим прошел так называемый «митинг победителей» у здания правительства РФ.

Если попробовать восстановить событийно этот процесс, то нужно отметить, что, по свидетельствам очевидцев, собравшаяся толпа рвалась первоначально штурмовать здания КГБ и ЦК КПСС⁴. Это было более чем рискованное мероприятие, чреватое человеческими жертвами — оставшиеся в здании сотрудники секретных служб вполне могли дать отпор, а на крышах находились снайперы, готовые открыть огонь в случае штурма. Но энергию толпы удалось перенаправить на бронзовую фигуру в центре площади. Сложно сказать, был ли это грамотный ход кого-то из руководивших событиями с целью не допустить больших жертв, акт самозащиты со стороны находившихся в зданиях, голос разума или стихийная идея изнутри самой толпы, — но суть в том, что гнев собравшихся перекинулся на фигуру Феликса Дзержинского, который в тот момент стал символической фигурой, воплощавшей в себе в тот момент репрессивную сущность советского режима. На площади собралось, по разным оценкам, от 7 до 15 тыс. человек. Они окружили памятник Дзержинскому и требовали его сноса немедленно. Постамент памятника исписали надписями «антихрист», «кровавый палач», «дерьмо в кожаном пальто», прикрепили плакат «Хунте хана!». Толпа скандировала: «Долой тирана!» и «Свобода!». Памятник тросами привязали к автобусу и принялись раскачивать, но сокрушить его таким образом не удалось. Он был слишком массивен. Если бы памятник удалось повалить таким способом, то не удалось бы избежать больших человеческих жертв: при падении бронза раскалывается на множество кусков, к тому же существовала опасность повреждения силовых кабелей находившейся под землей станции метро. Тогда прямо на месте было принято срочное решение Моссовета о сносе памятника с обещанием того, что подъедет подъемный кран и памятник снимут аккуратно. Подъехавший строительный кран люди встречали аплодисментами⁵. Позднее при помощи техники памятник был перенесен к зданию ЦДХ на Крымском Валу, поскольку там формировался Парк искусств «Музеон», в котором планировалось сохранять снесенные монументы советской эпохи.

Коммеморация путем сооружения музеев, установления памятников, учреждения праздников, является одним из важнейших элементов государственной политики и инструментом строительства нации (Мохов, 2011). Но не менее важным моментом для формирования или трансформации памяти является стратегия сноса памятников,

⁴ Запись в блоге LiveJournal. URL: <http://l1122021918.livejournal.com/330490.html> (дата обращения: 09.11.2014).

⁵ Интервью С. Станкевича радио Эхо-Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/15387/> (дата обращения: 19.06.2014).

правда, в данном случае актором чаще выступает не государство или социальные институты, а стихийное народное движение народных масс под влиянием эмоционального настроения в период кризиса или катаклизма. Снос памятников часто происходит в периоды революций или иных стихийных народных акций и становится символом «сноса» прежнего режима памяти: так, например, сносились памятники в Польше в период революции «Солидарности», или совсем недавно свергнут памятник Ленину в Киеве. Полемика и конфликты вокруг памятников приходят позже, но в момент сноса обычно преобладают стихийные народные силы.

Полемика вокруг памятника Дзержинскому

В настоящее время дискуссию вокруг памятника Дзержинскому провоцирует периодически поднимаемый вопрос о том, стоит ли возвращать памятник на его прежнее место на Лубянской площади. Дискуссия является очень бурной из-за того, что для различных сторон и сам памятник соотносится с разными символами, и его возможное возвращение приобретает разное смысловое значение.

Среди основных социальных сторонников возвращения памятника можно назвать в первую очередь партию КПРФ, союзы членов различных советских организаций (Комсомол, органы Госбезопасности), партии ЛДПР и «Справедливая Россия», а также отдельных гражданских и официальных лиц, придерживающихся просоветских взглядов. Среди противников в основном либеральные силы: партии «Яблоко», «Союз Правых Сил», «Либеральная Россия», общество «Мемориал», а также православная общественность и некоторые другие официальные инстанции и движения (подробнее см. таблицу 1). Помимо обсуждения вопроса в публичном дискурсе, различные акторы иногда предпринимают и более активные действия вокруг памятника: митинги за и против его возвращения, сбор подписей, передачу писем и обращений в городские инстанции. В целом социальные акции вокруг памятника можно классифицировать следующим образом:

Таблица 1

Публичные действия вокруг памятника Дзержинскому

Вид активности	Число случаев	Актеры	Год
Постановление о демонтаже памятника с Лубянской площади	1	Московский городской совет	1991
Постановление о возвращении памятника на Лубянскую площадь — не исполнено	1	Российская Государственная Дума	1998
Подача заявки на восстановление памятника в Комиссию по монументальному искусству при Мосгордуме	6	Гражданские лица	2001 2004 2005 2013
		Международный Союз советских офицеров, группа ветеранов ВОВ,	2002
		Партийная организация КПРФ «Ветераны комсомола»	2002
Подача заявки на восстановление памятника в Мосгордуму	2	Партия «Союз Правых Сил»	2002
		«Союз ветеранов Госбезопасности»	2008

Вид активности	Число случаев	Акторы	Год
Отклонение заявки на восстановление памятника на Лубянской площади	8	Комиссия по монументальному искусству при Мосгордуме	2000, 2001 2002 2004 2005 2014
		Мосгордума	2002
Попытка оспорить постановление Моссовета о демонтаже памятника от 22 апреля 1991 г. в Мосгорсуде	1	Гражданская активистка Лебедева	2001
Подача заявки на восстановление памятника в Верховный Суд РФ — с отказом рассматривать заявку	1	Гражданская активистка Лебедева	2004
Выражение инициативы вернуть памятник официальными инстанциями	6	Мэр Москвы Юрий Лужков	2002
		Партия «КПРФ»	2007 2008 2009
		Партия «ЛДПР»	2009
		Партия «Справедливая Россия»	2014
Выражение протеста против возвращения памятника официальными инстанциями	9	Партия «Яблоко»	2002
		Партия «Союз Правых Сил»	2002
		Партия «Либеральная Россия»	2002
		Администрация Президента РФ	2002
		Общество «Мемориал»	2002 2008
		Общественная организация «Союз Православных Граждан»	2002 2008
		Московское бюро правозащитной организации Human Rights Watch	2008
Проведение общественной акции за восстановление памятника	1	Движение «Трудовая Россия»	2000
Проведение общественной акции против восстановления памятника	1	Партии: СПС, «Яблоко», «Либеральная Россия», общество «Мемориал»,	2002
Сбор подписей против восстановления памятника	1	Партия «Союз Правых Сил»	2002
Сбор средства на восстановление памятника	1	Общественная организация «Фонд содействия стратегической безопасности»	2009

Вид активности	Число случаев	Акторы	Год
Открытое письмо с предложением купить памятник	1	Депутат Горьковского сельсовета Ставропольского края Андрей Разин	2002
Обследование технического состояния памятника	1	Департамент культурного наследия города Москвы	2011
Разработка плана реставрации памятника	1	Департамент культурного наследия города Москвы	2012
Ремонтно-реставрационные работы на памятнике	1	Государственное казенное учреждение «Мосреставрация» с разрешения Департамента культурного наследия	2014

Памятник является символом, а значит, ему свойственна многозначность содержания и прочтения со стороны разных акторов. Таким образом, дебаты по поводу восстановления/разрушения упираются в понимание того, символом каких именно воззрений и представлений является как сам памятник, стоящий на одной из центральных площадей города, так и фигура Феликса Дзержинского как политического деятеля, то есть каковы эмоциональные аргументы сторонников той или иной позиции (Кравченко, 2008).

Новый виток дискуссии возникает каждый раз, когда в прессе появляется информация об очередной инициативе, связанной с памятником: будь то обсуждение на Комиссии по монументальному искусству или заявление должностного лица о поддержке идеи возвращения памятника. Резонанс при этом вызывает именно идея территориального перемещения памятника из «Музеона» в центр Лубянской площади; стоящий в парке «Музеон» монумент не вызывает никакого возмущения и практически не привлекает ничего внимания.

Другими словами, острота дискуссии вокруг памятника связана с его местоположением в городском пространстве. Он становится важным пространственно-смысловым символом тогда, когда располагается в центре Лубянской площади, напротив здания ныне Федеральной Службы Безопасности России. В России даже само слово «Лубянка» стало нарицательным и приобрело известность как обозначение советских органов Госбезопасности. В этом заключается отличительная особенность памятника — смысловой посыл его исторической фигуры оформляется именно в городском контексте «памятника на Лубянке» или, точнее, «памятник Лубянке» (Мохов, 2011).

Возвращенный на Лубянскую площадь Дзержинский становится в первую очередь не «Дзержинским, борцом с детской беспризорностью», а «Дзержинским, главой ВЧК». В этом случае символика памятника перечеркивает границы исторической фигуры, и он рассматривается как олицетворение мощи и беспощадности аппарата Госбезопасности СССР.

Но при этом формальные аргументы сторонников и противников возвращения памятника сводятся к более абстрактным и политически более нейтральным. Сторонники дискуссии прибегают в основном к двум типам аргументов: эстетическим и личностно-историческим.

На эстетические аргументы делал упор, в частности, бывший мэр Москвы Юрий Лужков, когда высказался за возвращение памятника в 2002 г.⁶ Эту же аргументацию

⁶ Новости на портале Лента.ру. URL: <http://lenta.ru/culture/2002/09/13/felix/> (дата обращения: 09.11.2014).

используют и многие «люди искусства», входящие в состав Комиссии по Монументальному искусству при Мосгордуме — художники, искусствоведы, скульпторы. В этом контексте значатся такие чисто эстетические аргументы, как «великолепное произведение» «гениального скульптора Вучетича», «блестящее архитектурное и градостроительное решение», «именно памятник держал на себе всю Лубянской площадь, а без него она совершенно не смотрится». Сын скульптора — автора монумента, писатель Виктор Евгеньевич Вучетич, рассказывая о памятнике, говорит, что еще на этапе проектирования перед его отцом и его коллегами стояла невероятно сложная задача: «поставить центр на площади, которой не существовало», так как площадь в то время только начинала оформляться. И, по его словам, даже многие крупные зарубежные художники признают, что с точки зрения архитектуры решение просто блестящее⁷.

Но памятник исторической личности всегда несет в себе не только эстетическую, но и символически-историческую нагрузку, игнорировать этот аспект невозможно. Существует мнение, что позиция акцентирования эстетической ценности памятника является просто «прикрытием», которое в своем роде маскирует оправдание присутствия фигуры Дзержинского на Лубянской площади, — но для многих сторонников возвращения монумента — это позиция, о которой не хочется говорить открыто и вслух. Ведь тогда, логически продолжая эту эстетическую аргументацию за памятник, можно и нужно признать, что любая монументальная эстетически-ценная фигура в центре Лубянской площади будет символически формировать эстетический облик площади.

С точки зрения смысловой значимости Дзержинского как исторической фигуры приводятся аргументы в двух ключах: память о деятельности Феликса Дзержинского как крупной политической фигуры того времени и память о его заслугах как представителя определенного института — Госбезопасности СССР и даже всего советского режима.

Памятник всегда несет в себе определенный пласт исторической памяти, иногда целой эпохи, но в случае с памятником конкретной, реально жившей личности, его можно рассматривать и более узко — исключительно в контексте данной личности и ее непосредственной деятельности (например, памятник Петру I). В случае с памятником Дзержинскому в дискурсе встречаются обе позиции, причем обе как с положительными, так и с отрицательными коннотациями. Начнем с точки зрения, ограничивающей символику памятника деятельностью Феликса Дзержинского. Ее можно разделить на две ветви — со знаком «плюс», и со знаком «минус»: 1) положительная аргументация: Дзержинский как борец с детской беспризорностью, с преступностью, его достижения в области транспорта и экономики; 2) отрицательная аргументация: Дзержинский как создатель ВЧК, инициатор массовых расстрелов без суда и следствия.

Суть этого разделения не в том, что меняется оценка одних и тех же явлений, а в том, что выбираются различные стороны, сферы деятельности Дзержинского, каждая из которых может быть оценена положительно или отрицательно. Ни у кого не возникает сомнения, что борьба с детской беспризорностью — это «хорошо», а массовые расстрелы — «плохо», поэтому приверженцы разных позиций в отношении памятника просто используют разные аспекты его «образа» в качестве аргументов для увековечивания его памяти. При этом различные трактовки используются разными социальными акторами в зависимости от их позиции по отношению к дальнейшей судьбе памятника. Это еще одно свойство символической сущности памяти: через разницу интерпретаций формируются и проявляются границы между позициями различных групп (Яковлева, 2008). Тем же свойством обладает историческая память, поскольку она опосредована спецификой жизненного пути и биографическими воспоминаниями различных агентов коммеморации и через это связана с их ценностями и предпочтениями (Богдановская, Трегубенко, 2013).

⁷ Снос памятника Дзержинскому. Передача на Пятом канале. URL: <http://www.5-tv.ru/programs/broadcast/504971/> (дата обращения: 20.06.2014).

Как правило, позитивную аргументацию относительно личности Дзержинского в первую очередь используют те, кто непосредственно соприкасался с его деятельностью профессионально: члены организации «Союз ветеранов Госбезопасности», Андрей Разин, который «воспитывался в детском доме на примере его личности», а также члены партии КПРФ. В данном контексте обычно упоминаются такие его качества, как «профессионализм, честность и порядочность», которые ставятся в пример нынешним чиновникам⁸.

Интересно, что противники памятника могут также признавать определенные положительные моменты в деятельности Дзержинского, но не считают их достаточным оправданием для его увековечивания в камне: например, общество «Мемориал» признает его заслуги по борьбе с детской беспризорностью, но при этом считает, что сама беспризорность как социальное явление и появилась в результате его деятельности⁹.

Что касается негативных аргументов против личности Дзержинского — их суть, в общем, очевидна. Именно так они обычно и используются — в общей своей эмоциональной формулировке без раскрытия конкретного их содержания. Так, Дзержинского называют «позором России»¹⁰. А представители православной общечеловечности обозначают его более многословно: «бесноватый враг Русской православной церкви, руки которого — в крови святых новомучеников и исповедников Российских»¹¹.

Памятник как символ института Госбезопасности

Символ как симулякр указывает на предмет, который выходит за пределы его непосредственного содержания (Лосев, 1995). Так происходит и с аргументами по отношению к памятнику: в сознании людей фигура обозначает гораздо больше, чем человек по имени Феликс Дзержинский. Памятник Дзержинскому, особенно в контексте Лубянской площади, является символом всего аппарата Госбезопасности, существовавшего в СССР, со всеми из этого вытекающими спорами и оценками. Использован этот контекст может быть как в защиту памятника, так и против него. Аргументация вновь разделяется на два полюса: 1) положительная аргументация: органы Госбезопасности как образец порядка и некоррупционности, не в пример нынешним чиновникам, и 2) отрицательная аргументация: органы Госбезопасности как символ «кровавого режима», средоточие всех грехов и злоупотреблений Советской власти.

У органов Госбезопасности, как и у любой организации, были и положительные, и отрицательные стороны. И на положительные черты указывают опять-таки чаще всего те, кто имел к ним непосредственное отношение: члены «Союза ветеранов Госбезопасности», КПРФ, а также ЛДПР. В данном контексте к Органам апеллируют как к «символу правопорядка». А первый зампред ЦК КПРФ высказал мнение, что «возвращение памятника основателю советских органов безопасности и разведки — это очень сильный эмоциональный заряд для всех, кто работает в зданиях на Лубянской площади, где в наши непростые дни должна вестись очень ответственная работа»¹². Сильным аргументом является апелляция к борьбе с коррупцией. ВЧК это — «чистые руки», «горячее сердце», «холодная голова». Единственный институт СССР, не запятанный коррупцией, ведущий расследование громких коррупционных дел. В стране, где коррупция стала едва ли не

⁸ Новости на портале Вести.ру. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=209955> (дата обращения: 20.06.2014).

⁹ Новости на портале Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2002/09/16/611780/> (дата обращения: 20.06.2014).

¹⁰ Новости на портале Ньюсру.ком. URL: <http://www.newsru.com/> (дата обращения: 20.06.2014).

¹¹ Новости на портале Интерфакс Религия. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=26585> (дата обращения: 20.06.2014).

¹² Цит. по материалам пресс-службы ЦК КПРФ. URL: http://kprf.ru/rus_soc/59800.html (дата обращения: 20.06.2014).

самой главной проблемой, памятник становится символом противодействия коррупции, в которой увязла значительная часть российской бюрократии.

Что касается расширения символики памятника в отрицательную сторону, то этот контекст используется более широкими группами населения, включая простых людей. Широко это делают и представители оппозиционных и демократических партий. Например, известный российский политический деятель, диссидент и бывшая политзаключенная Валерия Новодворская связывала с памятником, а точнее с его сносом, все «то самое советское прошлое, мрачное, кровавое, подлое, бездарное», от которого стремились избавиться в августе 1991 г.¹³ А лидер СПС Борис Немцов и вовсе сказал, что идея вернуть памятник — «крупномасштабная провокация, направленная на раскол России»¹⁴. Ясно, что подобные заявления имеют мало общего конкретно с самим Феликсом Дзержинским. Памятник называют «символом кровавого режима»¹⁵, а его возвращение трактуют как «пренебрежение памятью миллионов жертв политических репрессий»¹⁶.

И вот момент, о котором было упомянуто выше: сужение символики памятника до конкретной личности работает в качестве контраргумента, в поддержку монумента. «Какой же кровавый режим? Он начался в 37 году», — такое возражение прозвучало на Комиссии по монументальному искусству¹⁷. Феликс Дзержинский умер в 1926 г. За большую часть преступлений, совершенных режимом, он не мог нести личной ответственности. Противники же этой позиции считают, что поскольку орган, ответственный за последующие репрессии, создал именно Дзержинский, то именно он и несет ответственность за то, что произошло позже.

Для нас не стоит задача разобраться, какая из этих точек зрения более правдоподобна, да на этот вопрос и невозможно ответить. Для нас важно отметить тот факт, что памятник рассматривается как олицетворение всего аппарата Госбезопасности, символ всех репрессий, совершенных за годы советского режима, и всего отрицательного, что было в этом режиме.

Именно этот идеологический контекст можно назвать основной причиной, которая приводит к такой степени конфликтности вокруг памятника, и именно из-за этого, можно сказать, он и перенял на себя эмоции толпы в 1991 г.: он послужил своеобразным материальным «громоотводом», на который обрушился гнев, выражавший неприятие режима в целом. Руководивший сносом памятника Сергей Станкевич вспоминает: «Тогда — какого-то плана, какого-то намерения, именно сегодня снести, именно этот памятник — ничего подобного. Выплеск энергии обрушивается на какой-то зримый символ». И «не к нему конкретно были претензии у людей, которые 22 августа собрались на площади, не к нему персонально»¹⁸. Вычленив один образ из ряда возможных и поспешив символически расправиться с Феликсом Дзержинским, толпа пренебрегла и разносторонностью его личности, и реальными масштабами его влияния. Это достаточно типичное поведение для толпы, но также и свойство исторической памяти: она избирательна, порой вычленяет события случайным образом, делает акценты на одних событиях, игнорируя другие, а кроме того, она отражает особую значимость и актуальность информации

¹³ По материалам передачи «Грани Времени» на сайте Радио Свободы. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1908555.html> (дата обращения: 20.06.2014).

¹⁴ Цит. по: Ньюсру.ком. URL: <http://www.newsru.com/russia/16sep2002/pamyat.html> (дата обращения: 20.06.2014).

¹⁵ По материалам заседания Комиссии по монументальному искусству при Московской Городской Думе от 11.02.2014.

¹⁶ Цит. по: Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2002/09/16/611780/> (дата обращения: 20.06.2014).

¹⁷ По материалам заседания Комиссии по монументальному искусству при Московской Городской Думе от 11.02.2014.

¹⁸ Из интервью С. Станкевича радио Эхо-Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/15387> (дата обращения: 20.06.2014).

о прошлом в тесной связи с настоящим (Тощенко, 2000). В момент народного восстания против уже рушащегося на глазах строя, естественно, что общественное внимание будет сконцентрировано на преступлениях этого строя и отдельных его представителей, и не обойдется без преувеличений и обобщений.

Если и можно выделить доминирующее отношение к памятнику в официальном дискурсе, т. е. в позиции властей, — то оно будет нейтральным, по крайней мере на уровне видимого: это отказ занимать какую-либо определенную позицию и предпринимать на основании ее активные действия. Отдельные представители во власти могут занимать очень эмоциональную позицию, но в целом они уравнивают и сдерживают друг друга, поэтому никакой единой позиции не наблюдается. Пространственное расположение памятника в центре Москвы делает его символом сути современной эпохи, и многие власть имущие просто не хотят брать на себя ответственность за принятие какого-либо определенного решения.

В общем виде можно сказать, что для одних памятник Дзержинскому — это символ трагедийной, травматической памяти, для других — это символ мощи, памяти о героическом прошлом величии СССР.

Помимо неоднозначности символа как такового, отношение к памятнику Дзержинскому осложняет непосредственная историческая близость означенных событий, их острый и трагический характер. Большинство индивидуальных и групповых мнений формируется благодаря личному опыту переживания тех событий, разных личностных последствий, различий в степени информированности и системе ценностей. Если воспользоваться терминологией Пьера Бурдьё, представления агентов зависят от их позиций в социальном мире и габитуса (Бурдьё, 1994).

Интересным моментом является то, что символику монумента составляет не только непосредственно фигура Феликса Дзержинского, но и те надписи, которые были нанесены на него в ходе митинга 1991 г. На постамент были краской нанесены эмоциональные надписи, соответствующие тому историческому моменту: «Феликсу конец» и «Долой палачей... Спасибо, Боря». Администрация парка «Музеон», где сейчас находится памятник, сохранила все следы вандализма умышленно, считая, что они «являются таким же историческим материалом, как и сама скульптура»¹⁹.

Как оказалось, такой же позиции придерживаются и московские власти: в апреле 2014 г. представитель научно-методического совета при Мосгорнаследии сообщил, что часть нанесенных на памятник надписей могут не только сохранить, но и включить в предмет охраны. При этом он уточнил, что в ходе исследований должны быть определены надписи, нанесенные в ходе событий 22 августа 1991 г., и отделены от надписей, нанесенных в более поздние годы²⁰.

Реакция на такое решение неоднозначна даже среди искусствоведов: кто-то считает, что эти надписи — «ключевой артефакт, символ важнейших исторических событий в истории развития нашей страны»²¹, а кто-то, что «надписи на произведении искусства — это не история искусства, это история варварства»²².

Свержение памятника Дзержинскому было крайне символическим актом, и таким же может быть его потенциальное возвращение. Для российской общественности и медиасферы эта тема остается в числе острых, что отражается в эмоциональной

¹⁹ По материалам фотоальбома «Коллекция Музеона». URL: <http://www.muzeon.ru/articles/23-kollektsiya-muzeona> (дата обращения: 20.06.2014).

²⁰ Новости на портале РИА Новости. URL: <http://ria.ru/culture/20140404/1002551606.html> (дата обращения: 20.06.2014).

²¹ Цит. по: «Здесь и Сейчас», передача на сайте телеканала Дождь. URL: http://tvrain.ru/articles/ne_skazat_chtoby_interes_vlasti_k_pamjatniku_dzerzhinskomu_vyros_vernut_li_pamjatnik_na_lubjanku_i_ostanutsja_li_na_nem_nadpisi-366385 (дата обращения: 20.06.2014).

²² Цит. по материалам агентства ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/kultura/1098453> (дата обращения: 20.06.2014).

напряженности всех публичных дискуссий, связанных с памятником. Так, на последнем заседании Комиссии по монументальному искусству, где в очередной раз обсуждался вопрос о возвращении памятника, из шести вопросов, вынесенных на повестку дня заседания, именно этот вопрос находился в центре внимания и вызвал наибольший ажиотаж в СМИ. Из-за этого председатель Комиссии Лев Лавренов переставил его очередность и поставил данный вопрос первым, хотя изначально он значился под номером три. На Комиссии присутствовали представители 13-ти СМИ, 11 из которых покинули зал совещаний после вынесения решения по вопросу о памятнике.

Эмоциональный накал вокруг памятника отметил на том же заседании Комиссии представитель Департамента Культуры. По его словам, когда в прессе проходит какое-то обсуждение памятника или опрос общественного мнения, к ним сразу потоком начинают идти письма, причем количество писем «за» и «против» возвращения памятника — примерно одинаковое²³.

В целом лица, ответственные за принятие решения о возвращении или невозвращении памятника на прежнее место, придерживаются, так сказать, пассивно-нейтральной позиции, отмечая, что в обществе еще не сложилось единого мнения по этому вопросу. Они — сторонники того, чтобы отложить дело, подождать с вынесением какого-то однозначного вердикта. В Администрации Президента считают, что «такие действия требуют осторожного и взвешенного подхода. Ни в коем случае нельзя оскорблять чувства и память людей»²⁴. Часто встречается мнение о том, что решение по поводу возвращения памятника должны принимать будущие поколения, которые будут уже не так бурно переживать события пока еще недалекого прошлого²⁵. В этом есть рациональное зерно: обсуждение памятника, в том числе в Интернете, очень эмоционально окрашено, в нем часто встречаются слова «убийца», «кровавый палач», а также проводятся аналогии с Гитлером и Сталиным. Очевидно, что людям пока сложно дистанцироваться от этой страницы истории. События XX века в целом в нашей стране воспринимаются очень неоднозначно, и оценка значимых фигур этого периода имеет тенденцию диаметрально распадаться. Кроме того, историческая память имеет свойство ангажироваться различными политическими силами и использоваться в текущей политико-идеологической полемике (Тощенко, 2000).

Исследователи отмечают, что отношение к памяти и памятникам зависит от политического заказа, «который приписывает им определенный идеологический смысл, зачастую первоначально в них не заложенный» (Кравченко, 2008). В данном случае можно сказать, что политический заказ еще не сформировался; вернее, он сформировался, но он предельно противоречив у разных социальных сил. Из этого множества еще не выделился доминирующий, и в силу этого однозначное отношение к советскому прошлому (и в частности, к памятнику) и вектор дальнейшего развития еще не определены. Следует отметить, что идеологическая подоплека была многократно усилена именно моментом сноса памятника. Памятник обладает значимым символическим капиталом, и какие-либо действия вокруг него будут актом проявления символического господства.

Согласно Бурдые, монополией на символическое насилие обладает государство (Бурдые, 1994), но в августе 1991 г. это исключительное право было отобрано у государства активно толпой, во что бы то ни стало пожелавшей снести памятник. Государство уступило и продолжает уступать до сих пор, не решаясь ставить точку в спорном вопросе возвращения памятника.

²³ По материалам заседания Комиссии по монументальному искусству при Московской Городской Думе от 11.02.2014.

²⁴ Цит. по материалам портала Грани.ру. URL: <http://grani.ru/fsb/m.9822.html> (дата обращения 20.06.2014).

²⁵ По материалам заседания Комиссии по монументальному искусству при Московской Городской Думе от 11.02.2014.

Символическое значение не является закрепленным, оно может быть прочитано совершенно по-разному с позиций различных групп в зависимости от их интересов, а также сегодняшних интересов общества. Это хорошо видно на примере целого «древа» расползающихся контекстов и смыслов, которые видятся различным сторонам этой дискуссии. Эта разногласица особенно заметна на примере тех значений, которые приписываются и сношению, и потенциальному возвращению памятника, как коммунистами, так и демократами. Что касается интересов общества, то они на сегодняшний день еще не очень четко оформились: Россия продолжает реформироваться и ее политический курс за прошедшие десятилетия неоднократно менялся, поэтому и доминирующее значение в поле символики сложно выделить.

С 2002 по 2014 г. дискуссия достаточно активно развивалась в двух направлениях: различные организации и отдельные лица шесть раз проявляли инициативу вернуть памятник, а протесты против его возвращения были выражены девять раз. Акторами в данном случае выступали как политические партии, так и общественные организации, а также гражданские активисты. Вопрос о возвращении памятника представляет живой интерес для самых разных общественных сил. При этом каждый раз, когда вопрос вставал на повестку дня московского правительства, принималось отрицательное решение.

Можно сказать, что единого мнения по поводу памятника Дзержинскому в обществе еще не сформировалось, эта тема все еще поляризует российское общество. Алексей Левинсон высказал мысль о том, что «памятник, как и праздник, может появиться только тогда, когда борьба групп в обществе вокруг тех или иных ценностей будет завершена неким определенным образом — победой какой-то стороны или устойчивым компромиссом» (Левинсон, 1989). В нашем случае этого еще не произошло.

Заключение

Процессы символической культурной трансформации, присущие современному российскому обществу как обществу перехода, находят воплощение в действиях уполномоченных органов и народных масс вокруг символических объектов культуры, в частности, памятников. Их снос или возвращение знаменуют собой смену общественно-политического курса, а пассивная позиция властей в отношении конфликтного памятника свидетельствует об отсутствии единой позиции по отношению к прошлому.

Степени эмоциональности и конфликтности, существующие в обществе по поводу определенных символов, свидетельствуют об их исключительной чувствительности и знаковости для современного состояния памяти. Выявление смысловых контекстов и позиций отдельных акторов позволяет сделать выводы о более глобальных и более глубоких социокультурных дифференциациях, присутствующих в обществе, и классифицировать их относительно отдельных общественно-политических сил.

В случае с памятником Дзержинскому изучение публичного дискурса показало очень неоднозначное, напряженное отношение к нему со стороны противоборствующих сил. Наличие множества противоречивых позиций говорит об отсутствии единого отношения к недавнему советскому прошлому и неоднородности современного российского общества, которые тянут в разные стороны различные политические силы. Большая степень конфликтности обусловлена временной близостью и трагичностью исторических событий, на которые указывает памятник: это и Гражданская война с устроенным в ее годы Красным Террором, и последующие репрессии, и деятельность органов Госбезопасности, и развал Советского Союза. Учитывая подобную историческую подоплеку, вряд ли российское общество в ближайшее время сможет спокойно и взвешенно подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе памятника Феликсу Дзержинскому.

А пока что памятник стоит в парке скульптур «Музеон», среди многих других мемориалов советского прошлого, и там, лишенный контекста своей родной Лубянской площади, он парадоксальным образом теряет значительную часть своего яркого символизма.

Литература

Богдановская И. М., Трегубенко И. А. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 2. С. 78–86.

Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко М.: Socio-Logos, 1994.

Кашин О. Замечательная Толпа // *Русская Жизнь*. 2008. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/801/> (дата обращения: 20.06.2014).

Козловский С. Дзержинский: памятник и человек // *Парк Музеон*, 2013. URL: <http://www.muzeon.ru/articles/116-dzerzhinskii-pamyatnik-i-chelovek> (дата обращения: 08.11.2014).

Кравченко И. Г. Памятник как социокультурный феномен // *Вестник ВолГУ. Серия 7*. 2008. № 1. С. 60–64.

Левинсон А. Г. Память. Памятник. Мемориал // *Декоративное искусство*. 1989. № 11. С. 15–16.

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.

Мохов С. В. Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память // *Бизнес. Общество. Власть*. 2011. № 7. С. 17–29.

Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2011. № 6. С. 27–48.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // *Новая новейшая история*. 2000. № 4. С. 3–15.

Яковлева М. В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан // *Вестник Удмуртского государственного университета*. 2008. № 3. С. 83–90.

Рецензии

Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Ассман

Алейда Ассман. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с. ISBN 978–5–4448–0146–8.

*Наталья Веселкова**

Вышедшая в 2006 г. на немецком языке книга Алейды Ассман и визуально, и вербально начинается с провокационной инсталляции Хорста Хоайзеля¹. 27 января 1997 г., когда в Германии отмечали День памяти жертв Холокоста, приуроченный к освобождению Аушвица, Х. Хоайзель наложил на Бранденбургские ворота световую проекцию ворот лагеря Аушвиц, пишет Ассман во Введении (с. 8). Вынесенная на обложку в 2006 г. фотография перформанса 1997 г. дает почву размышлениям о том, как мимолетный художественный жест входит в материальные накопители памяти.

С этого же момента, но только удаленного на полтора десятка лет и перенесенного в вузовские аудитории Екатеринбурга, хотелось бы начать и разговор об этой книге, вышедшей в русском переводе в 2014 г.

С первого брошенного на картинку² взгляда идея не распознается, как показали три пробных обсуждения со студентами двух екатеринбургских университетов (никто из участников не бывал в Германии и не знает немецкого языка). Начальные предположения связывают изображение с объектом современного искусства, чем, собственно, и является инсталляция Хоайзеля. Сооружение опознается как триумфальная арка где-то в Европе, название на немецком языке локализует его в Германии. Отсюда, через несколько шагов, но довольно скоро, возникает предположение о концлагере.

Если рассмотреть восприятие обложки в терминах Гернота Беме (см.: Рождественская, 2012, с. 187–194), получим следующее. Гипертекстуальность работает только на самом поверхностном уровне — в наложении одной фигуры на другую узнаются приемы современных световых шоу. Референциальность, то есть отсылка к той длинной тени, которую отбрасывает Аушвиц/Освенцим на Бранденбургские ворота, не срабатывает вовсе, поскольку ни надпись «Arbeit macht frei», ни прихотливый изгиб верхней части ворот в концлагерь сами по себе ничего не говорят молодым людям. Раз не прочитываются эти, казалось бы, кричащие коды, то не выполняется и коммуникативная функция изображения. Участники обсуждения — изучающие маркетинг территорий

* Веселкова Наталья, кандидат социологических наук, доцент Института Социальных и Политических Наук УрФУ. vesselkova@mail.ru.

¹ См., напр.: URL: <http://www.amazon.de/lange-Schatten-Vergangenheit-Erinnerungskultur-Schichtspolitik/dp/3406549624> (дата обращения: 14.11.2014).

² Помимо изображения оригинальной обложки, использовали фотографии световой проекции Х. Хоайзеля с сайта Центра исследований Холокоста и геноцида университета Миннесоты. См.: Removal of the Brandenburg Gate // Center for Holocaust and Genocide Studies. University of Minnesota. URL: <http://www.chgs.umn.edu/museum/memorials/hoheisel/brandenburg.html> (дата обращения: 14.11.2014).

магистранты — сказали даже, что книга с такой обложкой сегодня воспринималась бы как туристический бюллетень, по крайней мере, на наших прилавках.

В этой ситуации удивительным становится не то, как далеки мы были от прочтения замысла в начале обсуждения, а то, что каждый раз все-таки до него добирались: коллективная память в нашей стране весьма прочно ассоциирует Германию с войной и концлагерями. В какой-то момент одна девушка внезапно «увидела» в проекции Хоайзеля надпись из Аушвица, вспомнив, что дома есть книжка с видом тех страшных ворот.

* * *

Русскоязычный читатель раньше познакомился с работой историка Яна Ассмана (Ассман, 2004), который ввел основополагающее различие между культурной и коммуникативной памятью, решение элегантно в той же мере, что и схематичное — удел всех оппозиций. Алейда Ассман дробит эту дихотомию, получая, если делить по масштабу проработки, коллективную и индивидуальную память, по формату — политическую и культурную. Принципиальным шагом она считает сведение в одну таблицу нейронной, социальной и культурной памяти (с. 31). Действительно, многие исследователи памяти черпают вдохновение в новейших достижениях нейрологии, вот только почему-то на ум приходит сакраментальный вопрос, а «мыслит ли человек при помощи мозга?», но это уже совсем другая история.

С расширенной, по сравнению с дихотомией Яна Ассмана, концепцией Алейды Ассман я познакомилась несколько лет назад в написанной ею главе амстердамского сборника (Assman, 2010) и не могла избавиться от недоумения: зачем нужно было портить такую стройную схему? Четыре формата памяти: индивидуальная, социальная, политическая и коммуникативная, казалось, только вносят путаницу, не добавляя ничего существенного.

«Длинная тень прошлого», более ранняя и программная в данной тематике работа А. Ассман, вносит ясность в суть ее подхода. Социальную память она сводит к коммуникативной, тем самым кратковременной — семейной, поколенческой. А коллективную память мыслит как культурную, т. е. увековеченную в артефактах — национальную и политическую. Для социолога все обстоит ровно наоборот: коллективное — это скорее семья и другие групповые образования, а под социальным имплицитно все еще во многом фигурирует национальное (хоть Э. Гидденс³ столько усилий и прилагал, чтобы показать, что общество уже не сводится к нации-государству). В таком терминологическом решении сквозит традиция восприятия социального как чего-то если не наносного и вторичного, то уж точно ограниченного — во времени, масштабе и т. п. Пожалуй, стоит также принять во внимание и нюансы западного и отечественного восприятия «социального» и «коллективного». Если в обиходном западном понимании социализироваться значит общаться, коммуницировать, а коллектив и коллективность — это что-то очень отдаленное от индивида и формализованное, то в привычном нам понимании скорее наоборот. Так или иначе, все различия все равно вращаются вдоль оси коммуникативной/культурной памяти. В коммуникативной А. Ассман особо подчеркивает сферу семейной, межпоколенной связи, зачастую спрятанную в коконе частного, противопоставляя ее публичности политической памяти.

Впрочем, за пределами самой первой, вводящей теоретические основания, главы, автор уходит от систематического разделения видов памяти. Зато «социальные рамки памяти» М. Хальбвакса фигурируют в разных главах книги, получая, бесспорно, мощное продвижение, если не вторую жизнь. В трактовке А. Ассман они выглядят все более инструментальными и нормативными. Это в буквальном смысле рамки дозволенного. К каким воспоминаниям, каким образом выстроенным и сакцентированным, общество

³ Не только он, конечно же, но у Э. Гидденса это прописано на уровне хрестоматийных учебников.

готово сегодня, а к каким еще нет? Какую проблематизацию пропустят, а за какую можно поплатиться? (Будь у исследовательницы под рукой пример с коллизией вокруг вопроса телеканала «Дождь» о блокаде Ленинграда, лучшего сюжета не стоило бы и желать.) С другой стороны, рамки памяти выступают в качестве канонов коммемораций. Тому, что идеи Хальбвакса почти вековой давности так дивно питают современные студии, конечно же, стоит порадоваться, а вот тому, что становятся при этом все менее узнаваемыми, вряд ли. Возможно, автору стоило более настойчиво отмежеваться от французского социолога, а то и придумать собственную терминологию?

На смену идеологии, с которой критически мыслящим людям все было ясно — ложное сознание, пришла коллективная память, считает А. Ассман, и ругать эту форму коллективного сознания уже не принято, хотя не все с ней так просто: воспоминания конструируются. Чувствуется, что автору нелегко было свыкнуться с мыслью: все есть конструкция. Такая очевидная в логике теорий социального конструирования реальности, эта идея требует многих усилий, чтобы прийти к ней извне. Ассман словно пытается убедить, похоже, прежде всего саму себя, что в конструировании нет ничего плохого. Конструировать, например воспоминания, — не значит создавать подделку, что-то искусственное, наносное поверх подлинного, ибо любое воспоминание суть конструкция.

Предельный случай такой работы памяти — подмена личности. В четвертой главе «Ложные воспоминания: патология идентичности в конце XX века» разбираются два потрясающих примера перелицовки биографии (с. 147). Всплывающие было аналогии с биографизированием С. Подлубного быстро разрушаются: здесь самодовлеющая история.

Продуктивным представляется различие Я-память и меня-память, развитое из подхваченной у Гюнтера Грасса фразы: я ли вспоминаю, или что-то вспоминает меня? Интересны пересечения между живой памятью-опытом и культурной памятью, систематизированные в одноименной восьмой главе. Сердцевиной всех рассуждений является травма страданий немцев в результате войны. Долгое время для этой темы не было места, одобренные в политической памяти рамки не допускали ее в публичное пространство. Самый болезненный вопрос: не затмит ли память о страданиях память вины? — немецкой исследовательнице очень хочется решить в позитивном, оптимистическом ключе. Следует отдать должное: она мужественно пытается сохранять беспристрастность, говоря: не следует недооценивать склонность немцев уйти от ответственности через роль жертвы (с. 218). Опора видится в глобальной памяти, однако сама же Ассман подмывает основания этого фундамента, указывая на неукорененность памяти о Холокосте в Америке, где его не было. Чтобы все-таки продвинуться к сбалансированному сосуществованию этих памятей — так, чтобы перенесение в публичное пространство и растущее переживание страданий не привело к угасанию переживания вины, книга предлагает семь правил толерантного обращения с коллективной памятью, как «подлежащие всеобщему признанию принципы» (с. 292).

В свое время в ответ на растущую популярность концепции мест памяти появилась критика, утверждавшая, что проект Пьера Нора — слишком французский (см., напр.: Джадт, 2011), чтобы претендовать на универсальность. Не углубляясь в эту дискуссию, полагаю, что с подобной меркой полезно подойти и к творению Ассман. Ее аналитические построения в области мемориальной культуры и исторической политики, безусловно, претендуют на универсальность. Однако, взращенные на специфичном опыте Германии, может быть, они и применимы большей частью именно к немецкой памяти? Ответ на вопрос о методологическом потенциале концепции могут дать только дальнейшие исследования с ее применением. На мой же взгляд, сама наполненность немецкой историей «Длинной тени прошлого» является не ограничителем, а приглашением, или вызовом всмотреться — что же там, в прорехах триумфальных арок?

Снова жаль первоначальной обложки, хотя наши упражнения со студентами и продемонстрировали, что решение российского издания несомненно более уместно для своей аудитории. Признаться, меня вполне устраивало оформление книги, созданное издательством Новое литературное обозрение, пока не нашла в Интернете версию оригинала 2006 г. Почему ее не сохранили — опасались, что российский читатель не уловил бы смысла бриколажа? Тогда и возникла мысль узнать, а что видят в ней мои студенты? А видят они много существенного. Ворота как символ перехода из одного состояния, из привычно видимого мира в какой-то совсем другой. Поколения проезжают, сквозят в этих воротах, не замечая нависающего — либо парящего — над ними послания истории. Или все-таки замечают?

Литература

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2011. С. 45–74.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Assman A. Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / ed. by K. Tilmans. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 35–50.

Авторы номера

Роман Абрамов

кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: социология профессий, история социологии, современная социологическая теория, социальная память.

Александрина Ваньке

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник ИС РАН, заместитель декана факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: социальные исследования тела и эмоций, дискурсивный анализ, социология памяти.

Надежда Васильева

студентка факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: социальная память.

Наталья Веселкова

кандидат социологических наук, доцент Института Социальных и Политических Наук УрФУ. Научные интересы: методология и методы социологического исследования, социология времени и социальной памяти, социология возраста.

Елизавета Полухина

кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ и факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: методы онлайн исследований, историческая память, социальная экология.

Елена Рождественская

доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: качественная социология, биографический метод, социология семьи и гендера, визуальная социология, историческая память.

Виктория Семенова

доктор социологических наук, заведующий сектором ИС РАН, профессор, и.о. декана факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: методология и методика качественных исследований, социальные проблемы поколений, социокультурные изменения, историческая память.

Анна Стрельникова

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: социология города, методология анализа данных, экономика и социология Интернета, социальная память.

Екатерина Тарновская

аспирант ИС РАН, младший научный сотрудник Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: социология кино и культуры.

Ирина Тартаковская

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИС РАН и Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социологии ГАУГН. Научные интересы: гендерная социология, экономическая социология, исследования социальной памяти и механизмов социальной мобилизации в Интернете.

Евгений Терентьев

аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий аналитик Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Александрина Ваньке*

Корректор *Виктория Камышан*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 00.11.2014. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж экз. Заказ № .